

СОЮЗ ПЕРЕВОДЧИКОВ РОССИИ

Министерство образования и науки Российской Федерации

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования**

**«НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н.А. ДОБРЮЛОВА»**

ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА И ПЕРЕВОДА
В ТРУДАХ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ**

Сборник научных трудов

Выпуск 15

**Нижний Новгород
2015**

Печатается по решению редакционно-издательского совета ФГБОУ ВПО «НГЛУ».

УДК 81'25 (060-55)

Проблемы языка и перевода в трудах молодых ученых: Сборник научных трудов. Выпуск 15. – Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А.Добролюбова, 2015. – 257 с.

ISSN 2410-3101

В настоящем сборнике опубликованы результаты научных исследований, представленные участниками VII Международной молодежной научно-практической конференции «Перевод как фактор развития науки и техники в современном мире. Проблемы лингвистической безопасности» 12-14 октября 2015 г.

Тематика работ весьма разнообразна и включает как вопросы описания лингвистических особенностей разных видов переводного дискурса, так и вопросы перевода художественных и специальных текстов. Значительное внимание уделяется проблемам обеспечения лингвистической безопасности.

Сборник предназначен аспирантам, студентам и магистрантам языковых вузов и факультетов иностранных языков, обучающимся по направлению «Лингвистика», а также переводчикам-практикам.

Редакционная коллегия:

канд. филол. наук, доц. В.В.Сдобников (отв. редактор); канд. пед. наук, доц. И.Р.Абдулмянова; канд. филол. наук, доц. Л.А.Аверкина; канд. филол. наук, доц. И.Ю.Зиновьева; канд. филол. наук, доц. С.Ю.Павлина; канд. филол. наук, доц. О.В.Петрова; канд. филол. наук, доц. М.Б.Чиков.

ISSN 2410-3101

© ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2015

© Сдобников В.В., 2015

К.Ю. Аверьянова¹

*(Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н.А. Добролюбова,
г. Нижний Новгород)*

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ ТУРИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В РУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

Интерес к проведению сравнительного анализа туристического дискурса в русском и французском языках обусловлен тем, в каждом языке туристический дискурс, как и любой другой вид дискурса, имеет свои особенности, и их знание необходимо, в частности, при переводе туристической документации. Их учёт позволяет сохранить прагматику туристического текста (далее – ТТ) при переводе.

Вне зависимости от того, на каком языке написан туристический текст, его основными задачами остаются:

- привлечение внимания потенциального путешественника к определённой туристической дестинации и предоставление сведений об ней;
- оказание помощи туристу в организации путешествия и своего пребывания в описываемом месте.

Кроме того, тексты туристической тематики определяются рядом специфических характеристик (участники, цели, институты, содержательное наполнение и т.д.), что позволяет выделить их в туристический дискурс.

Однако способы решения основных задач могут существенно различаться в зависимости от языка, на котором составлен текст. Дело в том, что именно тонкие нюансы значений и коннотации в конечном итоге определяют эффект, производимый текстом. Соответственно, для того, чтобы оказать аналогичный эффект на потенциальных туристов, принадлежащих к разным культурам, туристический дискурс облекается в различную форму.

Чтобы выявить различия между русским и французским ТД, различными исследователями были проанализированы туристические тексты на русском языке и тексты аналогичной тематики на французском языке. Факт того, что во всех работах их авторы пришли к одним и тем же выводам, даёт нам основание рассматривать эти результаты как объективные знания из области современной сравнительной лингвистики. Кроме того, ранее полученные результаты были подтверждены нашими собственными наблюдениями.

¹ Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент кафедры теории и практики французского языка и перевода Е.В. Гаврилова.

Было показано, например, что для обращения к туристу или потенциальному потребителю туристических услуг во французском ТД используются местоимения *on* и *nous*. Также часто употребляется притяжательное местоимение (притяжательное прилагательное, по классификации, принятой у французских грамматистов) *notre*.

(1) Que vous aimiez les plages sauvages ou fréquentées, vous passerez de très bons moments en bord de mer.

(2) Des petits bonheurs que l'on apprécie tous!

Такое представление адресанта ТД, указывающее на его анонимность и многочисленность, полностью сочетается с диалогичностью, характерной для этого типа дискурса на французском языке. Таким способом составители французских туристических материалов реализуют своё стремление установить дружеский контакт с потенциальным путешественником и повлиять на его дальнейшие действия [1. С.4]. Напротив, в туристических материалах на русском языке нередко употребляются «отдыхающие», либо в тексте нет прямого обращения к туристам вообще. Также часто используются безличные глагольные конструкции [2. С.3]. В целом диалогичность русскому ТД менее свойственна:

(3) В Крыму отдыхающие смогут побывать на раскопках древнего города Акры.

Напротив, составители ТД на русском языке часто обращаются к использованию слов и словосочетаний, преимущественно имён существительных, для обозначения тех, к кому обращено описание туристических объектов и их преимуществ.

Также используются собирательные местоимения [2. С.4-5]. Во французских текстах также можно найти слова, обобщённо представляющие потенциальных путешественников (*touriste, voyageur, visiteur, randonneur, excursionniste*), однако они сравнительно мало употребительны.

(4) Les randonneurs seront impressionnés par la vue imprenable sur la vallée et les autres banlieues de Baiersbronn.

Что касается грамматических аспектов ТД, стоит отметить, наряду с использованием форм настоящего времени (*présent de l'indicatif*), которому отдаётся предпочтение при написании туристических текстов, также очень частотны формы будущего (*futur simple*).

(5) Vous apprécierez le jardin clos avec le portique ou bien la table de ping-pong, l'environnement, et les visites alentours nombreuses.

Также встречаются формы прошедшего времени (*passé simple, passé composé*):

(6) Mythique Vallée de Seine... Elle inspira en leur temps les peintres impressionnistes.

В русских рекламных текстах также присутствуют формы всех трёх времён.

Интересно отметить, что в русском туристическом тексте огромную роль играют метафоры, которые, создавая красочные образы, придают ТД яркость и тем самым самому объекту — естественность, представляют его в выгодном свете, делают сказочно-притягательным. Большое количество прилагательных и причастий объясняется широким использованием оценочной лексики, выступающей как средство создания положительного имиджа страны.

Во французских ТТ в этих целях часто встречаются географические образы; употребляется разнообразная субъективно-оценочная лексика: аффективные прилагательные и прилагательные в превосходной степени и тропы (притом по сравнению с русскими ТТ, наряду с эпитетами, сравнениями и метафорами, частотны олицетворения).

(7)*Le bourg est charmant avec ses belles bâtisses de caractère, ses brocantes et salons de thé.*

(8)*Première ville du Var, Toulon regroupe toutes les activités d'un centre-ville dynamique, qui sait rester fidèle à son âme provençale et maritime.*

Для усиления признака используются наречия, а для снижения категоричности оценки – аппроксиматоры. Под аппроксиматорами мы понимаем различные языковые средства снижения категоричности оценки. Различные средства используются для выражения оценочности конструкции, например *laisser+infinitif*:

(9)*Laissez-vous guider lors d'une visite des monuments emblématiques toulousains.*

Этим же целям служат инверсии членов предложения и эмоционально-экспрессивный синтаксис. Обращает на себя обилие вопросительных и восклицательных предложений; притом нередко несколько идут одно за другим [1. С.5-6].

(10)*Envie de relaxation? Direction Toulouse pour un week-end à Calicéo: sauna, hammam, piscine à jets massants.*

(11)*Pour un week-end ou des vacances en Normandie, direction la mer!*

Вообще, если в русских туристических текстах часто встречается разговорная, в т.ч. сниженная лексика (средство, широко использующееся для создания определённого, условно-фамильярного или, напротив, индивидуального стиля и/или юмористического эффекта), то французский ТД отличается чрезвычайно широким диапазоном разговорных синтаксических конструкций. В то же время лексический разговорный компонент сравнительно слабо выражен, хотя нельзя отрицать, что и лексические единицы также участвуют в создании запоминающихся образов. И в первом, и во втором случае целью автора является создание более доверительных отношений между автором и читателем.

(12)*Впрочем, у направления немало других плюсов: вылизанные трассы на любой вкус, лучшие в мире горные отели и целая масса исторических достопримечательностей, в основном замков.*

(13)*Между прочим, Ивердон-ле-Бен – главный центр по изготовлению этих очаровательных музыкальных пюстячков в Европе.*

Напротив, во французских туристических материалах синтаксические средства изобилуют. Помимо восклицательных и вопросительных конструкций, присутствуют повторы, вопросно-ответные реплики, парцелляция, эллиптические конструкции и др. Напротив, в русском широко используются лишь вопросительные конструкции.

Источники на русском языке (например, туристические сайты), нередко представляют на своих страницах энциклопедические статьи о странах, туры в которые они предлагают. В целом, замечено, что большинство русскоязычных рекламных текстов сближаются по стилю с «книгами-стравочниками» и представляют туристические дестинации как традиционные, популярные на протяжении долгого времени [2. С.3].

(14)Административным центром области является город Пльзень - хозяйственная, культурная и общественная метрополия всей Западной Чехии.

Если говорить о побудительности ТД, то французский и русский языки реализуют её различными способами. Французские ТТ побуждают главным образом широко используемыми глаголами в повелительном наклонении и формами будущего времени (*futur simple*).

(15)Au départ du port de Toulon d'avril à octobre, découvrez Toulon à travers deux circuits commentés en petit train.

(16)Ne manquez pas d'aller visiter la capitale de l'Eure, Evreux, qui est toute proche !

Хотя глаголы в повелительном наклонении также встречаются в русских ТТ, преобладает все же изъявительное наклонение – глаголы будущего времени и безличные глагольные конструкции.

Помимо этого, в русском ТД автор даёт адресанту многочисленные советы, рекомендации, обещания и гарантии (скажем, «незабываемого отдыха»), где важная роль отводится аргументации [1. С.3].

(17)Остановившись в этом роскошном отеле, вы проведёте незабываемый отпуск на красивом побережье Коста-дель-Соль.

Французские ТТ советуют более сдержанно, а обещать что-либо для них весьма несвойственно.

В то же время ряд черт объединяет французский и русский ТД. К ним относится частое употребление имён числительных и топонимов, что обусловлено тематикой текстов. Также несложно заметить частое употребление слов с семантикой движения. Кроме того, тексты и на русском, и на французском «разбавляются» разнообразными коннекторами для их лучшего структурирования.

Наконец, добавим, что как русской, так и французской туристической документации, кроме общих жанровых характеристик, присущи специфические черты в зависимости от вида и объёма материалов. Так, если для туристических проспектов характерны сокращения и упрощённый синтаксис, то в туристических брошюрах, имеющих больший объём, чаще встречаются повторы, уточнения, развёрнутые синтаксические конструкции [1. С.4]. Основываясь на

собственных наблюдениях, отметим также, что компьютерно-опосредованным разновидностям ТД в большей степени свойственны разговорный синтаксис и лексика, чем журнальным статьям о туризме.

Проведённый анализ позволяет более ясно увидеть лексические, грамматические и стилистические различия между текстами на туристическую тематику на русском языке. Собранные результаты весьма немаловажны, поскольку все рассмотренные выше особенности необходимо должны быть учтены при переводе и адаптации ТТ для получения качественного перевода.

Библиографический список

1. П о г о д а е в а С. А. *Языковые средства аргументации во французском туристическом дискурсе: Автореф. дис... канд. филол. наук.* – Иркутск, 2008.
2. М и т я г и н а В. А. *Коммуникативные действия в туристическом дискурсе // Иностранные языки в высшей школе.* Рязань, 2009.

С. В. Азарян²

*(Тверской государственной университет,
г. Тверь)*

ПЕРЕВОДЫ И ПЕРЕВОДЧИКИ: ИХ ТВОРЧЕСКИЕ МЕТОДЫ

Сказки О. Уайльда переводились на русский язык около 56 раз разными переводчиками разных временных эпох. Первое русскоязычное издание сказок О. Уайльда выходит в 1908 году под названием «Замѣчательные рассказы и сказки» в переводе И.П. Сахарова. Впечатленный сказками английского писателя, Сахаров решил перевести их на русский язык, изложив их специально для детей, что и можно заметить на дореволюционной обложке. Примечателен тот факт, что только братья Бертенсоны перевели все 9 сказок английского писателя. В 1909 году в Санкт-Петербургской типографии «Сириусъ» выходят переводы сказок, выполненные Т. и С. Бертенсонами. Т. Бертенсон (1885–1962) - это известный русский библиограф, историк литературы и театра и переводчик. К работе над сказками О. Уайльда другой переводчик начала XX века М.Ф. Ликиардопуло (1883–1925) приступил, используя оригинальную рукопись писателя, что и явилось одним из главных факторов решения перевести сказки Уайльда на русский язык, наряду с тем что Ликиардопуло был лично знаком с О. Уайльдом. К 1910 году в

² Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент кафедры английского языка Е.М.Масленникова.

России выходит в восьми томах собрание сочинений О. Уайльда под редакцией М.Ф. Ликиардопуло. М.Ф. Ликиардопуло известен не только своими переводами, он являлся журналистом, драматургом, а также исполнял обязанности секретаря Московского художественного театра. М.Ф. Ликиардопуло перевёл все пять сказок из первого сборника «The Happy Prince and other tales» и только одну сказку («Звёздный мальчик») из второго сборника «The House of Pomegranates». Что же касается современных писателей, то только Валерий Чухно максимально приблизился к завершению переводов всех сказок, но остановился на восьмерке сказок, исключив из своей коллекции сказку «Рыбака и его душу». Каждый переводчик придерживается своего единства стиля. Подведем итог переводов сказок О. Уайльда на русский язык.

The Happy Prince (1888г.)	И. Сахаров (1908г.) М. Ликиардопуло (1910г.) К. Чуковский (1960г.) В. Чухно (1999г.) Л. Яхнин (2004г.) М. Ладыгин (2005г.) Л. Шутько (2010г.) А. Грызунова (2010г.) Е. Кузьмин (2013г.)
The Nightingale and the Rose (1888г.)	И. Сахаров (1908г.) М. Ликиардопуло (1910г.) М. Благовещенская (1960г.) В. Чухно (2004г.) В. Гетцель (2010г.) А. Грызунова (2010г.) Е. Кузьмин (2013г.)
The Selfish Giant (1888г.)	И. Сахаров (1908г.) М. Ликиардопуло (1910г.) Т. Озерская (1960г.) В. Чухно (1999г.) Е. Павлова (2000г.) Я. Ясинский (2005г.) А. Грызунова (2010г.) С. Ильин (2010г.) Н. Коробкина (2010г.) Е. Кузьмин (2013г.)
The Devoted Friend (1888г.)	И. Сахаров (1908г.) М. Ликиардопуло (1910г.) Ю. Кагарлицкий (1960г.)

	Т. Габбе (1965г.) А. Соколова (2003г.) В. Гетцель (2010г.) А. Грызунова (2010г.)
The Remarkable Rocket (1888г.)	И. Сахаров (1908г.) М. Ликиардопуло (1910г.) Т. Озерская (1960г.) З. Журавская (2005г.) Ю. Кагарлицкий (2010г.) А. Грызунова (2010г.) Е. Кузьмин (2013г.)
The Young King (1888г.)	И. Сахаров (1908г.) В. Орел (1986г.) М. Коренева (1993г.) В. Чухно (2004г.) М. Благовещенская (2004г.) М. Корнеева (2006г.) В. Гетцель (2010г.) С. Ильин (2010г.) Ю. Корнеев (2012г.)
The Birthday of the Infanta (1888г.)	И. Сахаров (1908г.) З. Журавская (2010г.) В. Орел (1986г.) В. Чухно (1999г.) С. Лихачева (2002г.) М. Ричардс (2013г.)
The Fisherman and his Soul (1891г.)	К. Чуковский (1960г.) С. Лихачева (2002г.) А. Грызунова (2010г.)
The Star-Child	И. Сахаров (1908г.) Т. Озерская (1960г.) З. Журавская (2005г.) Т. Рашина (2008г.) А. Грызунова (2010г.) М. Ликиардопуло (1910г.) А. Альников (2013г.) К. Чуковский (2015г.)

Одной из самых сложных проблем является трудность перевода персонажа из одного языка в другой, переводимый язык. Переводчик в

таком случае должен стать посредником между двумя разными культурами, он должен перевести язык одной культуры с учетом ее гендерной направленности на язык другой также с учетом ее маскулинности или фемининности.

Остановимся на вопросах, связанных с гендерным переодеванием персонажей сказки «The Devoted Friend». Сказка эта строится на принципе вставной новеллы. Рассмотрим отрывок из сказки «Преданный друг»:

«One morning the old Water-rat put his head out of his hole. He had bright beady eyes and stiff grey whiskers and his tail was like a long bit of black india-rubber. The little ducks were swimming about in the pond, looking just like a lot of yellow canaries, and their mother, who was pure white with real red legs, was trying to teach them how to stand on their heads in the water.» O. Wilde. The Devoted Friend.

Звери обсуждают проблему дружбы, тот кто выступает за дружбу это «он» или «the Water-rat», представленный автором следующим образом: He has a great many good points, but for my own part I have a mother's feelings, and I can never look at a confirmed bachelor. The water rat в сказке показан как лицо мужского пола (stiff grey whiskers, I'm not a family man), который выступает за дружбу в отношениях, а не любви. Переводчики вынуждены выбирать между сохранением грамматического рода, имеющегося в русском языке, где существительное крыса относится к женскому роду, и сохранением авторской характеристики этого персонажа.

В переводе Ю. Кагарлицкого грамматически четко выражено превращение the old Water-rat в особу женского пола (глаза у нее): ...старая Водяная Крыса высунула голову из своей норы. Глаза у нее были как блестящие бусинки, усы серые и жесткие, а черный хвост ее походил на длинный резиновый шнур. Также в переводе Юрия Кагарлицкого есть предложение в котором старая Водяная Крыса не собирается выходить замуж. Тем самым, Кагарлицкий трансформирует the old Water-rat в особу женского пола на русский язык

Переводчик Виктория Гетцель, адаптировав эту сказку специально для детей раннего возраста, переводит персонажа the old Water-rat как пожилую старую крысу: ...пожилая крыса дернула своим длинным серым хвостом, нервно пошевелила мокрыми усами, фыркнула и ответила на замечание утки. I have never been married Гетцель уже переводит как: ...я не была замужем, у меня нет потомства; наверное я никогда не пойму, что значит любить своих детей. Тем самым как и в примере с Кагарлицким, переводчики переводят the old Water-rat как особу женского рода, наделяя ее качествами присущими именно особам женского пола.

Современная переводчица А. Грызунова находит выход в этой ситуации, в которой ей приходится дать другое название, соответствующее мужскому роду слову rat, то есть Нутрий, тем самым, изменив название животного, но сохранив первоначальную гендерную принадлежность и таким образом максимально приблизив его к оригинальному переводу,

хоть и тем самым поменяв изображение героя на болотного бобра: ... Однажды утром старый Нутрий высунул голову из норы. Глаза у Нутрия блестели, подобно бусинам, и торчали жёсткие серые усы, а хвост его походил на длинный обрывок чёрного каучука. А. Грызунова уже описывает Нутрия негативными качествами и предложениями: ...жёсткие черные усы, обрывок черного каучука. А confirmed bachelor в переводе А. Грызуновой уже похож на оригинальный перевод: ...убежденный холостяк, в то время как другие переводчики довольствуются убежденной или закоренелой старой девой, наделяя своего персонажа качествами и женского пола.

В переводе Г. Нуждина и П. В. Сергеева из электронной библиотеки Мошкова the old Water-rat превращается в старую водяную крысу, соответственно, женского рода, отличающаяся негативной оценочностью (глаза злобно поглядели на мир, короткие колючие усы настороженно зашевелились): ...Наступило утро. Старая водяная крыса высунула свою голову из норы. Глаза-бусинки злобно поглядели на мир, и короткие колючие усы насторожённо зашевелились. Таким образом the old Water-rat превращается в отрицательного героя сказки в переводе Г. Нуждина и П. В. Сергеева «Настоящий друг». Отличился также перевод электронной библиотеки им. Мошкова своей оригинальностью. В предложении: ...I can never look at a confirmed bachelor, Нуждин и Сергеев переводят следующее: ...я, как мать семейства, не могу без слез смотреть на одиноких.

Изучение переводов не только в сопоставительно-сравнительном аспекте, но и с точки зрения диахронии позволит рассматривать как творческие методы к переводчику так и выстраивать трансформацию текста. Сказки являются уникальным примером для анализа передачи гендерного аспекта при воплощении героев. Адекватная передача стереотипов при переводе сказок чрезвычайно важна, так как именно через их призму читатель формирует образ о представителях других народов и социальных групп, их обычаях и традициях, знание которых во многом определяет успех коммуникации в межкультурном общении.

Библиографический список

1. М а с л е н н и к о в а Е. М. *Специфика гендерной кодируемости художественного образа* // Вестник Тверского гос. ун-та. – 2011. - №4. – Сер. «Филология». – Вып. 2. Лингвистика и межкультурная коммуникация.
2. М а с л е н н и к о в а Е. М. *Художественный перевод: новое о старом: монография*. Тверь: Твер. Гос. ун-т, 2014.
3. М а с л е н н и к о в а Е. М. *Художественный текст как реализация модели мира личности* // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. М.: ИНИОН РАН, АСОУ. – Вып. 17.

4. У а й л ь д О. *Оскар Уайльд и его сказки*. М.: Прогресс, 1979.
5. У а й л ь д О. *Избранное* / Сост., послесл. и примеч. Б.И.Колесникова, О.К. Поддубного. М.: Просвещение, 1990.
6. Ф о м и н А. Г. *Психолингвистическая концепция гендерной языковой личности: дис ... д-ра филол. наук*. Кемерово, 2004.

А.В. Александрова³

(Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород)

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ТЕКСТОВ КОСМИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ С НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Данный доклад посвящен трудностям, возникшим в процессе перевода текстов космической тематики с немецкого языка на русский. Материалом для исследования послужили оригиналы статей, взятые из онлайн-версии газеты Die Zeit [1-5], и выполненный перевод этих текстов.

Отобранные нами статьи относятся к специальным текстам из области космонавтики. Данные тексты можно отнести к научно-популярному подстилю научного стиля, поскольку основная цель таких текстов – в доступной и понятной форме сообщить читателю, зачастую не владеющему специальными знаниями из области космонавтики, определенные факты и явления, то есть они, в основном, рассчитаны на массового читателя. Однако в настоящее время намечается тенденция к расширению адресации подобных текстов, например, они могут быть также рассчитаны на профессиональные запросы специалистов, стремящихся выйти за рамки своей узкоспециализированной деятельности, а также восполнять междисциплинарные интересы ученых [6].

Таким текстам присущи характерные для научного стиля информативность и объективность, строгость и чёткость изложения [7], особенностями подстиля являются также упрощенный характер изложения и использование эмоционально-экспрессивных средств речи (сравнений, метафор, эпитетов).

Тексты космической тематики представляют собой особый тип текстов, перевод которых сопровождается определенными трудностями, среди которых можно выделить перевод имен собственных, узкоспециальных терминов, перевод безэквивалентной и разговорной лексики.

Отдельно останавливаться на переводе географических названий и антропонимов не имеет смысла, так как с поиском эквивалентов к ним на

³ Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент кафедры теории и практики немецкого языка и перевода И.С. Парина.

русском языке существенных трудностей не возникло. Это вполне объяснимо, так как в языке перевода – в нашем случае в русском языке – уже существует устоявшаяся традиция перевода этих лексических единиц (*Mojave-Wüste – пустыня Мохаве; Bundeswirtschaftsminister Sigmar Gabriel – министр экономики ФРГ Зигмар Габриэль*). Что же касается перевода названий космических кораблей и исследовательских проектов, мы передавали их на ПЯ в основном транскрипцией и транслитерацией, опираясь на параллельные тексты о событиях мира космонавтики в авторитетных русских изданиях (Lenta.ru [8], РБК [9]) и на сайте информационного агентства «РИА Новости» [10]. Однако полученное в результате транскрибирования и транслитерирования название смотрелось в русскоязычном тексте несколько чужеродно, не раскрывало его значения и без соответствующих пояснений русскому читателю, не знающему исходного языка, оставалось непонятным. Поэтому при переводе мы решили дать дополнительные комментарии, направленные на облегчение восприятия русскоговорящими реципиентами чуждых им реалий, то есть таким образом мы учли прагматический аспект: информацию, содержащуюся в исходном тексте имплицитно (то есть известную носителю ИЯ как часть его «фоновых знаний»), в тексте перевода выразили эксплицитно [11]:

Starker Wind verhindert Orion-Testflug.

Сильный ветер помешал испытательному полету космического корабля США Орион (перевод мой. – А. А.)

Als Raumfahrtingenieur leitet Christian Grimm die Tests an Mascot, dem Mobile Asteroid Surface Scout.

Будучи инженером космических полетов, Кристиан Гримм руководит проведением испытаний посадочного модуля Маскот (англ. Mascot: Mobile Asteroid Surface Scout – мобильный разведчик на поверхности астероида) (перевод мой. – А. А.)

Вторая трудность, с которой мы столкнулись, касалась перевода узкоспециальных терминов. Перед нами стояла задача передать читателям содержание статей, сохранив при этом характерные особенности научно-популярного стиля, а именно: точность и чёткость изложения, чему, в свою очередь, способствует использование в тексте терминов. Поэтому опустить их мы никоим образом не могли. Было принято решение использовать при переводе пояснения, которые можно как интегрировать непосредственно в переведенный текст, так и оформить в виде сносок. Например, при переводе термина *Fluchtgeschwindigkeit*, которому в русском языке соответствует понятие «вторая космическая скорость», мы воспользовались оформили пояснение в виде сноски, поскольку само определение термина увеличивает объем текста перевода и поэтому может быть интегрировано в переводной текст:

"Wir müssen natürlich aufpassen, dass er nicht zu hoch springt, Fluchtgeschwindigkeit erreicht und ins All abhebt", erklärt Christian Grimm durch seinen Mundschutz.

«Разумеется, мы должны следить за тем, чтобы модуль взлетел не очень высоко, дабы он не приобрел вторую космическую скорость⁴ и не преодолел гравитационное притяжение астероида», - через медицинскую маску объясняет Кристиан Гримм (перевод мой. – А.А.).

Кроме того, трудности при переводе терминологии были связаны также с различиями в значении терминов на ИЯ (немецком) и на ПЯ (русском). В особенной степени это касается глагола *landen* в предложении *„Viereinhalb Stunden später soll Orion südwestlich der kalifornischen Küste im Pazifik landen“*. В «Большом словаре немецкого языка» [нем. *Großes Wörterbuch der deutschen Sprache*] читаем: *«(aus der Luft) zur Landung bringen, aufsetzen»* [13], а значит, на русский язык данное слово будет переводиться в зависимости от конкретной ситуации, контекста как «приземлиться», «приводниться» или «произвести/совершить посадку». Данное предложение мы перевели как *«Через 4,5 часа Орион должен приводниться юго-западнее калифорнийского побережья Тихого океана»*.

Трудности возникли также при переводе безэквивалентной лексики, к которой относится, например, словосочетание *«Space Master»* в предложении *«Nach einigen Praktika setzte er noch einen Space Master obendrauf, ein Spezialprogramm mehrerer europäischer Universitäten für weltraumbegeisterte Studenten»*. Сложность возникла с переводом первой части словосочетания - *Space*. Калькирование в нашем случае было невозможным, так как его результатом было бы несуществующее обозначение «степень магистра по космическому пространству». В использовавшихся нами словарях данное словосочетание указано не было. Перевод удалось найти в одном из интернет-источников, предоставляющих информацию по магистерским программам, из которого мы узнали о возможности получения «магистерской степени в области космической науки и техники» в финском университете Аалто [14]. В конечном итоге это предложение мы перевели следующим образом: *«Кроме того, после нескольких практикумов он получил степень магистра в области космической науки и техники по специальной программе, созданной несколькими европейскими университетами для студентов, увлеченных космическими исследованиями»*.

Еще одна особенность оригинала – систематическое использование в нем разговорных выражений, которые в тексте сходного назначения на русском языке были бы неуместны. Поэтому при их переводе приходилось подбирать сходные по смыслу соответствия из научно-технического стиля:

Millionen Dollar hat Virgin Galactic von Kunden eingesammelt, um sie ins All zu schießen.

⁴ Наименьшая скорость, которую необходимо придать объекту (например, космическому аппарату), масса которого пренебрежимо мала по сравнению с массой небесного тела (например, планеты), для преодоления гравитационного притяжения этого небесного тела и покидания замкнутой орбиты вокруг него [12].

Компания Вирджин Галактик заработала миллионы долларов на продаже билетов на суборбитальные полеты (букв. «Компания Вирджин Галактик собрала с покупателей миллионы долларов, чтобы забросить их в космос») (перевод мой. – А. А.).

Das SpaceShip Two sei explodiert, nachdem es von einem Flugzeug losgelassen worden sei, das es in große Höhe bringen sollte, sagte der Fotograf Ken Brown, der das Unglück beobachtete.

По словам фотографа Кена Брауна, очевидца инцидента, Спейсшип Ту взорвался после отстыковки от самолета, (букв. «после того, как его отпустил самолет») который должен был вывести космический корабль на большую высоту (перевод мой. – А. А.).

На этом наше исследование не заканчивается. Оно, разумеется, может быть продолжено, поскольку перевод текстов космической тематики – это достаточно перспективное направление в переводческой деятельности. Это объясняется тем, что космонавтика как наиболее динамично развивающаяся отрасль науки постепенно проникает во все стороны нашей жизни. Вспомним хотя бы появление спутникового телевидения и интернета, использование в быту тефлона, липучек и молний и много другого. Кроме того, космонавтика связывает научные сообщества различных государств и в некоторой степени способствует созданию глобального общества.

Библиографический список

1. Zeit Online // Электронный ресурс Интернет: <http://www.zeit.de/wirtschaft/unternehmen/2014-12/ariane-6-traegerakete-entwicklung-bewilligt>
2. Zeit Online // Электронный ресурс: <http://www.zeit.de/wissen/2014-12/nasa-raumfahrt-orion-testflug>
3. Zeit Online // Электронный ресурс: <http://www.zeit.de/wissen/2014-11/spaceship-two-rueckschlag>
4. Zeit Online // Электронный ресурс: <http://www.zeit.de/2014/23/raumfahrt-ingenieur-asteroid>
5. Zeit Online // Электронный ресурс: <http://www.zeit.de/gesellschaft/zeitgeschehen/2014-10/nasa-cygnus-rakete-raumfahrt-explosion>
6. Онлайн-энциклопедия // Электронный ресурс Интернет: <http://stylistics.academic.ru>
7. Комиссаров В. Н. *Теория перевода (лингвистические аспекты)*: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990.
8. Интернет-издание // Электронный ресурс Интернет: <http://lenta.ru>
9. Интернет-издание // Электронный ресурс Интернет: <http://www.rbc.ru>
10. Информационное агентство «РИА Новости» // Электронный ресурс Интернет: <http://ria.ru>

11. Бархударов Л. С. *Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода)*. М.: Междунар. отношения, 1975.
12. Онлайн-энциклопедия // Электронный ресурс Интернет: <http://www.wikipedia.org>
13. DUDEN: Deutsches Bedeutungswörterbuch, 3 Aufl. Mannheim, 2002.
14. Электронный ресурс Интернет: <http://www.masterstudies.ru>

Д.А. Алексеева⁵
(Саратовский государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского,
г. Саратов)

МЕТАФОРИЗАЦИЯ ЛЕКСИКИ ФИНАНСОВОЙ СФЕРЫ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Согласно работам отечественных лингвистов, метафора активно развивается в сферах социальной и профессиональной деятельности, так как они являются концептуально значимыми для носителей языка [1; 2; 3]. Финансовая сфера интересна тем, что совмещает оба аспекта.

В связи с развитием рыночных отношений за последние два десятилетия было создано немало толковых и билингвальных словарей лексики финансовой сферы, причём как в России, так и за рубежом (например, русско-английский и англо-русский словарь “Dictionary of Business & Legal Terms” издательства Hippocrene Books, New York) [4]. Интерес к русскому языку со стороны западных стран поддерживается не только экономическим потенциалом нашей страны, но и тем, что де-факто русский язык остается языком делового общения в большинстве республик бывшего СССР, а также взаимодействия в рамках СНГ, Таможенного союза, Евразийского экономического союза и т.д.

В финансовой сфере отмечается отсутствие некоего параллелизма конструкций и неочевидность переносов значения для иностранцев. Начнём с неких общих черт, прослеживаемых на материале обоих языков.

Использую термины, принятые в рамках екатеринбургской школы, в частности, в работах А.П. Чудинова [5. С. 45-46], сферами-мишенями как и в русском, так и в английском языке выступают понятийные области, близкие по смыслу к экономической сфере при сохранении фрейма ситуации с заменой слота «деньги» на «абстрактную валюту» (просьбы, обман и т.д.). Результатом действия становится получение власти над неживыми объектами или другими людьми. Сленговые же метафоры в обоих языках не всегда сохраняют эту модель переноса, для них в качестве новых понятийных областей могут выступать «Наркотики», «Умственные

⁵ Научный руководитель – д-р филол. наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Л.В. Балашова.

способности и их оценка», «Частные межличностные ситуации», «Конфликт», «Спорт». Довольно продуктивна в качестве сферы-мишени сфера азартных игр. Например, *взятка* – ‘в карточной игре: карты, покрытые старшей картой или козырем партнёра’ и *cash v. (обналичивать)* – ‘to lead (a high card) so as to take the opportunity to win a trick (выкинуть старшую карту, чтобы получить возможность взять прикуп)’. Это легко объясняется тесной связью между сферой товарно-денежных отношений и сферой азартных игр на основе общности результатов (если мы говорим об азартных играх, то их целью является получение выигрыша, то есть прибыли).

Новая понятийная область для русской литературной метафоры семантически близка исходной с сохранением общего фрейма ситуации и заменой слота «материальные блага» на «духовность», «нечто абстрактное». Например, *купить* – ‘приобрести за деньги’ → ‘расположить чем-либо в свою пользу, вызвать чью-либо симпатию’ или *подкупить* – ‘привлечь, склонить на свою сторону деньгами, подарками и т.п.’ → ‘расположить в свою пользу, вызвать чьи-либо симпатии’. Получение чего-либо в собственность достигается с помощью иной «валюты» абстрактного, метафизического характера, как в случае с *выторговывать* – ‘торгуясь, добиться уступки в цене’ → ‘добиться чего-либо, получить что-либо в результате просьб, уговоров и т.п.’ [6].

Таким образом, фрейм ситуаций остаётся прежним с заменой слота «деньги» на слот «просьбы», «уговоры», «обаяние», «личные качества» и т.д. Метафорический перенос осуществляется на основании компонента «получить власть над». Разница заключается в том, что при употреблении лексической единицы в её прямом значении некто наделяется властью, чаще всего, над неживым объектом, а при метафорическом использовании – над человеком или группой лиц (склонить на свою сторону можно силы, за которыми стоят конкретные люди, равно как и симпатия вызывается именно у конкретных людей, а не у каких-то абстрактных сообществ).

Необходимо отметить, что русский язык активно заимствовал терминологию финансовой и экономической сфер деятельности: сначала из французского языка, а в XX-XXI веке – из английского. Данная лексика стала полноправной частью системы языка, перестала восприниматься как заимствованная и начала активно развивать метафорические значения, например, *котироваться* – ‘иметь ценность на рынке’ → ‘получать оценку в глазах общества’, *банкротство* – ‘положение банкрота; неплатёжеспособность’ → ‘неудача, крах в чём-либо (идейное банкротство)’, *ажитаж* – экон. ‘чрезвычайная активность участников биржевых торгов, вызванная неожиданным резким изменением курса ценных бумаг, валютного курса или цен на товары (связана с возможностью получения быстрой и большой прибыли или значительных потерь)’ → ‘сильное волнение, борьба интересов вокруг какого-либо дела, вопроса’.

Новыми понятийными областями для английской литературной метафоры выступают «Межличностные отношения», «Ментальная деятельность человека», а также присутствуют переносы аналогичные русским примерам: с сохранением общего фрейма и заменой слота «материальные блага, деньги» на «нечто абстрактное», например, **bribe n. (взятка)** – ‘*a sum of money offered or given to bribe someone (денежная сумма, предложенная или данная кому-то с целью подкупить)*’ → ‘*a special deal offered to a customer as a way to entice him/her to make a purchase*’ (специальное предложение для привлечения покупателей), **bankrupt n. (банкрот)** – ‘*a person adjudged insolvent by a court, his or her property being transferred to a trustee and administered for the benefit of his creditors (лицо, признанное судом неплатёжеспособным, чьё имущество передаётся в пользу кредиторов)*’ → ‘*a person whose resources in a certain field are exhausted or nonexistent (человек, ресурсы которого в какой-либо области исчерпаны или отсутствуют)*’, **currency n. (валюта, денежное обращение)** – ‘*a metal or paper medium of exchange that is in current use in a particular country (металлическое или бумажное денежное средство, которое в настоящее время используется в конкретной стране)*’ → ‘*general acceptance or circulation; prevalence (нечто общепринятое, распространённое)*’ [7].

Что касается коннотаций при метафоризации, на материале русского языка четко выявляется тенденция к формированию переносных значений, несущих неодобительную оценку человека или деятельности: **собственник** – неодобр. ‘*тот, кто стремится безраздельно обладать, распоряжаться кем-либо, чем-либо (типичный собственник, собственник в любви)*’, **торгаш** – презрит. ‘*человек, который превыше всего ставит свою выгоду, корысть, личный интерес*’, **сделка** – ‘*неблаговидный, предосудительный сговор (пойти на сделку со своей совестью)*’.

На материале английского языка метафора также не является нейтральной, например: **trade v. (торговать)** – *give and receive something, typically insults or blows (давать или получать что-либо, чаще об оскорблениях или ударах)*. Однако встречаются переносные значения с положительной коннотацией: **to look a million dollars, to feel a million dollars (выглядеть на миллион долларов, чувствовать себя на миллион долларов)** – ‘*to look or feel extremely good (выглядеть или чувствовать себя очень хорошо)*’. За счёт определённых культурно-исторических особенностей функционирования английского языка встречаются и совершенно нетипичные для русского материала переносы и коннотации, а именно, номинация групп людей по географическому признаку через термины финансовой сферы: **currency n. (валюта, денежное обращение)** → ‘*the native-born Australians, as distinct from the British immigrants (урождённые австралийцы в противопоставлении с британскими иммигрантами, проживающими на территории Австралии)*’ [6], где присутствует определённый оттенок смысла «более привычный, логичный,

законный», т.е. показывается некое превосходство урождённых австралийцев.

Через призму финансовой лексики на материале обоих языков редко рассматриваются такие отвлечённые понятия, как обобщения и множества, психофизическое состояние человека, глобальные состояния социума; никогда не переносится значение лексики сферы товарно-денежных отношений на жизнь, мироздание и пространство в целом, на этические и эстетические нормы, атмосферные тела и явления. Это связано с глубоким философским пониманием этих сфер, для которых немислима номинация через приземлённое, «призренное» поле деятельности финансистов и посредников.

Антропоцентричность, в целом присущая метафорической картине мира, на основе финансовой лексики проявляется в том, что самой продуктивной сферой-мишенью является человек в социальном, профессиональном, психологическом и биологическом аспектах. Спецификой рассматриваемой финансовой сферы является то, что перенос иногда идёт не по основным или периферийным признакам явления/объекта, а по эмоциональным ассоциациям, которые эти признаки вызывают у носителей языка (как это было показано в примерах продюсер, спонсор (4) и т. д.).

В структурно-типологическом плане на рассматриваемом материале в русском языке преобладает субстантивная метафора, в английском — глагольная и субстантивная метафоры представлены в сопоставимых пропорциях, что связано с возможностью перехода лексемы из одной части речи в другую без изменения морфемного состава; а способность к формированию семантических гнезд (например, в сленге: **отоварить (1)** — ‘ударить, избить’, **отоварить (2)** — ‘покарать, наказать’, **отоварить (3)** — ‘расправиться с кем-либо’, **отовариться (1)** — ‘удариться’, **отовариться (2)** — ‘получить наказание’, **отоварка (1)** — ‘драка’, **отоварка (2)** — ‘избиение кого-либо’) обусловлена уже особенностями синтетического по своему строю русского языка.

В функционально-стилистическом аспекте следует отметить, что продукт метафоризации на базе данной сферы чаще всего в словарях указывается с пометкой «разг.» (для русского материала), и “informal” (для английского).

Библиографический список

1. А п р е с я н Ю.Д. *Избранные труды*. М., 1995. Т. 2.
2. А р у т ю н о в а Н.Д. *Метафора и дискурс // Теория метафоры*. М., 1990.
3. Б а л а ш о в а Л.В. *История русской метафоры: когнитивный аспект*. Saarbrücken, KG, 2011.
4. *Dictionary of Business & Legal Terms: Russian-English and English-Russian* / Shane R. DeBeer. New York: Hippocrene Books Inc, 1995.

5. Ч у д и н о в А.П. *Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000)*. Екатеринбург, 2001.
6. *Большой толковый словарь русского языка*. / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998.
7. *Collins English Dictionary*. London: Collins, 2006.

А.А. Арестова⁶

*(Волгоградский государственный университет,
г. Волгоград)*

ТМ-СИСТЕМЫ КАК СРЕДСТВА ОПТИМИЗАЦИИ ПЕРЕВОДА

В настоящее время современным переводчикам постоянно приходится сталкиваться с новыми вызовами, продиктованными условиями всеобщей глобализации и интеграции. Уже практически не осталось переводчиков, которые бы не использовали в своей профессиональной деятельности компьютер и автоматизированные средства перевода, которые способствуют оптимизации переводческой деятельности. А.Н. Усачева отмечает, что с появлением интернета «переводчик приобрел уникальную возможность выхода в мировую информационную сеть, ему стали доступны данные отовсюду. Изменения, которые это внесло в профессию переводчика, настолько колоссальны, что все последствия этого сейчас вряд ли возможно оценить» [1. С.82]. В последнее время наблюдается развитие и постоянное совершенствование технологий машинного перевода. Теоретики и практики перевода уже не так резко высказываются о приемлемости и применимости данных систем в профессиональной переводческой среде, а проводимые лингвистические исследования показывают, что зачастую машинный перевод при следовании определенным стратегиям [2. С.228] и при грамотном использовании может быть полезен в переводческом процессе [3. С. 68].

Одним из САТ-инструментов, заслуживающим особого внимания, являются программы накопления переводческой памяти [4. С.27]. «Память переводов (ПП, англ. Translation memory, ТМ) — база данных, содержащая набор ранее переведенных текстов. Одна запись в такой базе данных соответствует «единице перевода» (англ. Translation unit), за которую обычно принимается одно предложение. Если очередное предложение исходного текста в точности совпадает с предложением, находящемся в базе переводов, оно может быть автоматически подставлено в перевод. Если новое предложение немного отличается от хранящегося в базе,

⁶ Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент кафедры теории и практики перевода А.А. Новожилова.

перевод предложения также будет подставлен, но в таком случае переводчику необходимо будет внести изменения в перевод.»

Первые идеи создания программ – прототипов современных ТМ-систем зародились еще в конце 70-х – начале 80-х гг. прошлого столетия. Так использование переводческих архивов в целях экономии времени и облегчения труда переводчиков было предложено П. Артерном в 1978 г., когда он, анализируя документы Европейской комиссии, которые переводились на разные языки, отметил, что они имеют много одинаковой или сходной информации и содержат одни и те же цитаты [5. С.79].

С тех пор разработки в этой области велись постоянно и за последние 15-20 лет ассортимент ТМ-систем, представленных на рынке программного обеспечения, значительно расширился. В нашей стране основным конкурентом программы TRADOS стала переводческая система *Deja Vu*. Эту систему выпустила испанская компания *Atril*, которая сначала подобно переводческому инструменту TRADOS представляла собой надстройку для текстового редактора *Microsoft Word*. Позже эта система была усовершенствована и переработана в самостоятельную программу, куда загружаются файлы различного формата [4. С.29].

Принцип работы систем ТМ построен на сравнении текста, подлежащего переводу, с внутренней базой, хранящей разбитый на предложения параллельный текст на исходном языке и его перевод, полученный традиционным способом. При загрузке нового документа в ТМ-систему происходит его разделение на сегменты и сопоставление с текстами из базы. Часть этих сегментов оказывается уже переведенной ранее, и система визуализирует их как уже известные, другие – как частично совпадающие с БД, а некоторые – как требующие перевода [6. С.9].

Все системы класса ТМ имеют ряд общих функциональных возможностей:

1) Сведение – эта функция позволяет создавать память переводов из существующих файлов (из двух файлов – один с текстом оригинала, другой с текстом перевода);

2) Терминологический словарь – файлы со словарями можно импортировать в формате словаря или глоссария, а также можно пополнять и вручную. Помимо этого к каждой ТМ-системе подключён электронный словарь;

3) Текстовый редактор – окно, где осуществляется процесс перевода;

4) Конкорданс – связка словоупотребления в контексте. Выделив термин, можно посмотреть в окне все билингвы, имеющиеся в базе, в различных контекстах. Это облегчает выбор наиболее точного эквивалента [7. С.60-61].

Современные ТМ-системы по режиму доступа подразделяются на два типа – системы, устанавливаемые на ПК, и облачные онлайн-системы, именуемые иногда также браузерными. Примерами десктопных систем

являются DeJa Vu, SDL Trados и др. В качестве примера онлайн-систем можно назвать Wordfast Anywhere и SmartCAT [4. С.28].

Данные системы отличаются друг от друга по некоторым параметрам, но все они имеют ряд общих функций, которые присуще всем ТМ-системам, которые были упомянуты ранее. Также выделяются следующие этапы в процессе перевода с помощью Translation Memory:

1. Сегментирование исходного текста в соответствии с заданными правилами сегментации.

2. Поиск совпадений между сегментами исходного текста и сегментами, хранящимися в базе переводов. Найденные совпадения программа подставляет в текст перевода с указанием процента совпадения.

3. Перевод ненайденных сегментов и редактирование частично совпадающих сегментов.

4. Сохранение выполненных переводов в базе ТМ для последующего использования.

Как уже было упомянуто ранее, у всех систем имеется текстовый редактор, находящийся в двух параллельных окнах. Одно предназначено для текста оригинала, а другое – для текста перевода. Когда в окне оригинала выводится исходный фрагмент текста (предложение, абзац или отдельное слово), в базе данных системы начинается поиск аналогичного фрагмента. Если находится фрагмент со 100-процентной схожестью, то он автоматически подставляется в окно перевода. Если же совпадение не 100-процентное, но обнаружился похожий фрагмент, то он выводится в отдельное окно с указанием процентного совпадения. Если же ничего не нашлось, то система переводит предложение с нуля с помощью подключённого к ней машинного переводчика. После загрузки исходного текста в систему, весь текст делится на сегменты – в основном за сегмент принимается отдельное предложение, и программа при разбивке текста на сегменты реагирует на точки. Так системе удобно осуществлять поиск совпадений по базе данных.

Также существует функция сохранения отдельных сегментов. Она представляет удобство для переводчика, который может осуществлять перевод сегментов не по порядку, не забыв про непереверждённый сегмент. В случае если какой-то сегмент был не переведён и/или не сохранён, то система не даст возможности переводчику закончить перевод, оповестив его о том, что необходимо сохранить все сегменты. Таким образом, повышается качество перевода за счёт того, что программа «внимательна к деталям», и специалист благодаря этому не опускает перевод того или иного фрагмента. Далее, после сохранения перевода, сегмент отправляется в базу данных системы. То есть, чем больше мы переводим текстов в определённой системе, тем больше наша база данных, и тем больше вероятность совпадений фрагментов.

Помимо этого, ко многим программам подключены терминологические электронные словари. Так, например, к облачной платформе SmartCAT от компании ABBYY Language Service подключены

различные словари АВВУУ Lingvo. Терминологические словари импортируются в формате словарей или глоссариев, которые переводчики могут также пополнять вручную.

Не менее полезная функция, которая имеется у всех ТМ-систем, это конкорданс – связка словоупотребления с контекстом. Зачастую тот или иной термин может иметь ряд значений. Выделив термин, в окне можно посмотреть все пары-биллингвы, имеющиеся в базе, в различных контекстах. Это облегчает выбор более точного эквивалента.

Итак, при переводе однотипных текстов, у большинства ТМ-систем можно выделить следующие **преимущества**: заметное уменьшение времени, затрачиваемого на перевод и таким образом, оптимизация работы переводчика и повышение производительности его труда; единообразие перевода, особенно при коллективной работе переводчиков над одним проектом, а также при переводе однотипных текстов. Таким образом, накопление Term Base происходит гораздо быстрее, как следствие – оптимизация процесса перевода. Также, к преимуществам можно отнести то, что некоторые системы, как SmartCAT, Memsource, MateCAT и др., не требуют свободной памяти на жёстком диске, так как являются облачными системами, и пользователь имеет доступ к ним с любого устройства при наличии подключения к сети Интернет.

Среди основных **недостатков** в первую очередь специалисты называют высокую стоимость ТМ-программ. К чисто лингвистическим проблемам следует отнести то, что не все типы текстов можно переводить с помощью данных систем. Например, они являются малополезными при переводе художественных текстов. Также если допускается какая-то ошибка в постоянно повторяющейся в тексте терминологии, то она распространяется на весь документ [2. С.31]. Так как подобные программы являются достаточно ёмкими, то для быстрой работы они требуют не только памяти на жёстком диске, но и оперативной памяти.

В заключении стоит еще раз подчеркнуть, что системы переводческой памяти полезны при работе с большими объёмами заказов схожей тематики. Если переводчик выполняет переводы из различных тематических областей, то процесс накопления личных переводческих баз данных может быть очень длительным. У переводчиков, сотрудничающих с переводческими агентствами, эта проблема решается путем загрузки предоставляемых баз данных агентства, если таковые у них имеются в наличии. Также всегда следует помнить о том, что любая программа, пусть даже самая современная и усовершенствованная, может дать сбой, допустить неточность или ошибку, и переводчику нужно к этому быть готовым..

Также, стоит отметить, что данные системы созданы для того, чтобы оптимизировать процесс перевода, но не сделать перевод вместо человека. Практически в 100% случаев после перевода системами автоматизированного перевода требуется редакция переводчика-специалиста.

Библиографический список

1. У с а ч е в а А. Н. *Инновационные технологии в профессиональном переводе* // Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики: Материалы Международной научной конференции, г. Волгоград, 29 января 2008 г. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2008.
2. Ш е в ч у к В. Н. *Информационные технологии в переводе. Электронные ресурсы переводчика - 2*. М.: Зебра Е; 2013.
3. Н о в о ж и л о в а А. А. *Машинные системы перевода: качество и возможности использования (на примере переводчиков «ПРОМТ» и «Google Translate»)* // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2014. – Вып. 3 (22).
4. А р е с т о в а А. А., Н о в о ж и л о в а А. А. Системы «TRANSLATION MEMORY» в работе переводчиков // Homo Loquens. – 2015. – Вып. 8.
5. A r t h e r n P.J. *Machine Translation and Computerized Terminology Systems: A Translator's Viewpoint* // Translating and the Computer, Proceedings of a Seminar / Ed. B.M. Snell. London; Amsterdam, 1978.
6. К а н и ч е в М. *Шаг в автоматизации перевода* // Мир ПК. – 2001. – Вып.10. // <http://www.osp.ru/pcworld/2001/10/162280/>
7. Г р а б о в с к и й В. Н. *Технология Translation Memory* // Мосты. Журнал переводчиков. – 2004. – № 2(2). М.: Р.Валент, 2004.

В.Я. Белин⁷

(Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород)

КАЧЕСТВО ПЕРЕВОДА СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ (НА ПРИМЕРЕ РОССИИ, ГЕРМАНИИ, ФРАНЦИИ И ЯПОНИИ)

Актуальность темы

Согласно исследованиям компании SDL Trados [1. С.3], занимающейся созданием программ для автоматизированного перевода – CAT, **масса научных знаний** в области техники каждый год увеличивается на 5-15%. Одних только медицинских терминов насчитывается около 500 000. Также стоит отметить, что в мире описано около 60 000 000 химических соединений и веществ. В условиях глобализации не последнюю роль играет перевод этих терминов для

⁷Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент кафедры теории и практики немецкого языка и перевода Л.А. Аверкина.

расширения сотрудничества стран в областях науки и не только. Кроме того, некачественный перевод терминов может не только навредить репутации компании, но и вызвать проблемы с законом. Особенно это актуально для крупных международных компаний. Однако переводчик, даже будучи хорошо знакомым с тематикой перевода, не всегда обладает знаниями эксперта. Цель этого исследования изучить то, как к решению этой проблемы подходят образовательные учреждения в различных странах и рассмотреть пути решения этой проблемы на практике.

Место специального перевода в образовательных программах мира

Проанализировав ситуацию в образовании, можно заметить, что положение дел совершенно разное. К примеру, во Франции [2; 3] (университет Монс, Париж III) студентов не только знакомят с терминологией, но и обучают стратегиям поиска нужного эквивалента. Акцент делается на том, чтобы студенты сумели определить, что именно им нужно для того, чтобы овладеть не просто терминологией в той или иной области, а именно той терминологией, которая им понадобится.

В России, в частности, в НГЛУ им. Добролюбова, ситуация отчасти схожа с французской. Студенты получают базовые знания в различных тематиках перевода (коммерческий перевод, перевод технических текстов и т.д.). Таким образом, выпускники имеют больше свободы в выборе области работы, так как они могут углубить уже полученные знания, но нужно помнить, что для этого нужно время.

В Японии изучение языка и международная коммуникация более отделены друг от друга, чем в Европе [4]. Так же стоит отметить, что, к примеру, в Токийском университете иностранных языков (TUFJ) нет отдельного переводческого факультета, перевод изучается в магистратуре на так называемом "Курсе международной коммуникации и устного перевода". Поскольку на этом курсе внимание прежде всего уделяется переводу на конференциях, то и лексика изучается, как правило, общественно-политическая, а не техническая [5].

В Германии перед тем, как начать переводческое образование необходимо выбрать область специализации, к примеру: техника, экономика, медицина, журналистика и т.д. Такой принцип глубокой специализации характерен для всей образовательной системы Германии. Однако следует отметить, что очень часто практика отделена от классических университетских теоретических дисциплин. Особое внимание уделяется работе в системах CAT [6].

Можно сделать вывод, что наиболее ответственно к процессу перевода специальных текстов подошли в Германии, поскольку именно там университеты сразу готовят специалистов в определённых отраслях. Конечно, можно возразить, что в таком случае переводчики теряют гибкость, но, с другой стороны, именно так можно гарантировать качество перевода. Большую свободу студентам предоставляют Франция и Россия, в которых делаются попытки научить студентов быть специалистами во всех

областях. Для Японии же не характерно ни то, ни другое из-за неразвитости переводческого образования.

Возможные пути решения проблемы перевода терминологии и их недостатки

Примером качественного перевода терминологии может послужить Болонский процесс. В ходе Болонского процесса появилось множество новых явлений, которые было необходимо не только назвать, но и адекватно перевести на языки государств-участников [7]. В связи с этим возникли глоссарии, в которых давался не только перевод, но и объяснение терминов. Перевод выполнен качественно, но что стояло за этим? В его создании принимали участие не только переводчики, но и редакторы, ответственные за правильное толкование терминов. К тому же переводчики обладали несколько большей свободой, поскольку не были связаны устоявшимися нормами, а сами создавали их.

Но нельзя забывать, что это – идеальная ситуация, которая встречается крайне редко. Часто происходит так, что переводить нужно достаточно быстро, а возможности проконсультироваться со специалистом практически нет.

Если перевод выполняется в системе САГ (расшифровать), то, конечно же, можно и нужно обращаться к ТМ (принято расшифровать аббревиатуру, когда впервые встречается в тексте). Но часто это не помогает, например, если необходимое слово или словосочетание ещё не переводилось раньше. С трудностями придётся столкнуться и ведущему переводчику, поскольку именно ему и предстоит создать ТМ.

Вполне разумным было бы обращаться к заказчику, но нередки ситуации, когда заказчик и/или даже проект-менеджер – иностранцы, которые, конечно, могут пояснить принцип работы какого-либо устройства, но не сумеют дать его русский аналог.

Поискать в Интернете – также один из самых очевидных вариантов. К сожалению, какая-нибудь деталь, название которой переводчик будет искать в Интернете, вполне может оказаться не столь «очевидной» для пользователей. А если речь идёт о механизмах и деталях, вообще неизвестных в России, то вариант «поискать в Интернете» отпадает сразу же.

Неоценимую помощь могут оказать данные параллельных текстов. Но их недостаток заключается в довольно узкой специализации. Тексты, которые попадают в подобные базы – это, как правило, версии договоров, законопроектов, сайтов, протоколов заседаний (чаще всего ЕС или Швейцарии). Первая проблема заключается в том, что тематика текстов, как правило, только коммерческая или общественно-политическая. Вторая же проблема состоит в том, что для восточных, и тем более африканских языков, возможностей подобных баз недостаточно.

Итак, как можно понять, не существует ни одного идеального метода для правильного перевода специальных текстов, который бы давал стопроцентную гарантию точности перевода. Вопрос о том, как именно

переводчик должен имитировать речь специалиста до сих пор остаётся актуальным. Однако такие авторитетные организации как, к примеру, Association internationale des interprètes de conférence (АИЦ) [8] дают вполне однозначный ответ: переводчик просто не должен браться за перевод текстов с незнакомой тематикой. Вероятно, что только так и можно избежать ошибок при переводе и повысить его качество.

Библиографический список

1. *L'importance de la terminologie*. Séminaires SDL Trados Studio 2013.
2. Daeyoung Kim. Pratiques et difficultés de l'enseignement de la traduction en Corée: comparaison avec sa pratique en France. Université de la Sorbonne nouvelle - Paris III, 2013. Paris.
3. Faculté de Traduction et d'Interprétation – Ecole d'Interprètes Internationaux. Bachelier en traduction et interprétation. // Электронный ресурс: Интернет <http://applications.umons.ac.be/web/fr/pde/2015-2016/cursus/BTI1.htm>
4. グローバルコミュニケーションコース // Электронный ресурс Интернет: http://www.tufs.ac.jp/education/lc/course/course_02.html
5. 本学通訳コースの特徴 Электронный ресурс Интернет: <http://tufs-interpreter.org/course.html>
6. Fachakademie für Übersetzer und Dolmetscher // Электронный ресурс Интернет: <http://www.sdi-muenchen.de/fak/>
7. Glossary of the Bologna Process English-German-Russian. German Rectors' Conference, Bonn, August 2006.
8. Code d'éthique professionnelle. АИЦ, Addis-Abbeba, 2015.

О.Ю. Беловолова⁸

(Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород)

КОММУНИКАТИВНЫЙ ЭФФЕКТ РЕКЛАМНО-ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕКСТОВ В ПЕРЕВОДЕ НЕНОСИТЕЛЕЙ ПЕРЕВОДЯЩЕГО ЯЗЫКА

Реклама так давно стала частью нашей повседневной жизни, что уже воспринимается как естественный фон привычной, комфортной среды обитания человека. Реклама окружает нас всегда и везде, она существует как в виде печатных объявлений, так и в виде радио- или телевизионных

⁸ Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент кафедры теории и практики английского языка и перевода К.Е. Калинин.

роликов, причем предлагаются товары и услуги как российских, так и международных компаний. Подавляющее большинство рекламы последних являются переводами текстов на языке производителя. При этом часто бывает, что перевод выполняется неносителями переводящего языка. Именно о качестве подобных переводов и пойдет речь в этой статье.

Проблеме качества перевода посвящено огромное число исследований, которые невозможно даже просто перечислить в рамках одной статьи. Обратимся к классификации подходов к оценке качества перевода, предложенной Юлианой Хаус [1]. Она объединяет все возможные способы оценки качества в три категории. Первая категория включает несистемные или субъективные способы, которые определяют степень верности перевода оригиналу. Вторая категория содержит способы, ориентированные на реакцию получателей текстов и предполагающие, что реакция получателей текста перевода должна соответствовать реакции получателей текста оригинала. Третья категория относится к способам оценки, ориентированным на текст, и включает, наряду с чисто лингвистическими методами и сравнительным литературоведением, различные функциональные модели.

Вернемся к рекламе. Рекламный текст имеет четко заданные функции. Среди них, во-первых, информирование потребителей о продукции и ее свойствах, во-вторых, мотивация потребителей, то есть приведение потребителя в такое состояние, которое «заставит его принять решение о покупке», и, в-третьих, подкрепление, то есть «увеличение лояльности к определенной марке продукта» [2. С.56]. Все эти функции ориентированы на потребителя, на то воздействие, которое рекламный текст должен на них оказать. То есть выполнение рекламным текстом своих функций свидетельствует о том, что воздействие, оказываемое текстом на получателей, соответствует заданному. А если сравнить коммуникативный эффект, который текста оригинала оказывает на получателей оригинала, с коммуникативным эффектом, который текст перевода оказывает на получателей перевода, то в результате можно сделать определенный вывод о качестве такого перевода. Подобный анализ будет совмещать элементы из второй и третьей категорий способов оценки качества перевода по Ю. Хаус.

Можно провести следующий эксперимент. Для иллюстрации возьмем небольшой фрагмент текста рекламы продукции одной российской компании. «Наши сотрудники могут выиграть любой турнир в игру «города», мы знаем географию от Калининграда до Находки. Наша философия - мы Партнеры вашего бизнеса». Будем исходить из того, что этот текст выполняет свои функции. Ведь если текст уже работает на рынке и производитель считает его достойным для представления возможным потребителям из других стран, значит, его использование дает необходимые результаты – продажи растут или стабильны, предприятие получает прибыль и так далее. Посмотрим перевод этого текста, сделанный производителем, а значит неносителем переводящего языка.

«Our employees can win any tournament in the game "cities", we know geography from Kaliningrad to Nakhodka. Our philosophy - we are Partners of your business». Если говорить о верности перевода оригиналу, то такой перевод будет удовлетворительным. Тем не менее, его едва ли можно назвать качественным, что совершенно не мешает проведению эксперимента. Более того, подобный пример выводит этот эксперимент на новый уровень, при котором для оценки качества используются все три категории способов оценки по Ю. Хаус. Итак, цель переводного текста та же, что и у оригинала – заинтересовать новых потребителей и поддержать уже имеющихся, то есть сформировать благоприятное впечатление о предлагаемом товаре или услуге. Чтобы проверить выполнение текстом перевода этих функций, предложим его информантам из числа носителей переводящего языка. По прочтении этого фрагмента им будет предложено поделиться своим впечатлением.

Рассмотрим возможные результаты такого эксперимента. Если информанты отвечают, что им этот текст нравится и они готовы работать с этой компанией, значит заданный коммуникативный эффект достигается, перевод выполняет свои функции, то есть перевод качественный. Отрицательный ответ может быть результатом нескольких причин. Во-первых, предлагаемый товар или услуга могут быть неинтересны потребителю, и он в них не нуждается. Во-вторых, качество именно этого фрагмента очевидно даже для неносителя переводящего языка. Однако если при этом текст воспринимается благосклонно, то, возможно, качество этого текста не имеет большого значения для носителя переводящего языка. Дело в том, что, поскольку товар иностранный и рекламный текст явно переводной, возможные потребители могут простить производителю некоторые огрехи перевода. С другой стороны, если крупная транснациональная корпорация, известная на весь мир, вдруг прибегнет к использованию такого текста, тогда никаких скидок на то, что это иностранная организация и то, что перевод выполнен неносителями переводящего языка, делаться не будет. Вероятно, в таком случае потребители, которые уже пользуются продукцией или услугами этой компании, задумаются о прекращении работы с ней, а значит, функция текста перевода достигаться не будет, и качество перевода будет неудовлетворительным. Получается, что к качеству перевода рекламного текста известной на весь мир организации, продукцией которой пользуются во многих странах, предъявляются повышенные требования.

Таким образом, на данном этапе возможные результаты эксперимента вызовут больше вопросов, чем ответов. Попробуем хотя бы частично сгладить эти шероховатости. Для этого, во-первых, по прочтении текста информантам должен быть задан более конкретный вопрос. Например, согласились ли бы они воспользоваться услугами этой компании при условии, что эти услуги им действительно необходимы. Во-вторых, для чистоты эксперимента информантам следует предложить еще один вариант перевода этого текста, выполненный также неносителем

переводящего языка, но уже содержащий результаты переводческих решений, которые будут считаться удовлетворительными переводчиком-носителем переводящего языка. Получаем примерно следующее: «Our professionals are good at geography, they've been to Russian cities from A to Z. Our philosophy is to be Partners to your business». По прочтении этого текста информантам можно задать вопрос, изменилось ли их мнение о компании.

Рассмотрим гипотетически возможные результаты. В идеале информанты как представители целевой аудитории рекламы и носители переводящего языка сочтут первый, «некрасивый», фрагмент неудовлетворительным и не захотят обратиться к услугам такой компании. При этом второй, «более красивый», фрагмент им понравится, и их мнение о компании значительно улучшится. В этом случае можно будет говорить о равенстве коммуникативных эффектов текстов оригинала и перевода, а также о возможности использования коммуникативного эффекта рекламно-информационных текстов в переводе носителей переводящего языка для оценки качества такого перевода. Если же информанты благосклонно примут и «красивый», и «некрасивый» варианты перевода, придется сделать вывод о неспособности коммуникативного эффекта выступать в качестве критерия оценки качества перевода.

Таким образом, предложенный эксперимент по привлечению информантов для сравнения их реакции на различные варианты перевода рекламно-информационного текста, выполненные носителями переводящего языка, призван проверить возможность использования коммуникативного эффекта как операционного критерия для решения одной из ключевых проблем переводоведения, а именно оценки качества перевода.

Библиографический список

1. House J. *Quality of translation* // Routledge encyclopedia of translation studies / Edited by Mona Baker. London 1998, New York 2001.
2. Назайкин Н.А. *Эффективный рекламный текст в СМИ*. М.: Издательство Московского университета; Факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, 2011.

А.С.Борисова¹

*(Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н.А. Добролюбова
г. Нижний Новгород)*

**ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ И ВОСПРИЯТИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО
ЯЗЫКА И ЕГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВАРИАНТА
(на примере австрийского немецкого)**

Язык подвержен изменениям в процессе своего исторического развития, причем эти изменения протекают неоднородно, что обуславливает появление национальных языковых вариантов наряду с литературным языком. Суть проблемы заключается в том, что национальные варианты языка находятся в подчиненном положении к стандартной языковой норме. Рассмотрим этот вопрос на примере литературного немецкого и австрийского немецкого. Конечно, австрийский вариант немецкого языка официально признан, но он не играет той роли в общественной жизни, какая отведена нормированному языковому варианту (литературному немецкому языку). Например, зарубежные фильмы синхронизируются в Германии, соответственно транслируются в Австрии на стандартном немецком языке. Доля немецких сериалов на австрийском телевидении велика. В детских книгах, выпускаемых в Австрии, используются не австрицизмы (слова и выражения характерные только для австрийского немецкого), а немецкие эквиваленты. Телевизионные программы для детей записываются в Германии, соответственно на литературном немецком языке, а не на его австрийском варианте [1. С.2].

Даже в Конституции Австрии официальным языком признан немецкий, а не национальный вариант. Это означает, что даже на законодательном уровне сохранению австрийской языковой нормы не уделяется достаточного внимания. В школьной программе нет такой темы как «Австрийский немецкий», детям не разъясняют, что есть австрийские эквиваленты к некоторым словам литературного немецкого [2]. Это ведет к так называемой языковой неуверенности, когда в речи и на письме носители языка используют разные лексические единицы и синтаксические обороты [2]. Также примечательно, что Австрия тоже участвовала в реформировании правописания в 1996, а нововведения были учтены в 41-м издании Австрийского словаря. Все это ведет к тому, что немецкий язык унифицируется, а особенности, присущие австрийскому немецкому, нивелируются.

Хотя, безусловно, сейчас принимаются шаги, направленные на то, чтобы сохранить национальные особенности австрийского немецкого.

¹ Научный руководитель — канд. филол. наук, доцент кафедры теории и практики немецкого языка и перевода Л.А. Аверкина.

Точно также как американский и австралийский варианты существуют наравне с британским английским, должны существовать немецкий язык Германии и Австрии.

Для того, чтобы разобраться в истоках проблемы, необходимо познакомиться с особенностями становления немецкого в Австрии. После объединения Германии в 1871 году, Австрия стала развиваться как самостоятельное государство, соответственно появилась потребность в росте национального самосознания, в том числе и за счет формирования австрийской языковой нормы. Но после распада Австро-Венгерской империи в результате Первой Мировой войны, Австрия вновь стала искать поддержки у Германии, и это сказалось на самобытности австрийского немецкого не лучшим образом. Очередная попытка отмежеваться от Германии и всего немецкого была предпринята после Второй мировой войны. В то время Австрия пыталась разорвать все связи с Германией, выстроить свое национальное «я», отрицая все немецкое. Даже **урок немецкого языка** в школе переименовали в «**Изучаемый язык**», а в 1951 году было выпущено **первое издание словаря «Немецкий австрийский»** [3. С.7]. Это была первая попытка кодифицировать австрийский вариант немецкого. Но так как это словарь, то значит больше внимания в нем уделяется лексическому аспекту. Грамматические особенности, представленные в словаре, сводятся к различиям во флексии неправильных глаголов. В Австрии до сих пор не разработали отдельного грамматического справочника австрийского немецкого. При необходимости можно воспользоваться только грамматикой Дудена.

Различия между стандартным немецким и австрийским немецким встречаются прежде всего на уровне лексики, грамматики и фонетики. В австрийском немецком очень много заимствований из латинского и славянских языков. Особенно много различий **в лексике**, касающейся государственного управления права, а также кулинарии. Например, *Legat (австр.)* и *Vermächtnis (нем.)* в переводе на русский *завещание*, *Servitut* - *повинность*, немецкий эквивалент – *Dienstbarkeit*, *Causa* - *правооснование*, немецкий аналог *Rechtsgrund*. Широко известно, что то, что для немцев *das Brötchen*, австриец назовет *die Semmel* (*булочка*). Помимо того, что в австрийском немецком существуют собственные слова для определенных понятий, некоторые немецкие слова имеют в австрийском иное значение. Допустим, существительное *die Tüte* обозначает в Германии *пакет*, т.е. своего рода *мешок для упаковки и переноски продуктов или вещей*. В Австрии *die Tüte* обозначает *бумажный кулёк*, который, конечно же, не подходит для этих целей. Эквивалентом немецкому *die Tüte* в Австрии является *das Sackerl* [4].

Существуют различия и в **грамматическом роде существительных**, а также **способах образования множественного числа**. Например, по-немецки *документация* - *die Akte*, женского рода, по-австрийски же *der Akt*, мужского рода. Множественное число слова *der Erlass* (*указ*) звучит как *die Erlasse*, но в Австрии говорят *die Erlässe*. Для австрийского варианта

также характерно использование соединительного *-s* при словосложении. Например, слово *die Aufnahmeprüfung* в Австрии звучит как *die Aufnahmsprüfung*. Такие глаголы состояния, как *liegen, sitzen, stehen* образуют форму перфекта в стандартном немецком и австрийском по-разному. По общему правилу эти глаголы употребляются в перфекте с *haben*, а в австрийском немецком — с глаголом *sein*. Можно встретить различия и в употреблении предлогов. *Etwas um 5 Euro kaufen* (австр.) или *etwas für 5 Euro kaufen* (нем.) - в переводе на русский *купить что-либо за 5 евро*.

Существуют различия и в произношении. Немецкие гласные [a], [a:] превращаются в австрийском в [ɔ], [o:]. Например, в словах: *die Stadt, fragen, hat*. Дифтонг [ae] в некоторых словах заменяется на краткий [a]. Например, *keiner, weiß, heiß*. Вместо долгого [u:] австрийцы произносят дифтонг [ua], как например в словах *gut, Blut*. Ch в начале слов австрийцы произносят как [k]: *Chemie, China*.

Вообще соотношение австрицизмов в речи и на письме стало темой исследования профессора языкознания Венского университета Петера Визингера [5]. Например, участникам исследования показывали изображение человека, поднимающегося по лестнице и просили письменно ответить, что этот человек делает. Треть опрошенных в своем ответе написали *die Treppe*, а не *die Stiege*, т.е. выбрали общепринятый вариант. Но в то же время многие выбрали глагол *hinaufgehen* (австр.) вместо *hochgehen* (нем.). При этом австрийское *auf Besuch* употребляется все реже. Ему на смену приходит общепринятое *zu Besuch*. Происходят изменения и в управлении глаголов: все реже можно услышать *vergessen auf A* (австр.) и все чаще *vergessen etwas* (нем. лит.). Хотя, конечно, отдельные австрицизмы по-прежнему широко распространены, например *Marille* (абрикос), *Kipferl* (булочка из сдобного теста), *Schlagobers* (взбитые сливки) и т.д. Но все-таки, эта языковая неуверенность ведет к тому, что люди из предосторожности стараются выбирать слова и обороты стандартного немецкого языка.

Венский университет также провел опрос среди преподавателей немецкого языка [5]. По его результатам выяснилось, что 80% респондентов согласны с тем, что австрийский вариант немецкого языка и немецкий вариант немецкого языка равноправны. Но отвечая на следующий вопрос, больше половины участников признались, что считают немецкую языковую норму более корректной, чем австрийскую.

Читая комментарии австрийских лингвистов, занимающихся этим вопросом, я обратила внимание, что единого мнения о том, что же из себя представляет австрийский немецкий, нет. Существует три основных точки зрения: одни ученые считают, что австрийский вариант немецкого языка является почти что самостоятельным языком; другие же наоборот оспаривают первую точку зрения, поскольку Германию и Австрию связывает общая языковая история, которую нельзя разорвать государственными границами. А третьи говорят о том, что австрийский

немецкий – это самостоятельный равноправный вариант немецкого языка, и тем самым, учитывают исторический фактор и национальные особенности [3. С.8]. Хотя последняя точка зрения на сегодняшний день считается самой предпочтительной, должно пройти еще некоторое время прежде чем она закрепится к сознанию носителей языка.

Для достижения этой цели правительство Австрии уже предприняло ряд шагов. В 1994 года по инициативе министерства образования Австрии, министерства иностранных дел, науки и культуры была разработана международная система экзаменов «**Австрийский языковой диплом**» (**ÖSD**). Дипломы **ÖSD**, как и дипломы **Гёте-Института**, являются дипломами международного образца и признаются документальным подтверждением знаний немецкого языка не только в Австрии, но и в Германии и Швейцарии. Особенностью **ÖSD** является тот факт, что в экзаменационных текстах учитываются особенности немецкого языка как **плюрицентрического языка**. В текстах встречаются слова, типичные для общения не только для Германии, но и для Австрии, а в звучащей речи может слышаться легкий акцент говорящих из Южной Германии, Австрии или Швейцарии.

В июне 2014 года австрийское министерство образования выпустило **брошюру** для школьников «**Австрийский немецкий**», которая должна использоваться на занятиях по немецкому языку и формировать у детей восприятие австрийской языковой нормы, как самостоятельной и равноправной норме, использующейся в Германии [6].

Подводя итог всему выше изложенному, я хотела бы сказать, что для решения этой проблемы требуется немалое количество времени. Но в будущем у австрийского немецкого есть шансы сохранить свою самобытность и добиться самостоятельности, как это произошло с американским и австралийским английским.

Библиографический список

1. H a r r e r G., Rudolf M. *Das ist die Auswirkung linguistischer Kriecherei*. Wien: Der Standard, Printausgabe, 3.11.2010.
2. K r e t z e n b a c h e r L. H., M u h r R. *Deutsch für Inländer*. Wien: Der Standard, 02.07.2014.
3. S p e c h t l e r F. V., Weiss A., Weisse G. *Das österreichische Deutsch – eine Standardvariante der deutschen Sprache*. Salzburg: Hausdruckerei, 2007.
4. Электронный ресурс Интернет <http://diepresse.com/>
5. Электронный ресурс Интернет <http://www.spiegel.de/>
6. E b n e r J. *Österreichisches Deutsch als Unterrichts- und Bildungssprache. Ein Klärungsversuch*. Wien: Digitales Druckzentrum, 2014.

А.В. Буданова⁹
(Марийский государственный университет,
г. Йошкар-Ола)

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЛИНГВИСТИКИ КАК СРЕДСТВО ПОЗНАНИЯ ЦЕННОСТНОЙ КАРТИНЫ МИРА

В своем взаимодействии с окружающим миром человек постоянно сталкивается с ситуациями, вызывающими различный эмоциональный отклик: одобрение или осуждение, поддержку или порицание. Многократно оказываясь в схожих обстоятельствах, этот эмоциональный отклик закрепляется в его сознании и, в результате тесной связи мышления и языка, вербализируется с помощью различных средств выражения. Как раз это отношение к тому или иному явлению, получившее определенную формулировку, представляет собой оценочное суждение, которое может в дальнейшем оказывать сильное влияние на мировоззрение народа, говорящего на данном языке.

Изучение оценочных явлений и их семантических значений связано с аксиологическим аспектом лингвистики. Данный вопрос представлял интерес для многих ученых лингвистов, среди которых исследователи Н.Д. Арутюнова, Т.И. Вендина, Е.М. Вольф, А.А. Ивин, Т.В. Маркелова, С.Д. Погорелова и многие другие, однако он не потерял своей актуальности и сейчас.

В качестве *объекта* данного исследования выступают паремии английского и французского языков: 167 пословиц, взятых из «Большого англо-русского фразеологического словаря» А.В. Кунина [1] и 179 пословиц, взятых из «Французско-русского фразеологического словаря» В.Г. Гака [2].

Цель исследования заключается в том, чтобы провести анализ выбранного материала и описать ценностные картины мира, сложившиеся исторически и получившие отражение в английском и французском языках.

Оценки, закрепленные в языке в виде пословиц и поговорок, обладают наибольшей ценностью и отражают мировоззрение народа, говорящего на данном языке. Несмотря на ограниченность материала для изучения, использованного для написания данной статьи, можно с определенной уверенностью выделить основные ценности и антиценности, исторически сложившиеся в культуре англо- и франкоязычных народов, а также являющиеся основными ориентирами в их духовной культуре.

Так, в списке английских пословиц и поговорок наибольшей популярностью обладают паремиологические единицы, тематически связанные с домашними животными, особенно собаками и кошками. Следует особо выделить тот факт, что пословицы соответственно

⁹ Научный руководитель – канд. филол. наук, ст. преподаватель Т.А. Солдаткина.

выделяют ценности и антиценности, что соотносится с мировым представлением о противоположности собак и кошек. Например, собаки в пословицах олицетворяют собой такие ценности, как мудрость, приходящую с возрастом и осторожность, однако преданность на удивление редко является объектом оценки. Рассмотрим следующие примеры. Английская пословица *dog doesn't eat dog* – «ворон ворону глаз не выклюет» (при переводе использован метод замены субъекта и объекта) связана с оценкой преданности себе подобным, подразумевая, что собака никогда не навредит другой собаке. Это же качество легко перенести и на человека, давая положительную оценку адекватному отношению к окружающим. В пословице *an old dog barks not in vain* – «старый пес не будет напрасно лаять» объектом оценки является мудрость, основанная на опыте, который, в свою очередь, приходит с возрастом. Заметим, что в обеих вышеуказанных пословицах отрицательные частица играют немаловажную усилительную роль, подчеркивая важность заложенной семантики. Знаменательно, что при оценке осторожности собака может являться как субъектом, так и объектом. Субъектное положение присутствует в пословице *the scalded dog fears cold water* – «обжегшись на молоке, будешь дуть и на воду» (при переводе пословицы был опущен субъект), обозначающей чрезмерно осторожное поведение после какого-либо неприятного опыта. Выступая в роли объекта, собаки обычно олицетворяют собой опасность, которую нужно избегать, как, например, в пословице *let sleeping dogs lie*, призывающей «не будить лиха, пока оно спит».

Кошки в пословицах, как было указано ранее, заслуживают неодобрительные оценки, представляя собой воплощение антиценностей: изворотливость и лень. Среди примеров можно указать следующие пословицы: *a cat in gloves catches no mice* – «в перчатках мышей не ловят», в которой кошка является отрицательным субъектом постольку, поскольку отрицательным является выражение “*in gloves*”, подразумевающее нежелание прилагать усилие и боязнь испачкаться в процессе работы; *all cats love fish but fear to wet their paws* – «кошка хочет рыбку, а замочить лапки боится», в которой кошкам как объектам оценки приписывается лень и нежелание трудиться; *the cat shuts its eyes when stealing cream* – «людям свойственно закрывать глаза на свои грешки» (метафорический перевод с заменой субъекта): в данной пословице основным качеством, заслуживающим отрицательную оценку, является отказ признавать собственные поступки и отвечать за них (оценка выражена словом с более выраженной экспрессивностью; ср.: *close* и *shut*), для чего кошки проявляют определенную хитрость.

Лень и дурные либо эгоистичные намерения также порицаются в пословицах религиозной тематики, объектом или субъектом оценки в которых является черт. Среди таких пословиц есть и авторские: например, шекспировское выражение *the devil can cite Scripture for his purpose* – «черт, если нужно, может и на священное писание сослаться» явно выражает

отрицательную оценку эгоистичным намерениям, в данном случае – трактовке священных текстов. Антиценность ярко выражается в пословице *the devil finds work for idle hands to do* – «лень – мать всех пороков», в которой лень (или «ленивые руки», ничем не занятые руки – само прилагательное «ленивый» несет негативную оценку) метафорически представляется причиной всех бед. С другой стороны, черт может быть и объектом положительной оценки в пословицах, которые приписывают ценность мудрости и опыту, например: *the devil knows many things because he is old* – «черта век долог, оттого он так много знает».

Среди пословиц французского языка наиболее ярко выраженной ценностью обладает время: многие пословицы подчеркивают его быстротечность и побуждают ловить момент, пока он не упущен. Напрямую эта ценность подчеркивается в пословице *avant l'heure c'est pas l'heure, après l'heure c'est plus l'heure*, фактически переводящаяся на русский язык как «все надо делать вовремя». В других случаях эта ценность соотносится с выражениями времени, такими, как существительные *jour* – день, *le lendemain* – завтра, и *la veille* – накануне, причем часто соотношение имеет метафорический характер. Так, пословица *nous mourons tous les jours* – «с каждым днем мы ближе к смерти» напоминает о том, что время каждого человека на земле ограничено, а потому нужно ценить каждый прожитый день. Понятия «завтра» и «накануне» сравниваются в пословице *le plus beau lendemain ne nous rend pas la veille* – «что было, того не вернешь», также подчеркивающей ценность каждого дня: «прошлое не воротишь». Особенно заметно это благодаря использованию превосходной степени прилагательного *beau* – красивый и отрицательного оборота *ne...pas* – не во второй части предложения.

Честность и трудолюбие также заслуживают особого внимания в ценностной картине мира франкоязычных народов, причем часто честность ассоциируется с профессией купца/продавца, противопоставляя ее воровству: *il faut être marchand ou larron* – «либо ты купец, либо вор». Трудолюбие также поощряется, однако либо метафорически, либо в соотношении с одной из других ценностей. Например, оно отождествляется с ценностью времени, т.е. пословица *qui est oisif en sa jeunesse travaillera dans sa vieillesse* – «кто смолodu бездельничает, тому придется трудиться в старости» призывает не терять времени в молодости с тем, чтобы не пришлось работать больше в будущем. В пословице же *on n'a rien sans mal* – «без старания ничего не делается» труд соотносится с понятием *mal* – «боль», «болезнь», однако метафорически означает тяжелые усилия. Таким образом, пословица находит аналог в виде русской пословицы *без труда не вытащишь и рыбки из пруда*.

Антиценности тоже получают оценку во французском языке. Довольно интересно выражается оценка нежеланию меняться и становиться лучше в моральном плане. Такая антиценность может

порицаться прямо, например, в пословице *mal vit qui ne s'amende* – «плох тот, кто не стремится быть лучше», где человек, не стремящийся изменяться к лучшему, прямо называется плохим. В другом случае такой человек может сравниваться с волком, сущность и натура которого оцениваются как негативные и неизменчивые: *les loups peuvent perdre leurs dents, mais non la nature* – «волк каждый год линяет, а все сер бывает».

Итак, принимая во внимание изученные ценностные ориентации в картинах мира англоязычных и франкоязычных народов, мы можем сделать приблизительный вывод о природе ценностей и антиценностей данных культур на основе их отражения в пословицах. Исходя из анализа паремиологических единиц, можно заключить, что основными ценностями английской культуры являются мудрость, опыт и осторожность, в то время как лень и эгоизм активно порицаются. Отсутствие трудолюбия одинаково осуждается как в английской, так и во французской ценностной системе. Наиболее значительной ценностью французской системы является время, несущее положительную оценку по всех своих проявлениях, в том числе как стимул к работе. Отсутствие стремления к моральному самосовершенствованию является одной из наиболее заметных антиценностей. Таким образом, анализ пословиц позволил нам найти отражения ценностной системы в системе паремиологических единиц, т.е. составить примерное представление о системе ценностей и антиценностей, развивавшихся и закрепившихся в сознании людей, говорящих на данных языках. Как следствие, мы можем наблюдать разительные отличия в двух системах при их сопоставлении, что свидетельствует об уникальности мировоззрения англоязычных и франкоязычных народов.

Библиографический список

1. К у н и н А. В. *Англо-русский фразеологический словарь* / Лит. ред. М.Д. Литвинова. – 4-е изд., перераб. и доп. М: Рус. яз., 1984.
2. Г а к В. Г. *Французско-русский фразеологический словарь* / Лит. ред. Я.И. Рецкер. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1963.

**К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ (НА
МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЯ Г. ГЕЙНЕ «EIN FICHTENBAUM...»
И ЕГО ПЕРЕВОДОВ НА АНГЛИЙСКИЙ И РУССКИЙ ЯЗЫКИ)**

*Переводчик в прозе есть раб; переводчик в стихах - соперник.
В. А. Жуковский*

Объектом исследования, представленного в данной статье, является лирическое произведение малой формы Г. Гейне «Ein Fichtenbaum...» и варианты его переводов на английский и русский языки. Интерес к исследованиям в области перевода поэтических произведений обусловлен актуальностью в практике переводческой деятельности проблемы выбора между перестраивающим и воссоздающим типами переводов, связанной с проблемами адекватности перевода и сохранения единства формы и содержания поэтического произведения. Таким образом, цель нашей работы заключается в определении наиболее удачного подхода к стихотворному переводу и обосновании сделанного выбора.

Согласно М. Лозинскому, воссоздающий тип перевода представляется более успешным, так как переводчик может в полной мере воспроизвести содержание и форму. «Как определить, где кончается форма и начинается содержание? Метр и ритм — это форма? А рифма? А порядок следования рифм? Но малейший метрический сдвиг приводит к цепной реакции, при которой все приходит в движение, все меняется» [1. С.17-18]. Основными составляющими формы любого стихотворного произведения являются метр, схема и характер рифм, строфика и архитектоника, иными словами — ритм, выступающий «самым глубинным, самым мощным организующим началом поэзии», чья сила «шире языковых границ, она универсальна» [2]. Ритм является своеобразным скелетом стихотворного произведения, отражающим содержание и особенности звукописи. Таким образом, одна из основных задач переводчика — сохранение единого ритмического рисунка, а не размера.

Обратимся к оригиналу Гейне:

*Ein Fichtenbaum steht einsam
Im Norden auf kahler Höh'
Ihn schläfert; mit weißer Decke
Umhüllen ihn Eis und Schnee.*

*Er träumt von einer Palme,
Die fern im Morgenland*

¹⁰ Научный руководитель — канд. филол. наук, доцент кафедры теории и практики перевода Е.Н. Абрамичева.

*Einsam und schweigend trauert
Auf brennender Felsenwand.*

В первой строфе полностью отсутствует рифма (схема рифм: *a-b-c-d*); первая, вторая и четвертая строки содержат по 7 слогов, третья – 8. Ритмический рисунок выглядит так:

U-|U-|U-|U
U-UU-U-
U-UU-U-U
U-UU-U-

Первая строка написана трехстопным ямбом, далее наблюдается смещение ударения и синкопирование из-за служебных безударных частей речи (предлоги *mit, auf*, союз *und*).

Во второй строфе рифмуются вторая и четвертые строки – рифма перекрестная. Рифмующийся слог в сложных словах *Morgenland* и *Felsenwand* несет второстепенное ударение, главное же падает на первый. Следовательно, рифма дактилическая. Схема рифм: *a-b-c-b*. Первая, третья и четвертая строки содержат по 7 слогов, вторая – 6, что делает ритм второй строфы отрывистее, проще и четче ритма первой. Ритмический рисунок выглядит так:

U-|U-|U-|U
U-|U-|U-|
-UU-U-U
U-UU-U-

Первые две строки написаны трехстопным ямбом, однако далее также происходит смещение ударения с первого на второй слог и увеличение количества безударных слогов.

Таким образом, видно, что ритмика стихотворения имеет довольно сложную структуру, самобытна и не является однородной. «Вольный стих Гейне очень гибок. Он свободен от метрической инерции, он может выделить слово или предложение, окружив их почти прозаическим контекстом, может высоко поднять какую-то часть стихотворения» [1. С.34]. Все эти качества представляются непростыми для отражения в переводе.

Однако специфика английского языка, который так же, как и немецкий, относится к германской группе языков, позволяет максимально приблизить вариант перевода к оригинальному произведению. Для подтверждения данного предположения были взяты два варианта перевода на английский. Авторство первого принадлежит Хэлу Дрейперу (Hal Draper):

*A pine is standing lonely
In the North on a bare plateau.
He sleeps; a bright white blanket
Enshrouds him in ice and snow.*

*He's dreaming of a palm tree
Far away in the Eastern land*

*Lonely and silently mourning
On a sunburnt rocky strand.*

В отличие от оригинального произведения, в варианте Дрейпера рифмуются 2-я и 4-я строки обеих строф (*plateau/snow; land/strand*), однако в первом случае рифма неточная. По положению от конца строки ударного звука рифма мужская. Схема рифм: *a-b-c-b d-e-f-e*. В первой строфе первая, третья и четвертая строки насчитывают по 7 слогов, вторая – 8. Вторая строфа отличается третьей строкой, количество слогов которой равно 8-ми. Ритмический рисунок перевода имеет следующий вид:

U-|U-|U-|U
UU-UU-U-
U-|U-|U-|U
U-UU-U-

U-UUU-U
UU-UU-U-
-UU-UU-U
UU-U-U-

Метр представляется возможным определить только в первой и третьей строках первой строфы, во остальном же происходит все то же синкопирование и увеличение количества безударных слогов, мотивированное наличием безударных служебных частей речи (артиккли *the, a*; предлоги *in, on*; союз *and*).

Очевидно, что переводчику удалось сохранить уникальную ритмику оригинала, передав все особенности строфики, рифмовки и неровного метрического рисунка. Иными словами, форма оригинального произведения воссоздана с высокой степенью точности. Имея дело с данным вариантом перевода, можно утверждать, что воссоздающий тип позволяет сохранить самобытную архитектонику – форму, которая, по словам Н. Гумилева, есть «единственное средство выразить дух» [3. С.25].

Но невозможно судить об успешности перевода, не рассмотрев вторую составляющую диады форма-содержание. С точки зрения А. Смирнова, адекватным в плане передачи содержания можно считать тот перевод, в котором «переданы все намерения автора (...), в смысле определенного идейно-эмоционального воздействия на читателя, с соблюдением, по мере возможности (...) всех применяемых автором ресурсов образности, колорита, ритма ...» [4. С.526-531]. Обратимся к содержанию литературного перевода Дрейпера.

Первая строфа передана в английском языке с удивительной точностью: синтаксические конструкции построены параллельно, тем самым сохраняя порядок членов предложения оригинала. Единственным существенным отличием является замена понятий в конце второй строки: *Höh* – вершина, верхняя часть горы, *plateau* – равнина, лежащая сравнительно высоко над уровнем моря [5. С.71, 478]. В первом случае читатель представляет себе нечто заостренное, пикообразное, во втором же

имеет дело с плоской поверхностью. Возможно, Дрейпер не посчитал два этих понятия антонимичными, и в этом случае следует судить о них как о контекстуальных синонимах.

Вторая строфа имеет синтаксические различия с оригиналом. У Гейне описание Пальмы выражено придаточной определительной частью сложноподчиненного предложения. Для упрощения структуры английского предложения Дрейпер использует деепричастный оборот. Лексические и стилевые особенности при этом переданы удивительно точно: *fern – far away, Morgenland – Eastern land, einsam und schweigend – lonely and silently, brennende – sunburnt* и т. д. Дрейпер смог избежать стилистического усиления, ослабления или стирания, точно передал тактильные метафоры и персонификации *umhüllen ihn Eis und Schnee – enshrouds him in ice and snow; Palme trauert – palm tree, mourning*. Удивительная звукопись, выраженная у Гейне шипящими и свистящими *h, sch* отражена в *enshrouds* и *snow*. Однако наиболее ценной представляется сохраненная идея, главная мысль оригинала: воссоздание в образах деревьев мужского и женского начал, которым не суждено стать единым целым в силу внешних обстоятельств. Категория рода, присутствующая в немецком языке и имеющая большое значение в его грамматике, позволяет довольно легко воплотить этот замысел в стихотворении: *der Fichtenbaum* «сосна/кедр» является существительным мужского рода, *die Palme* «пальма» женского. Все существительные, обозначающие растения, относятся к среднему роду, но могут принимать мужской или женский в зависимости от задач автора. Дрейпер воспользовался этой грамматической особенностью и тем самым сохранил первоначальный замысел Гейне.

Подводя итог анализу данного перевода, можно утверждать, что он является адекватным и эквивалентным оригиналу благодаря сохранению единства формы и содержания и максимально точной передаче особенностей каждого из этих двух компонентов. Исходя из определения А. Федорова, что «полноценность перевода означает исчерпывающую передачу смыслового содержания подлинника и полноценное формальное и стилистическое соответствие ему», очевидно, что перевод Хэла Дрейпера полноценный и исчерпывающий.

Возникает вопрос, что явилось залогом успеха данного варианта перевода – мастерство переводчика, лингвистическое родство языков оригинала и перевода или же оба этих фактора? Рассмотрим второй пример англоязычного перевода, выполненного Тони Клайном (A. S. Kline):

*A single fir-tree, lonely,
On a northern mountain height,
Sleeps in a white blanket,
Draped in snow and ice.*

His dreams are of a palm-tree,

*Who, far in eastern lands,
Weeps, all alone and silent,
Among the burning sands.*

В первой строфе первая и третья строки насчитывают по 6 слогов, вторая – 7, четвертая – 5. Первая и третья строки второй строфы состоят из 7 слогов каждая, вторая и четвертая – из 6, благодаря чему ритмический рисунок второго катрена является более четким:

U- -U-U
UU-U-U-
-UU- -
-UU-U-

U-|UU|U-|U
U-|U-|U-
-UU-U-U
U-|U-|U-

Во второй строфе превалирует ямб, перемежающийся пиррихием в первой строке. Смещение ударения в данном случае также обусловлено наличием служебных безударных частей речи (предлоги *of, in*; артикли *the, a*; союз *and*). Определить метрический рисунок первой строфы мешает синкопирование. Схема рифм перевода совпадает со схемой рифм оригинала (*a-b-c-d e-f-g-f*), рифма мужская.

Рассмотрим содержательный аспект представленного перевода. Подбирая лексику, Клайн не ослабляет и не усиливает оригинальные образы, тем самым сохраняя их самобытность и делая перевод стилистически объективным. Во второй строфе ему также удается обойти грамматическую проблему категории рода: притяжательное местоимение *his*, относящееся к *fir-tree*, указывает на существительное единственного числа мужского рода. Женский образ в тексте не очевиден, поскольку, обозначая существительное *palm-tree*, Клайн не использует местоимение для прояснения его родовой принадлежности. Таким образом, читателю предоставлена возможность самому домыслить идею, воплощенную в своем стихотворении Гейне.

Перевод Тони Клайна бесспорно является адекватным как в передаче формы, так и в подборе и использовании стилистических и лексических эквивалентов для отражения содержания. Исходя из проведенного анализа, можно утверждать, что оба переводчика, чьи варианты были рассмотрены, выполнили свою задачу, сохранив уникальность произведения Гейне и передав единство формы и содержания.

Язык – понятие слишком объемное и самобытное, чтобы судить о регулярности какого-либо явления, основываясь лишь на сопоставлении нескольких образцов перевода. Однако невозможно не отметить определенные закономерности как в переводе Дрейпера, так и Клайна. Параллельность построения лексических конструкций, точное, практически полное отражение ритмического рисунка, легкость в подборе

лексических эквивалентов и сохранении средств языковой выразительности – все это говорит о том, что успешность того или иного перевода зависит от степени родства его языка с языком оригинала. Для подтверждения этого предположения обратимся к двум вариантам русского перевода стихотворения «Ein Fichtenbaum...» и проведем сопоставительный анализ.

Авторство первого и, пожалуй, самого известного перевода принадлежит М. Лермонтову:

*На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна
И дремлет качаясь, и снегом сыпучим
Одета как ризой она.*

*И снится ей всё, что в пустыне далекой —
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утесе горючем
Прекрасная пальма растет.*

Даже после первого прочтения очевидно, что форма оригинала не была воссоздана. В обеих строфах присутствует перекрестная мужская рифма (схема рифм: *a-b-c-b d-e-f-e*). Ритмический рисунок выглядит следующим образом:

U-U|U-U|U-U|U-U
U-U|U-U|U-
U-U|U-U|U-U|U-U
U-U|U-U|U-

U-U|U-U|U-U|U-U
U-U|U-U|U-
U-U|U-U|U-U|U-U
U-U|U-U|U-

Все стихотворение написано четырехстопным амфибрахией, чередующимся с двустопным. Синкопирование или любая другая замена ударного слога безударным отсутствует. Первая и третья строки обеих строф состоят из 12 слогов, вторая и четвертая – из 8. Очевидно, что вариант русского перевода длиннее английского и немецкого в среднем на 4-5 слогов. «Каждый язык располагает фонологическими данными, допускающими разработку разных систем стихосложения (по меньшей мере двух – силлабической и тонической). В ходе истории культуры стихосложение, принятое в языке, может меняться. Так, в народном русском стихе господствовала тоника, в раннем литературном – силлабика, в зрелом – силлаботоника; (...) в древнегерманском – тоника, а в немецком языке нового времени – силлаботоника» [6. С.9-10]. А.В.Федоров отмечает, что «русский текст несколько объемнее – и не только потому, что русские слова по числу слогов обычно длиннее английских, но и потому, что некоторые слова переданы сочетанием двух» [7], что

применимо и к рассматриваемым нами произведениям: *schläfert – дремлет качаясь, im Morgenland – в том крае, где солнца восход* и т. д. «Наконец, остается звуковая сторона стиха: ее труднее всего передать переводчику. Русский силлабический стих еще слишком мало разработан; английский стих допускает произвольное смешение мужских и женских рифм, которое не свойственно русскому. Приходится прибегать к условной передаче (...) Тем не менее, этой условности необходимо строго придерживаться, потому что она создавалась не случайно и по большей части действительно дает впечатление адекватное впечатлению подлинника» [3]. «Английский язык в основном моносиллабический, в нем гораздо больше односложных слов, чем в русском языке. Поэтому английская стихотворная строка вмещает больше слов, и, следовательно, мыслей, понятий, художественных образов. Этот фактор также влияет на ритм, и его необходимо учитывать в переводе» [8].

Рассмотрим передачу содержательного аспекта. Стихотворение Лермонтова открывается инверсированным предложением. Таким образом происходит смещение акцента с подлежащего у Гейне (*Ein Fichtenbaum*) на обстоятельство места (*на севере диком*) – на первый план выходит описание безрадостного, мрачного пейзажа, создается ощущение холода и гнетущего одиночества. Для Лермонтова не так уж важен образ лирического героя – *сосны* в данном случае, он выходит на следующую ступень, оставляя чувства отдельно взятого объекта и охватывая более глобальный пласт переживаний.

В переводе сохранена оригинальная градация (*einsam im Norden auf kahler Höh – на севере диком (...) одиноко на голой вершине*), удачно передано нагнетание, усиление напряжения. Однако далее наблюдаем стилистическое усиление: Лермонтов добавляет изобразительный эпитет *сыпучий [снег]* и осуществляет лексическую замену слова *Decke* на более узкое, специальное понятие *риза*, имеющее непосредственное отношение к церковной тематике: облачение, одежда священника при богослужении [5, С.626]. Тем самым создается дополнительный оттенок чистоты, мрачной внушительности, смирения. Полисиндетон (*и дремлет, качаясь, и снегом сыпучим (...) и снится ей все*) добавляет тексту динамики, ритмически организует его. Во второй строфе Лермонтов прибегает к перифразу: *в том крае, где солнца восход*, чем удлиняет строку и вновь смещает акцент с лирического образа пальмы на описание пейзажа, как бы предоставляя ему главенствующую роль в передаче настроения и состояния. Не совсем понятен выбор прилагательного *горючий* в качестве эквивалента причастию *brennende*. У Ожегова находим толкование значения двух омонимов: *горючий (1)* – 1. Способный гореть; *горючий (2)* – горючие слезы (разг.) – горькие слезы [5, С.130]. Очевидно, что второй вариант гораздо ближе по смыслу, однако в этом случае теряется связь с эпитетом оригинала. Возможно, таким образом Лермонтов попытался создать своеобразную окказиональную метафору, соединив в одном определении лексические значения обоих омонимов.

Лермонтов использует перестраивающий тип перевода, но отнюдь не из-за проблемы специфического строя языка оригинала или сочетаемости слов – он привносит в произведение Гейне новый смысл, отказываясь от тематики несчастливой любви между мужчиной и женщиной и поднимая более глобальный вопрос одиночества человека в мире. Это лейтмотив его творчества, и он переносит его на свой вариант перевода, не отражая, возможно, более простой, но все же первичной идеи оригинала.

«При всем своеобразии требований, предъявляемых переводчику тем или иным видом переводимого материала, (...) общими являются два положения:

9. цель перевода – как можно ближе познакомить читателя, не знающего ИЯ, с данным текстом;

10. перевести – значит выразить верно и полно средствами одного языка то, что уже выражено ранее средствами другого языка» [7].

Совершенно очевидно, что на базе стихотворения Гейне Лермонтов не *воссоздает*, а *создает* оригинальное, самобытное произведение, отличающееся и формой, и содержанием, заимствуя лишь некоторые описательные образы. Можно долго рассуждать о том, насколько успешным оно получилось, но рассматривать его в качестве варианта перевода кажется не вполне правильным.

Обратимся к стихотворению Тютчева, которое также является переводом «Ein Fichtenbaum...»:

*На Севере диком, на голой скале
Кедр одинокий под снегом белеет
И сладко заснул он в инистой мгле,
И сон его вьюга лелеет.*

*Про юную пальму все снится ему,
Что в дальних пределах Востока
Под пламенным небом на знойном холму
Стоит и цветет, одинока...*

Выбор формы в приведенном переводе представляется еще более далеким от выбора Гейне. Первая и вторая строки первой строфы насчитывают по 11 слогов каждая, третья и четвертая – 10 и 9 соответственно. Вторая строфа ритмически более упорядочена и представляет собой чередование 11 и 9 слогов в нечетных и четных строках соответственно. Рифма перекрестная мужская (схема рифм: *a-b-a-b c-d-c-d*). Ритмический рисунок выглядит так:

U-U|U-U|U-U|U-
-U|U-U|U-U|U-U
U-U|U-U|-UU-
U-U|U-U|U-U

U-U|U-U|U-U|U-
U-U|U-U|U-U

U-U|U-U|U-U|U-
U-U|U-U|U-U

Легко определяется метр: трехстопный амфибрахий. Смещение ударения во второй строке первой строфы мотивированно необходимостью отразить идейное наполнение оригинала: Тютчеву удается обойти проблему грамматического несовпадения в подлиннике и переводе и подобрать такое видовое название хвойного растения, которое бы соответствовало и лексическому, и грамматическому аспекту. Таким образом, в стихотворении отражена оригинальная идея невозможности воссоединения мужского и женского начал.

Однако в остальном Тютчев, как и Лермонтов, прибегает к стилистическому усилению, заменяя короткое и несколько парцеллированное *Eis und Schnee* пространным *в унистой мгле (...) вьюга лелеет*. Обе строфы открываются инверсированными предложениями, также наблюдается анафора и синтаксический параллелизм. Обилие метафорических и изобразительных эпитетов значительно удаляет перевод от простого, местами сухого языка оригинала. Также не вполне очевидна причина постановки многоточия в конце второй строфы. Согласно правилам пунктуации современного русского языка, «при недоговоренности, (...) его незаконченности в конце предложения ставится многоточие» [8]. Однако у Гейне мысль завершена, тем самым отражена обреченность, согласие с судьбой; Тютчев же не отрицает возможности дальнейшего развития ситуации, оставляя читателю право самостоятельно додумать конец.

Ф.И. Тютчев, подобно Лермонтову, также отдает предпочтение перестраивающему типу перевода, кардинально меняя форму и лишь частично сохраняя оригинальное содержание. Произведение, вышедшее из под его пера, более эмоционально, образно, в некоторой степени более многогранно. Привнося новые оттенки в идейный аспект, Тютчев все дальше уходит от первоначального стихотворения Гейне, перерабатывая его. Таким образом, на базе оригинала автор создает новое произведение, связанное с первым лишь частично.

Сопоставительный анализ стихотворения Гейне и четырех его переводов на русский и английский языки позволяют наглядно отразить различия между воссоздающим и перестраивающим типами переводов. Обращаясь к первому, переводчик в максимальной степени сохраняет единство формы и содержательного аспекта, отражая в родном языке особенности стилистики оригинала. При выборе перестраивающего вида, переводчик рискует потерять связь с оригинальным произведением, т. к. нарушает баланс между архитектурой и идейным наполнением. Также стоит упомянуть об особенностях конкретной пары сопоставляемых языков оригинала и перевода (немецкого и английского), заключающихся в их тесном историко-лингвистическом и общественно-культурном родстве, что, безусловно, облегчает задачу поиска стилистически эквивалентной и адекватной лексики. Поэтому английские переводы,

представленные в данной статье, можно считать более удачными и близкими оригиналу, в то время как русские имеют безусловную стилистическую ценность, но не вполне удовлетворяют понятию перевода как такового, являясь скорее переработкой, вариацией оригинала.

Представленная статья отражает начальные результаты исследования в данном направлении. Перспективным продолжением данной работы может стать изучение аспектов перестраивающего и воссоздающего переводов на примере стихотворных произведений средней и крупной формы.

Библиографический список

1. Э т к и н д Е. Г. *Поэзия и перевод*. М.; Л.: Сов. писатель, 1963.
2. Л о з и н с к и й М. Л. *Искусство художественного перевода* // Дружба народов. – 1955. - № 7.
3. Г у м и л е в Н. С. *Переводы стихотворные* // Принципы художественного перевода: сб. статей. М., 1919.
4. С м и р н о в А. А. *Мастерство литературного перевода* // Литературная энциклопедия. – 1934. – том VIII.
5. О ж е г о в С. И. *Словарь русского языка*. – 9-е изд., перераб. и доп. М., 1972.
6. Г а с п а р о в М. Л. *Очерк истории европейского стиха*. – 2-е изд., доп. М.: Фортуна Лимитед, 2003.
7. Ф е д о р о в А. В. *Основы общей теории перевода (Лингвистические проблемы)* [Электронный ресурс] / А. Федоров. - Электрон.-текстовые дан. - Самиздат. - Режим доступа: http://samlib.ru/w/wagarow_a_s/osnowyobshejteoriiiperewoda2002.shtml
8. И в а н о в а М. Г. *Достижение адекватности при переводе стихотворного текста*. Омск, 1999.
9. В а л г и н а Н. С., С в е т л ы ш е в а В. Н. *Орфография и пунктуация: справочник*. М.: Издатель Булатникова И.С., ООО «Большая Медведица», 2002.
10. Л е р м о н т о в М. Ю. *Сосна. Из Гейне*. Сочинения М. Ю. Лермонтова. Полное собрание в одном томе / Ред. П. Смирновского. Изд. А. Я. Панафилина. М., 1901.
11. Т ю т ч е в Ф. И. *С чужой стороны. Полное собрание сочинений и писем в шести томах*. М.: Издательский центр «Классика», 2002. Т. 1. Стихотворения, 1813—1849.
12. Г е й н е Г. *Ein Fichtenbaum* [Электронный ресурс] / R. Dumian - Электрон.-текстовые дан. - Режим доступа: <http://www.autodidactproject.org/other/heinepoem.html>
13. Д р е й п е р Х. *Book of Songs, Lyrical Intermezzo, 33* [Электронный ресурс] / R. Dumian - Электрон.-текстовые дан. - Режим доступа: <http://www.autodidactproject.org/other/heinepoem.html>

14. К л а й н Т. *Buch Der Lieder: Lyrisches Intermezzo: 'Ein Fichtenbaum'* [Электронный ресурс] / R. Dumian - Электрон.-текстовые дан. - Режим доступа: <http://www.autodidactproject.org/other/heineroem.html>

А.С. Вантеев¹¹

(Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород)

СРАВНЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ» ВО ФРАНЦУЗСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Перед тем, как перейти к сравнению понятий «лингвистическая (не) безопасность» в русском и французском языках, стоит обратиться к трудам, написанным на эту тему. Начнём, пожалуй, с работ канадского учёного Уоллеса Ламберта, специалиста в области психологии. Ещё в 60ых годах он начал исследование лингвистического сознания индивида, при этом затронув явление «лингвистической (не) безопасности». Однако, Ламберт не занимался его исследованием в отдельности. Впоследствии изучением понятия занимался американский лингвист Вильям Лабов и последователи его научных трудов в США и Европе. В своей работе о влиянии социальной стратификации на идиостиль, Лабов впервые использует понятие «лингвистическая (не)безопасность». Лингвист Николь Гёнье была первой, кто применила теории Лабова к французскому языку. Ну и, конечно, нельзя не упомянуть Паскаля Синги лингвиста из страны, где успешно сосуществует несколько государственных языков: Швейцарии.

В действительности, на эту тему написана масса работ, пожалуй, наибольший интерес для нас представляет исследование бельгийского лингвиста Мишеля Франкара и определение, которое он даёт в своей работе. Чем оно нам интересно: Франкар, по сути, синтезировал в нём все предыдущие исследования.

«L'insécurité linguistique est la prise de conscience, par les locuteurs, d'une distance entre leur idiolecte (ou leur sociolecte) et une langue qu'ils reconnaissent comme légitime parce qu'elle est celle de la classe dominante, ou celle d'autres communautés où l'on parle un français « pur », non abâtardi par les interférences avec un autre idiome, ou encore celle de locuteurs fictifs détenteurs de LA norme véhiculée par l'institution scolaire» [1. С.171-172].

Лингвистическая (не) безопасность-осознание говорящими разницы между их идиолектом (или социолектом) и языком, который они

¹¹ Научный руководитель – канд. пед. наук, заведующая кафедрой теории и практики французского языка и перевода И.Р. Абдулмянова.

воспринимают как нормативный, так как им пользуется доминирующий класс или группы, говорящие на «чистом» языке, не искаженном взаимодействием с другими языками, наречьями или носителями языка, нарушающими языковые нормы, вследствие усвоения ими ненормативного языка в ходе школьного обучения.

В первой части определения затрагивается своего рода лингвистический конфликт между социальными классами. В соответствии с чем можно прийти к выводу, что франкоязычные учёные неразрывно связывают понятие «лингвистическая (не)безопасность» с социолингвистикой. Один из классов оказывается под давлением другого, его представители стремятся к исправлению своего языка на уровне фонетики, лексики, синтаксиса. В попытках исправить беспорядок в языке, представители этого класса больше не могут подобрать слов для самовыражения, будто бы их лишили их собственного языка. Чувство, которое испытывала первая группа и есть «лингвистическая небезопасность».

Во второй части определения затрагиваются влияние носителей одного языка на носителей другого. Так, например, чувство «лингвистической небезопасности» испытывают те, чей язык не является доминирующим, основным на определенной территории, так как его в меньшей степени используют из-за сложившихся социокультурных условий. В этом случае первая группа ощущает, что их манера говорения далека от нормативного на данной территории языка.

В третьей же части определения мы видим, что лингвистическая безопасность зависит от образования, от уровня владения языком, который индивид достигает в процессе обучения, от понятий о языковой норме, которые ему привили, и от того как эти понятия взаимодействуют с его собственным осознанием языковой нормативности.

Таким образом, вкратце рассмотрев работы франкоязычных и англоязычных учёных, можно прийти к выводу, что понятие «лингвистическая (не)безопасность» тесно связано с психолингвистикой и социолингвистикой.

Теперь перейдем к работам русскоязычных учёных. Первое, что выделяется сразу же, это употребления самого термина. «Лингвистическая безопасность» в русском языке чаще всего употребляется вместе с прилагательным «национальная». Вот как в своей работе кандидат филологических наук М.И.Грицко объясняет причины её появления:

«Глобальные многообразные коммуникативные и культурные связи между народами, растущая тенденция к сохранению самобытности народов и стран, использование этих тенденций в геополитической борьбе приводит к появлению актуальной проблемы лингвистической безопасности личности и государства. В ее основе лежит обеспечение сохранения и развития суверенной жизнеспособности государственной, политической, экономической, социальной, этнической, культурно-исторической и других признаков системной общности страны» [2. С.65].

Целями же лингвистической безопасности являются:

Осуществление позитивных лингвистических процессов, нейтрализация угрожающих лингвистических процессов и переводу их в позитивные, а также предотвращение и гашение опасных лингвистических процессов.

«Она напрямую связана с такими встречающимися в лингвистической литературе понятиями, как «языковое планирование», «языковые права человека», «языковая терпимость», «языковой ренессанс», «лингвокультурология», «лингвистический протекционизм», «социолингвистика», «языковая компетенция», «языковое разнообразие», «лингвистическая политика», «лингвистическое развитие», «лингвистическая самоидентификация», «лингвистическая методология», «экология языка», «языковая иерархия» [2. С.66]. Все они являются позитивными лингвистическими процессами, отражающими положительные тенденции в развитии и взаимодействии языков. Они способствуют интенсивной культурной и политической коммуникации между народами [2. С.67].

Таким образом, лингвистическая безопасность обозначает совокупность факторов, мер принимаемых государством, социальных явлений, которые обеспечивают устойчивое развитие общегосударственного языка во взаимодействии с другими языками. Она играет важную роль, в качестве фактора сплочения и индикатора состояния общества.

Сравнив понятия, мы выяснили, что они сильно отличаются в двух языках и касаются совершенно разных явлений. Во французском языке это чувство, которое испытывает индивид или группа индивидов, находясь в условиях, когда язык, на котором он или они говорят, является либо доминируемым, либо доминирующим (при ощущении лингвистической безопасности), что влечёт за собой чувство неуверенности или уверенности соответственно при использовании своего языка. В русском же понятие связано с национальной безопасностью и заключается в сохранении языка. Более того, во французском языке употребляется термин и «лингвистическая безопасность», и «лингвистическая небезопасность», в русском же языке понятие употребляется только в положительном значении. Для того чтобы понять причины такового несоответствия в двух языках, мы решили провести семантический анализ слов «безопасность» и «небезопасность» в двух языках, а также «уверенность». Во французском языке слово безопасность, *la sécurité*, обозначает:

1) Situation dans laquelle quelqu'un, quelque chose n'est exposé à aucun danger, à aucun risque, en particulier d'agression physique, d'accidents, de vol, de détérioration -

Условия, в которых кто-то или что-то не подвергается риску, опасности, физической агрессии

Protection et sécurité des petits Etats-

Защита и безопасность малых государств

2) Situation de quelqu'un qui se sent à l'abri du danger, qui est rassuré-

Условия, в которых индивид ощущает себя в укрытии от опасности, когда он спокоен, уверен

Maintenant vous êtes en sécurité-

Теперь вы в безопасности

3) Absence ou limitation des risques dans un domaine précis

Отсутствие или ограничение рисков в определенной сфере

Ils cherchaient de la sécurité matérielle.-

Они хотели материальной безопасности [3].

Слово небезопасность, l'insécurité:

1) État d'un lieu qui n'est pas sûr, qui est soumis à la délinquance ou à la criminalité-

Состояние, при котором определенное место небезопасно, подвержено преступности

L'insécurité qui règne dans certaines banlieues.

Преступность, царившая в некоторых пригородах.

Не благополучность некоторых пригородов.

2) Sentiment de vivre dans un environnement physique ou social favorisant les atteintes aux personnes et aux biens-

Ощущение нахождения/проживания в физической или социальной окружающей среде, способствующей покушению на индивида и его имущество

Le sentiment de l'insécurité le poursuivait

Его преследовало чувство опасности

3) État de quelque chose qui est instable, précaire-

Состояние непрочности, ненадежности чего-то.

L'insécurité de l'emploi.

Страх потерять работу [3].

Рассмотрим также и слово «sûreté», произошедшее, как и «sécurité», от латинского «securitas» (безопасность, безмятежность). Два слова частично синонимичны, но «sûreté» более многозначно, оно также включает в себя «уверенность, надежность, прочность, точность».

1) État de quelqu'un ou de quelque chose qui est à l'abri, n'a rien à craindre-

Состояние кого-то или чего-то, находящегося в укрытии, когда нечего бояться:

Prendre des précautions pour sa sûreté

Принять меры для обеспечения собственной безопасности.

2) Caractère précis, efficace de quelqu'un ou de quelque chose, sur lequel on peut compter d'une façon certaine

Точность, эффективность кого-то или чего-то, позволяющие на него положиться:

Mémoire d'une sûreté absolue.

Феноменальная память / Память, которая не подведёт, на которую можно положиться.

3) Dispositif de protection

Меры предосторожности:

Il a mis deux sûretés à sa porte, un verrou et une chaîne.

Он принял меры предосторожности, закрыв дверь на замок и цепочку [3].

В русском языке «безопасность»:

1) Состояние, при котором не угрожает опасность, есть защита от опасности, рисков [4].

Небезопасность (малоупотребительно):

1) Состояние, в котором угрожает опасность, нет защиты от опасности, рисков [5].

Уверенность

1) Твердая вера в кого-что-н., убежденность [4].

Итак, сравнение показало, что семантика слов в двух языках отличается, во французском языке безопасность имеет более широкое значение, включая в себя также уверенность и надежность. Чем и объясняется несоответствие понятий лингвистическая безопасность в двух языках. В понятии во французском языке «лингвистическая (не)безопасность» ((in)sécurité linguistique), скорее понимается как «лингвистическая (не)уверенность». В связи с этим перевод с французского на русский лучше осуществлять с использованием термина «лингвистическая уверенность».

Библиографический список

1. Bulot T., Blanchet P. *Une introduction à la sociolinguistique*: Éditions des Archives Contemporaines, 2011.
2. Грицко М.И. *Лингвистическая безопасность – один из факторов безопасности многонациональной России // Идеи и Идеалы. – 2011. – Т.1.- №3.*
3. *Larousse-dictionnaire de français // Электронный ресурс Интернет: <http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais>*
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. *Толковый словарь русского языка // Электронный ресурс Интернет: <http://ozhegov.info/slovar/>*
5. Александрова З. Е. *Словарь синонимов русского языка. Практический справочник. М.: Русский язык, 2011.*

**ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕДАЧИ ЯЗЫКОВЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ
ИНАУГУРАЦИОННОЙ РЕЧИ АМЕРИКАНСКИХ ПРЕЗИДЕНТОВ
ПРИ ПЕРЕВОДЕ**

Толковый словарь Ефремовой Т.Ф. дает следующее определение понятия *инаугурация* – «торжественная церемония официального вступления в должность высшего лица государства» [1]. Инаугурационная речь, обращение кандидатов на пост главы государства к избирателям, занимает особое место в системе политической коммуникации. Важность ее изучения в американской политической риторике обусловлена тем фактом, что данный текст представляет собой интерпретацию истории президентства в США, является выражением политического кредо лидера, изложением принципов, которыми глава государства будет руководствоваться во внутренней и внешней политике.

Инаугурация – это одна из форм политического символического действия, выражающая определенные общезначимые ценности и социальные взаимоотношения. Все составляющие церемонии (место, время, окружающая обстановка, участники) имеют смысловую нагрузку. Инаугурация призвана актуализировать в общественном сознании национальные символы США.

По мнению известных специалистов по президентской риторике США К. Кэмпбелл и К. Джеймисон, инаугурационному обращению присущи все особенности эпидейктической (торжественной) речи: она является важнейшей составляющей торжественной церемонии, в ней воздается хвала всему, что объединяет данную нацию, соединяется осмысление прошлого и будущего нации на фоне настоящего используется элегантный литературный стиль и приемы усиления, преувеличенного акцентирования того, что уже известно аудитории [2].

Вероятно, именно в связи с последней из перечисленных особенностей, Р. Джослин характеризует инаугурационную речь как «безопасную» риторику (*riskless rhetoric* – букв. «риторика без риска») [3. С.316].

Это означает, что в инаугурационной речи трудно найти утверждения, которые вызывали бы чье-то несогласие, возражение, в них нет ничего, что стимулировало бы мысль или бросало вызов, ничего, что предполагало бы альтернативные ценности или программы. Все это свидетельствует о высокой степени ритуальности данного жанра. Отсутствие новизны в сообщении, неизбежно переключает фокус

¹² Научный руководитель – канд. пед. наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации С.А. Резцова.

внимания участников коммуникации на другие его компоненты: важным оказывается не столько содержание высказывания, сколько сам факт его произнесения. В этом состоит важнейшая и уникальная особенность инаугурационной речи как жанра: она является не просто речевым действием, но действием политическим [4. С.206].

Фактически, если провести параллель между типами речевых актов и жанров, инаугурационное обращение следует относить к политическим перформативам. Перформатив (от ср.-лат. *performato* – действую) - слово или высказывание, эквивалентное действию, поступку [5]. Впервые термин «перформатив» был упомянут в 1962 году в книге Дж. Остина «Слово как действие», в которой эквивалентные действию глаголы получили подробную разработку. С перформативным характером инаугурационной речи связаны основные жанровые признаки, отличающие ее от других жанров эпидейктической риторики. К. Кэмпбелл и К. Джеймисон выделяют следующие характеристики: а) обращение к прошлому как источнику традиционных ценностей нации; б) объединение аудитории в единую нацию, единый народ, как полноправного участника и свидетеля церемонии официального вступления в должность нового президента; в) придание законной силы самому институту президентства; г) провозглашение политических принципов, которыми будет руководствоваться новое правительство [2].

Проанализировав инаугурационные речи следующих американских президентов – Б. Клинтона (1993 г.), Дж. Буша-младшего (2001 г.), Б.Обамы (2009 г.), мы можем определить модель их построения. Каждая речь состоит из введения, основной части и заключения.

Введение по объему меньше, чем заключение и обычно содержит приветствие аудитории, выражение признательности за оказанное доверие, а также слов благодарности предшествующему президенту за службу во благо страны и т.п.

Основная часть состоит из ряда тезисов, которые являются целью и объектом выступления. Основной тезис представляет собой четкое и краткое положение, которое затем получает развитие в основной части. В этой части происходит эмоциональное воздействие на аудиторию. Каждый президент оперирует понятиями «*freedom*» - **свобода**, «*equal justice*» - **равноправие**, «*Constitution*» - **конституция** и т.д.

Заключение также является немаловажной частью инаугурационной речи. В нем повторяются основные положения и тезисы, которые подкрепляют главную мысль, заявленную в избирательной программе каждого президента, идет обращение к вере и религии, являющейся неотъемлемой составляющей американского общества.

В соответствии с приведенными признаками можно выделить четыре основные функции инаугурационной речи: инспиративная, декларативная, интегративная, перформативная.

Инспиративная функция заключается в прославлении традиционных ценностей и воодушевлении нации на предстоящие великие

дела. Новому президенту необходимо убедить аудиторию, что он - продолжатель традиций своих предшественников, вселить в слушателей веру в успех своей деятельности, надежду на лучшее будущее: *Each generation of Americans must define what it means to be an American.* (Билл Клинтон, 1993); *Our democracy must be not only the envy of the world but the engine of our own renewal.* (Билл Клинтон, 1993); *We have a place, all of us, in a long story—a story we continue, but whose end we will not see.* (Дж. Буш-младший, 2001); *We must do what no generation has had to do before.* (Барак Обама, 2009).

Каждая из основных функций инаугурационного обращения также находит свое выражение в определенных **топосах**. Понятие топоса было введено Протагором и развито Аристотелем, древнегреческими философами. В настоящее время топос (лат. *locus communis* - общее место) – один из важнейших терминов литературной теории и классической риторики, обозначает воображаемую тему, которая обуславливает выбор данной мысли из многих других.

Идея сохранения старого опыта выражается через признание заслуг предшественников и похвалу в их адрес перед всей страной:

On behalf of our Nation, I salute my predecessor, President Bush, for his half-century of service to America. (Билл Клинтон, 1993); *As I begin, I thank President Clinton for his service to our nation. And I thank Vice President Gore for a contest conducted with spirit and ended with grace.* (Дж. Буш-младший, 2001); *I thank President Bush for his service to our nation as well as the generosity and cooperation he has shown throughout this transition.* (Барак Обама, 2009).

Кроме того, экскурсы в прошлое позволяют надеяться на успешное преодоление трудностей (ссылка на имеющийся исторический опыт).

Однако одной опоры на прошлое для вдохновения недостаточно. Огромный инспиративный потенциал несет **топос «обновления»**. Например, Б. Клинтон открывает свое первое инаугурационное обращение словами: *Today we celebrate the mystery of American renewal.* Затем он прибегает к метафоре весны как символу надежды на обновление: *This ceremony is held in the depth of winter. But, by the words we speak and the faces we show the world, we force the spring.* Развитие топоса завершается метафорой оживления американской демократии: *To renew America, we must revitalize our democracy.* В речи Б. Клинтона слова с семантикой новизны и изменений встречаются практически в каждом абзаце (*new, renew, change, revitalize, refresh, reinvent, reborn, dawn* и т. п.).

Обязательной составляющей инаугурационной речи является **топос «величие нации»**. Одним из языковых средств реализации данного топоса является использование превосходной степени сравнения имен прилагательных: *the world's oldest, the world's greatest democracy, the world's most productive economy, the world's strongest, the world's mightiest industrial power.* (Б. Клинтон, 1993)

Косвенным выражением хвалы сильной нации является, в частности, демонстрация решимости любой ценой отстаивать важнейшую в иерархии национальных ценностей – свободу: ... *not change for change's sake but change to preserve America's ideals: life, liberty, the pursuit of happiness.* (Билл Клинтон, 1993); *The enemies of liberty and our country should make no mistake: America remains engaged in the world by history and by choice, shaping a balance of power that favors freedom.* (Дж. Буш-младший, 2001); *We honor them not only because they are the guardians of our liberty, but because they embody the spirit of service -- a willingness to find meaning in something greater than themselves.* (Барак Обама, 2009).

Декларативная функция инаугурационной речи заключается в провозглашении новым президентом принципов своего правления. Однако, в отличие от лозунгов, декларация принципов не носит регулятивного характера, не является непосредственным призывом к действию, а представляет собой лишь повод для размышления. Декларативная функция реализуется, прежде всего через топосы долга и работы.

Ключевыми словами **топоса** долга являются *must, sacred obligation, sacred duty, responsibility.*

We must be strong, for there is much to dare (Билл Клинтон, 1993).

В качестве ключевых слов **топоса** работы выступают *task, effort, service, work, challenge.*

Together with our friends and allies, we will work to shape change, lest it engulf us. (Билл Клинтон, 1993); *The most important tasks of a democracy are done by everyone.* (Дж. Буш-младший, 2001); *Starting today, we must pick ourselves up, dust ourselves off, and begin again the work of remaking America.* (Барак Обама, 2009).

При декларации политических принципов президент демонстрирует верность традициям и свое стремление следовать принципам, которые были выработаны его предшественниками. Однако, изложение основных положений программы действий невозможно без упоминания насущных проблем дня. Несмотря на торжественный, праздничный характер церемонии, президент считает необходимым показать народу свое понимание и озабоченность проблемами, которые волнуют все общество, демонстрируя тем самым единение с народом. В связи с этим **топос насущных проблем дня** играет существенную роль в реализации декларативной функции.

Today, a generation raised in the shadows of the cold war assumes new responsibilities in a world warmed by the sunshine of freedom but threatened still by ancient hatreds and new plagues. (Билл Клинтон, 1993); *That we are in the midst of crisis is now well understood. Our nation is at war against a far-reaching network of violence and hatred. Our economy is badly weakened, a consequence of greed and irresponsibility on the part of some, but also our collective failure to make hard choices and prepare the nation for a new age. Homes have been lost, jobs shed, businesses shuttered.* (Барак Обама, 2009).

Интегративная функция заключается в утверждении единства нации в столь знаменательный момент ее истории. Важную роль в реализации данной функции играют знаки интеграции - эксплицитные маркеры: *the people, my fellow citizens, our, we, both, united*.

И наконец, рассмотрим особенности реализации **перформативной функции** инаугурационной речи. Поскольку инаугурационная речь составляет основу официального ритуала введения президента в должность, то аудитория ожидает от президента, что он будет выступать в своей статусной роли, а не как личность; что он продемонстрирует свою готовность и способность выступить в качестве лидера великой страны, а также понимание своей ответственности и признание ограничений, накладываемых на исполнительную власть [2]. Своим ораторским мастерством новый президент должен убедить всех, что он способен успешно сыграть символическую роль лидера нации.

Перформативная функция реализуется в трех основных топосах: топос вступления в должность, топос достойного лидера и топос законопослушности.

Топос вступления в должность заключается в том, что президент эксплицитно констатирует, что принимает на себя бремя лидерства: *To that work I now turn with all the authority of my office*. (Билл Клинтон, 1993).

Топос достойного лидера. Инаугурационное обращение призвано убедить публику в том, что лидер обладает необходимым знанием, мудростью и видением перспективы, достаточными, чтобы защитить нацию от внешних и внутренних врагов и успешно вести нацию в будущее [3. С.318].

Так, например, Билл Клинтон предстает перед согражданами как сильный, открытый лидер, у которого достаточно мужества и мудрости, чтобы решать самые сложные, "нерешаемые" проблемы: *We must provide for our Nation the way a family provides for its children. ...Let us all take more responsibility not only for ourselves and our families but for our communities and our country*. (Б. Клинтон, 1993).

Топос законопослушности. Одно из качеств, которое американцы, как чрезвычайно законопослушная нация, ожидают увидеть в достойном лидере нации, - это готовность к безусловному следованию букве и духу Закона. В речи не должно быть высокомерия и снобизма, наоборот, новый президент должен продемонстрировать смирение и покорность перед лицом народа и Всевышнего:

And now, each in our own way and with God's help, we must answer the call. Thank you, and God bless you all. (Билл Клинтон, 1993).

Занимаясь проблемой перевода инаугурационных речей, мы проанализировали существующие переводы. Известно, что перевод политических речей представляет собой воспроизведение их прагматики средствами другого языка в гораздо большей степени, чем это представляется. В сущности можно вести речь о проблеме политического перевода. Политический перевод действительно представляет собой

проблему, поскольку инаугурационная речь – обращение к нации, и очень важно воспроизвести при переводе не только прагматическую ее составляющую, но и эмоциональную.

Как известно, инаугурационная речь, как жанр политического дискурса, нацелена, чтобы вызвать в обществе определенную социально-политическую реакцию, выражающуюся в вербальной форме. По мнению А.П. Чудинова, политический текст, как основной инструмент политической коммуникации, воздействует на политическую ситуацию при помощи пропаганды определенных идей, эмоционально воздействует на граждан страны и побуждает их к политическим действиям. Информация в политическом тексте «должна служить еще одним аргументом для убеждения адресата и, в конечном счете, влиять на его политическую позицию» [6. С.25]. С этим, по мнению специалистов, связана и эффективность политического дискурса, который предназначен внушить адресатам, т. е. гражданам, необходимость политически правильных оценок и действий.

Вместе с тем, представляется целесообразным вести речь о вариативности интерпретаций информации, представленной в инаугурационном сообщении. Вполне возможно, инаугурационная речь начинает сильно отличаться от оригинала, прежде всего по содержанию, а возможно, и в плане вербалики, если подходить к ней с точки зрения прагматики и экспрессивности.

Следует отметить, что инаугурационное обращение последнего президента США Барака Обамы вызвало значительную реакцию в самых разных кругах американской аудитории. Такой широкий отклик определяется как иным характером речи и ее языковым наполнением, так и в весьма значительной степени экстралингвистическими факторами, как социально-политическая ситуация страны и чрезвычайная многочисленность аудитории, для которой новый президент олицетворяет грядущие перемены.

В частности, внимание специалистов привлекают некоторые части перевода текста инаугурационной речи Б. Обамы на русский язык представителями разных СМИ.

“To those who cling to power through corruption and deceit and the silencing of dissent, know that you are on the wrong side of history; but that we will extend a hand if you are willing to unclench your fist”.

Данное предложение было переведено следующими способами, в которых можно наблюдается некое изменение семантики английского глагола to cling:

«Те правители, которые идут к власти при помощи коррупции и обмана, должны знать, что они находятся на неверной стороне исторического развития. Но мы готовы протянуть вам руку, если вы готовы разжать свой кулак» (Вести).

«Те, кто поднимаются к власти при помощи коррупции и обмана, затыкая рты приличию, должны знать, что они находятся на неверной

стороне исторического развития, но мы готовы протянуть вам руку, если вы готовы разжать ваш кулак» (Интерфакс).

Подобные переводы данного высказывания не только явно смягчают экспрессивность высказывания американского президента, но и меняют в определенной степени его прагматическую направленность.

Таким образом, можно сделать вывод о наличии определенных как лингвистических, так и экстралингвистических факторов, которые должны учитывать переводчики политического текста. Среди них целесообразно выделить национально культурный компонент, как языка исходного текста, так и языка, на который переводится текст.

Политический лидер при произнесении инаугурационной речи стремится оказать эмоциональное воздействие на сознание народа, что обуславливает усиление прагматики политического текста. Это достигается путем употребления возвышенной и эмоционально-оценочной лексики, терминологии и образных средств.

Существуют характерные языковые особенности политического дискурса, лексические и синтаксические, которые необходимо учитывать при переводе:

1) Аксиологическая (оценочная) лексика:

“Raised in unrivaled prosperity, we inherit an economy that is still the world's strongest but is weakened by business failures, stagnant wages, increasing inequality, and deep divisions among our own people.” - «Выросшие в условиях небывалого достатка, мы унаследовали экономику, которая до сих пор является самой сильной в мире, но ее ослабляют поражения в бизнесе, медленно растущие зарплаты, все возрастающее неравенство, а также глубокие разногласия между нашими людьми». (Б. Клинтон, 1993);

“It is the American story—a story of flawed and fallible people, united across the generations by grand and enduring ideals.” - «Это американская история – история небезупречного и совершающего ошибки народа, объединенного на протяжении поколений великими и прочными идеалами». (Дж. Буш-младший, 2001);

“We remain the most prosperous, powerful nation on Earth.” – «Мы остаемся самой процветающей, самой могущественной страной в мире». (Б. Обама, 2009).

Несмотря на то, что наиболее частотным видом переводческих трансформаций при переводе оценочных высказываний являются опущения, при анализе приведенных нами примеров, мы видим, что прием опущения не используется. Однако, в некоторой степени, мы можем наблюдать прием добавления лексических единиц в текст перевода.

В оценочной лексике можно выделить *эпитеты*: *“the sunshine of freedom”* - «солнце свободы», *“law-abiding citizens”* – «законопослушные граждане», *“restless, questing, hopeful people”* – «неугомонные, любознательные и оптимистично настроенные люди» (Б. Клинтон, 1993); *“a slave-holding society”* – «рабовладельческое общество», *“flawed and*

fallible people” – «небезупречный и совершающий ошибки народ» (Дж. Буш-младший, 2001); “*gathering clouds and raging storms*” – «сгущающиеся тучи и бушующие бури», “*a nagging fear*” – «гнетущая тревога», “*petty grievances*” – «мелочные обиды» (Б. Обама, 2009). Проанализировав переводы, мы можем сказать, что практически все эпитеты переданы на русский язык буквально, за исключением, например, эпитета “*hopeful people*” – «оптимистично настроенные люди» (в данном случае передается основной смысл, но более понятными русскому читателю средствами).

2) Метафоры: “*the still waters of peace*” - «мирное затишье»; “*America's prosperity must rest upon the broad shoulders of a rising middle class.*” - «Прцветание Америки должно опираться на широкие плечи растущего среднего класса»; “*tempered by the flames of battle*” - «прошедшие крещение огнем»; “*We, the people, declare today that the most evident of truths...*» - «Сегодня мы, народ, заявляем, что нашей путеводной звездой остается наиболее очевидная истина...» (Б. Обама, 2009); “*in the depth of winter*” – «в разгар зимы»; “*march to the music of our time*” – «шагать в ногу со временем»; “*the sunshine of freedom*” – «солнце свободы» (Б. Клинтон, 1993). При переводе мы видим использование полного перевода и структурных преобразований, а в случае ассоциативного несоответствия между элементами метафоры в исходном и переводящем языках мы обнаружили использование замены (например, “*in the depth of winter*” – «в разгар зимы»).

3) Фразеологизмы: “*to face hard truths*” – «смотреть горькой правде в глаза» (Б. Клинтон, 1993) – переведено фразеологизмом, подобрано полноценное соответствие; “*to put off unpleasant decisions*” – «откладывать принятие неприятных решений в долгий ящик» (Б. Обама, 2009) - также подобрано полноценное соответствие «откладывать в долгий ящик»; “*to grudgingly accept*” – «принимать скрипя сердце» (Б. Обама, 2009) - в данном случае мы видим, что слово “*grudgingly*” означающее «неохотно, нехотя» при переводе передается более окрашенной лексикой, а именно фразеологизмом «скрипя сердце».

4) Терминология: “*Democracy*” – «Демократия»; “*Great Depression*” – «период Великой Депрессии»; “*Communism*” – «Коммунизм» (Б. Клинтон, 1993); “*immigrant*” - «иммигрант»; “*The Declaration of Independence*” - «Декларация за независимости», “*legal system*” - «законодательство» (Дж. Буш-младший, 2001); “*Constitution*” - «Конституция», “*Charter*” - «Хартия»; “*segregation*” – «сегрегация» (Б. Обама, 2009). Основной принцип перевода терминологических единиц – термин передается термином. Для создания эквивалента термина выделяют: беспереводное заимствование, транскрипция/транслитерация, калькирование и описательный перевод. При анализе обнаруженных в инаугурационных речах терминов, мы можем сказать, что в основном все из них переведены путем транскрипции или реже транслитерации.

5) Библиеизмы: *“But in the words of Scripture, the time has come to set aside childish things.”* - «Но, как сказано в Писании, пришло время оставить младенческое» (Б. Обама, 2009). Конечная фраза является аллюзией на слова апостола Павла в своем первом послании коринфянам. Глава 13 стих 11: «Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое» - *“When I was a child, I spoke as a child, I understood as a child, I thought as a child: but when I became a man, I put away childish things”*. Еще одно упоминание о Боге мы находим в заключительной части речи Б. Обамы: *“This is the source of our confidence – the knowledge that God call us to shape an uncertain destiny”*. - «Источник нашей уверенности в том, что мы знаем – Бог призывает каждого определить свою судьбу».

В речи Б. Клинтона мы также находим обращения к священным писаниям: *“The Scripture says, “And let us not be weary in well doing: for in due season we shall reap, if we faint not.”*” – «В Священном Писании сказано: «Не устанем творить добро, ибо в должное время соберем урожай, если не ослабнем духом».

б) Синтаксический параллелизм: *“But when most people are working harder for less; when others cannot work at all; when the cost of health care devastates families and threatens to bankrupt our enterprises, great and small; when the fear of crime robs law-abiding citizens of their freedom; and when millions of poor children cannot even imagine the lives we are calling them to lead, we have not made change our friend.”* - «Но когда большинство людей тяжело трудятся за мизерную плату; когда остальные вообще не имеют работы; когда стоимость медицинских услуг разрушает наши семьи и угрожает довести до банкротства многие наши предприятия - как крупные, так и небольшие; когда страх перед преступностью лишает законопослушных граждан свободы, и когда миллионы несчастных детей не могут даже представить себе той жизни, к которой мы их призываем, - то это значит, что нам не удалось сделать перемены нашим другом» (Б.Клинтон, 1993);

“Every child must be taught these principles. Every citizen must uphold them. And every immigrant, by embracing these ideals, makes our country more, not less, American.” – «Каждому ребенку необходимо внушить эти принципы. Каждый гражданин должен защищать их. И каждый иммигрант, выбирая эти идеалы, делает нашу страну более, а не менее американской» (Дж. Буш-младший, 2001);

“On this day, we gather because we have chosen hope over fear, unity of purpose over conflict and discord. On this day, we come to proclaim an end to the petty grievances and false promises, the recriminations and worn-out dogmas that for far too long have strangled our politics.” – «В это день мы собрались потому, что предпочли страху надежду, а конфликту и раздору - единство целей, мы пришли, чтобы провозгласить конец мелочным обидам и фальшивым обещаниям, взаимным обвинениям и устаревшим догмам, которые слишком долго душили нашу политику» (Б. Обама, 2009).

В большинстве случаев синтаксический параллелизм переводится способом синтаксического уподобления или же способом грамматической замены. Однако при анализе приведенных нами примеров, мы видим в первом случае использование объединения, во втором – синтаксическое уподобление.

7) Риторические вопросы, восклицания, обращения: рассмотрим примеры из инаугурационной речи Б. Обамы: *“But know this, America: They will be met.”* - «Но я хочу, чтобы Америка знала - мы с ними справимся» – отсутствует обращение при переводе;

“America, in the face of our common dangers, in this winter of our hardship, let us remember these timeless words.” - «Америка! Перед лицом общей угрозы в зиму наших трудностей давайте вспомним те бессмертные слова» - при переводе наблюдается наличие большей экспрессивности, нежели в оригинале;

“As for our common defense, we reject as false the choice between our safety and our ideals.” - «В вопросе нашей обороноспособности мы отвергаем ложную альтернативу: безопасность или идеалы?» - в оригинале отсутствует риторический вопрос;

“My fellow citizens, I stand here today humbled by the task before us, grateful for the trust you have bestowed, mindful of the sacrifices borne by our ancestors.” - «Дорогие сограждане! Я стою перед вами сегодня, полностью сознавая грандиозность стоящих перед нами задач, испытывая глубокую признательность за оказанное мне доверие и вспоминая жертвы, которые принесли наши предки». - при переводе мы видим использование восклицательного знака, что, на наш взгляд добавляет экспрессивность.

Таким образом, можно сделать вывод, что инаугурационная речь занимает особое место в жанровой структуре политического дискурса. Она жестко привязана к определенному политическому событию, однозначно маркирована единичным адресантом, фиксирована во временном и пространственном плане. В инаугурационной речи применяется широкое множество приемов воздействия на аудиторию, и при переводе инаугурационных речей необходимо уделять особое внимание на передачу языковых средств воздействия в переводном языке, чтобы сохранить основные функции инаугурационной речи.

Библиографический список

1. Е ф р е м о в а Т. В. *Современный толковый словарь русского языка* // Электронный ресурс Интернет:
<http://moyslovar.ru/slovari/efremova/bukva/%D0%90>
2. С а м р б е л л К. К., J a m i e s o n К. Н. *Inaugurating the Presidency* // Электронный ресурс Интернет:
http://www.uvm.edu/~asnider/campreadings/02-January%2029/campbell_inaugurationspeeches.pdf

3. J o s l y n R. *Keeping Politics in the Study of Political Discourse* // Columbia (S. Car.), 1986.
4. Ш е й г а л Е. И. *Инаугурационное обращение как жанр политического дискурса* // Жанры речи. Вып. 3. Саратов: Издательство СГУ им. Н.Г. Чернышевского, 2002.
5. *Педагогическое речеведение. Словарь-справочник* / Под ред. Т.А. Ладыженской и А.К. Михальской. М.: Флинта, 1998.
6. Ч у д и н о в А. П. *Политическая лингвистика*. М.: Флинта: Наука, 2008.

Н.Р. Власян¹³

(Челябинский государственный университет,
г. Челябинск)

**НАРУШЕНИЕ ПРИНЦИПА КООПЕРАЦИИ Г.П. ГРАЙСА
В АНГЛОЯЗЫЧНОМ РАЗГОВОРНОМ ДИСКУРСЕ
(на материале английского художественного диалога)**

Разговорный дискурс можно определить как персональный бытовой дискурс, направленный на поддержание контакта и решение обиходных проблем, состоящий из последовательности реплик и получившийся в результате активного коммуникативного взаимодействия двух или более субъектов, в совокупности с рядом экстралингвистических факторов, представленный в устной или письменной форме.

Актуальность исследования определяется возрастающим интересом к проблемам разговорной речи, необходимостью всестороннего изучения коммуникативно-прагматических особенностей разговорного дискурса. Кроме того, данная проблема относится к кругу лингвистических исследований антропоцентрического характера, что также делает исследование актуальным.

Цель данной статьи – проанализировать нарушение максим Принципа кооперации Г.П. Грайса в англоязычном разговорном дискурсе.

Материалом нашего исследования послужили разговорные диалоги, извлеченные приемом сплошной выборки из произведений современной англоязычной художественной литературы:

1. *The Street Lawyer, by John Grisham [1998]*
2. *Wind Chime Point, by Sherryl Woods [2013]*
3. *Shantaram, by Gregory David Roberts [2003]*
4. *Looking for Alaska, by John Green [2005]*

¹³ Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент, зав. кафедрой теории и практики английского языка Г.Р. Власян.

Прагмалингвистика, в свете которой мы исследуем дискурс, – дисциплина, изучающая язык в действии. Она представляет собой воплощение деятельностного взаимодействия языкознания с философией, логикой, общей и социальной психологией и другими областями знания.

Отправной точкой для любого анализа в рамках прагматики служит мысль о диалогичности любого речевого произведения и невозможности существования монолога в чистом виде. Диалогические отношения лежат в основе построения любой речи и предполагают реакцию адресата в форме вербального или невербального поведения. Даже в тех случаях, когда человек ведет немой внутренний разговор, у него есть собеседник.

Ключевым понятием разговорного дискурса является диалог, который в современной лингвистике трактуется как особый вид речевой деятельности, характеризующийся ситуативностью, наличием двух или более коммуникантов, быстрой реакцией и персональной направленностью [1].

Главным условием успешного речевого общения является умение слушателя понять коммуникативное намерение, интенцию говорящего.

Для того чтобы цели и задачи диалога были успешно выполнены, чтобы разговор не оборвался и не пошел по незапланированному пути, участники должны следовать правилам коммуникативного взаимодействия, и их речь должна быть определенным образом скоординирована.

В своей работе *Logic and conversation* («Логика и речевое общение») Г.П. Грайс, лингвист и философ, автор теории имплицатур, впервые сформулировал одно из правил коммуникативного сотрудничества, **Принцип кооперации** (Cooperative Principle), на котором, по его мнению, должна основываться идеальная, или приближенная к идеальной, коммуникация. Этот Принцип включает четыре постулата, или конвенциональные максимы:

«Максима качества (quality):

1. Не говори того, что считаешь ложным.
2. Не говори того, для чего нет достаточных оснований.

Максима количества (quantity):

1. Говори настолько информативно, насколько это требуется (для выполнения текущих целей диалога).
2. Не говори больше, чем требуется.

Максима релевантности (relevance):

1. Будь релевантным.
2. Не отклоняйся от темы, говори по существу.

Максима манеры (manner):

1. Будь последовательным. Избегай двусмысленности.
2. Излагай свои мысли четко (будь организован)» [2].

П. Грайс отмечает, что первые три категории касаются того, что говорится, а четвертая – того, как говорится.

Как было отмечено выше, выведенный формат коммуникации является моделью идеального общения, поэтому соблюдение всех максим Принципа Кооперации в ситуации реальной коммуникации практически невозможно. Максимумы, являясь скорее рекомендациями, чем правилами, могут быть нарушены, в отличие, например, от грамматических правил, нарушение которых приводит к неверно или плохо выраженному высказыванию.

“Did you see her face before she hit the car? Was she asleep?” the Colonel asked.

“That I cain’t tell ya. I didn’t see ’er. There wa’n’t much time.”

“I understand. She was dead when you got to the car?” he asked.

“I – I did everything I could. Ah run right up to her, but the steerin’ wheel – well, ah reached in there, thought if ah could get that steerin’ wheel loose, but there weren’t no gettin’ her outta that car alive. It fairly well crushed her chest, see.”

(J. Green, Looking for Alaska, p.194).

Насколько мы можем судить, во второй паре реплик (вопрос-ответ) вышеприведенного диалога в ответе полицейского нарушается **максима релевантности**, т.е. ответ содержит информацию, не имеющую отношения к заданному вопросу (*“She was dead when you got to the car?” he asked. “I – I did everything I could.”*) и **максима количества**, поскольку в ответе полицейского содержится много лишней информации, не имеющей прямого отношения к заданному вопросу.

“Do you think it was an accident?” the Colonel asked as I stood beside him, my shoulders slouching, wanting a cigarette but nervous as audacious as him.

*“Ah been an officer here twenty-six years, and ah’ve seen more drunks than you’n count, and ah ain’t never seen someone drunk they cain’t swerve. **But ah don’t know.** The coroner said it was an accident and maybe it was. That ain’t my field, y’know. I s’pose that’s ’tween her and the Lord now.”*

(J. Green, Looking for Alaska, p.194).

Другим примером нарушения **максимы количества** в данном диалоге является ответ полицейского на вопрос *“Do you think it was an accident?”*, поскольку он содержит пять предложений, из которых лишь одно является прямым ответом на вопрос (*“But ah don’t know.”*).

Учитывая, что материал нашего исследования относится к художественной литературе, мы практически не можем судить о максиме качества, поскольку правдивость или неправдивость высказывания полностью зависит от замысла автора данного произведения. Поэтому в нашем исследовании мы в основном концентрируемся на трех остальных максимах: **количества** (quantity), **релевантности** (relevance), **манеры** (manner).

В следующем диалоге мы видим пример нарушения **максимы количества**; это выражено лексической избыточностью, повторами в репликах одного из героев (Vikram):

"I'll never get this horse to ride with you, Vikram. I'm the worst rider you ever saw. I've already fallen off this one three times. If I can get it to walk in a straight line I'll be happy."

"Come on, brother Lin! I tell you what, I'll lend you my hat. It never fails, man. It's a lucky hat. You're having trouble because you got no hat."

"You haven't seen me ride."

"And you haven't worn the hat. The hat can fix anything. Plus, you're a gora. No offence to your whiteness, yaar, but these are Indian horses, man. They just need to get a little Indian style from you, that's all. You speak in Hindi to them, and dance a little, then you'll see. <...> You get down with me now, and dance a little Indian magic. The horses have to see that cool, Indian motherfucker you got inside your tight, white exterior, man. I swear, the horses will love you".

(G.D. Roberts, Shantaram, p. 656)

Первым примером нарушения Принципа Кооперации в следующем диалоге является нарушение **максимы количества**; оно выражается лексическими повторами и многословием:

"How much did you give to the hungry, and the homeless?"

"I don't recall exactly. My wife and I give to a lot of charities. I know there was a donation, I think for five thousand, to the Greater D.C. Fund, which, as I'm sure you know, distributes money to the needy. We give a lot. And we're happy to do it."

(J. Grisham, The Street Lawyer, p. 20)

С нарушением **максимы количества** тесно связано нарушение **максимы релевантности**, которое мы наблюдаем в том же примере. Их непосредственная связь обусловлена лексической избыточностью речи героя, поэтому вполне естественно, что в его ответе есть лишняя, ненужная информация, которая не имеет прямого отношения к ответу на вопрос (например, *"And we're happy to do it."*).

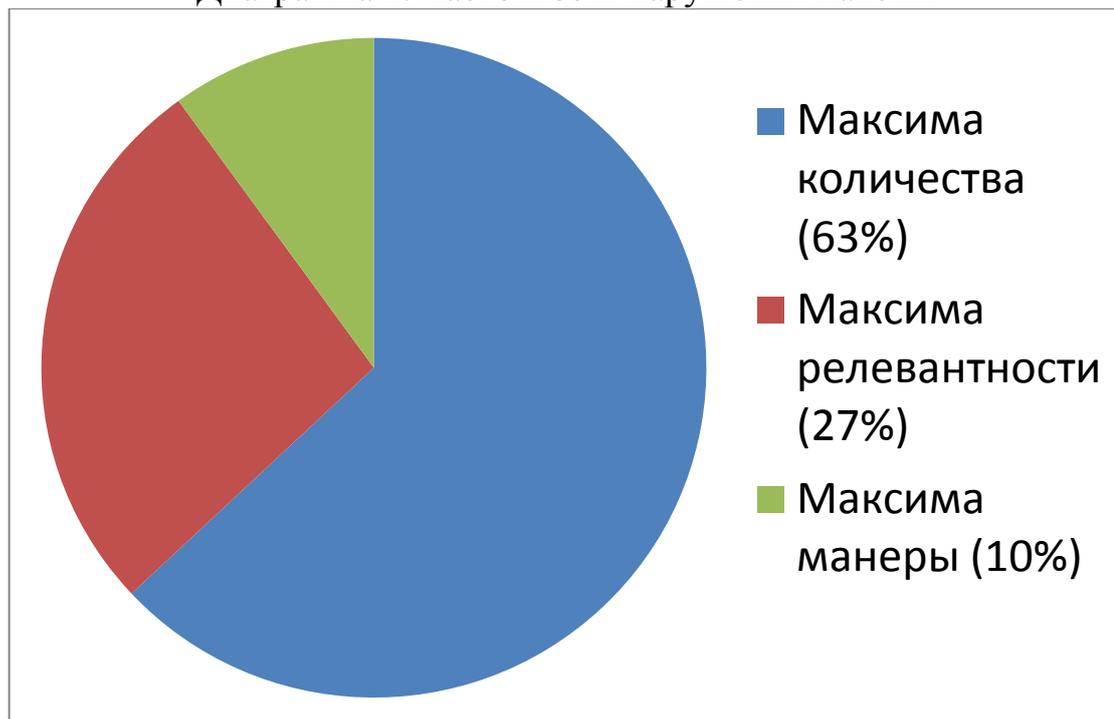
"How much did you give to the hungry, and the homeless?"

"I don't recall exactly. My wife and I give to a lot of charities. I know there was a donation, I think for five thousand, to the Greater D.C. Fund, which, as I'm sure you know, distributes money to the needy. We give a lot. And we're happy to do it."

Что касается **максимы манеры**, в данном диалоге она также несколько раз нарушается. Саркастичная реплика одного из героев (Mister), сопровождаемая словами автора, является примером двусмысленности (*"I'm sure you're very happy," Mister replied with the first hint of sarcasm.*).

Таким образом, проанализировав ряд англоязычных разговорных диалогов, мы пришли к выводу о том, что наиболее часто в них нарушается **максима количества**. Такой результат лишь подтверждает мысль о том, что разговорная речь стихийна, а избыточность, плеоназмы и тавтология являются важными характеристиками живого, спонтанного диалога.

Диаграмма 1. Частотность нарушения максима

Второй по частотности нарушаемой максимой является **максима релевантности**; это связано с тем, что диалогическая речь спонтанна и не строго логична, она допускает отклонения от темы (особенно это связано с вышеупомянутыми тенденциями к избыточности в разговоре).

Максима манеры также может быть нарушена в англоязычном диалоге, однако стоит отметить, что подобных случаев не так много. Такие категории, как **манера и качество**, в большей степени зависимы от ситуации и контекста, они определяются отношениями собеседников, а не особенностями разговорного стиля. Особого внимания заслуживает тот факт, что результаты исследования характерны именно для англоязычного разговорного диалога, они определяются национальной спецификой и социокультурными особенностями.

Библиографический список

1. В л а с я н Г. Р. *Сопоставительное исследование диалогов со встречным вопросом в английских художественных диалогах и их переводах на русский язык: Автореф. дис. ...канд. филол. наук.* Екатеринбург, 2002.

2. Г р а й с П. *Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика.* М.: Прогресс, 1985.

Н.В. Волкова
(Башикирский государственный педагогический
Университет им. М. Акмуллы, г. Уфа)

МЕТАФОРИКА НЕТРИВИАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ ГЛАГОЛОВ ВИДЕНИЯ

Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ 14-14-00497

Объектом исследования являются английские глаголы видения в нетривиальном значении: *see, notice, discern, spot, observe*, проводится аналогия с глаголами соответствующей группы в русском языке. При выборе данных глагольных единиц в качестве объекта исследования учитывались сведения как о частотности их употребления в различных языковых стилях, так и об их представленности в тексте непосредственно в переносном значении. Данные сведения стали результатом работы с национальными корпусами английского и русского языков (British National Corpus, The Corpus of Contemporary American English, Национальный корпус русского языка). В качестве наиболее частотных лексем данной группы выступили глаголы *see* и *видеть*, они наиболее наглядно отражают системность семантических отношений, присущую всем глагольным единицам анализируемой лексико-семантической группы.

Для интерпретации механизмов, лежащих в основе появления нетривиальных «ментальных» значений, на разных этапах исследования был использован комплекс методов. Среди них методы корпусной лингвистики, когнитивный анализ, метод семантического толкования, лингвистический эксперимент. В данной работе более подробно остановимся на результатах, полученных в ходе когнитивного концептуального анализа появления нетривиальных значений, проводимого на основе метаязыка Дж. Лакоффа [1].

Английские глаголы группы видения относятся к глаголам широкой семантики, они обладают целым рядом значений, как прямого, так и переносного характера. Количество значений данных глаголов варьируется в различных словарях и достигает 30 у отдельных глагольных единиц. Анализ словарных статей в зарубежных и отечественных лексикографических источниках и работа с фактическим материалом позволяют предположить, что большинство значений глаголов этой группы можно разделить на два типа: 1) значения, основанные на концептуализации процессов зрительного восприятия; 2) значения, основанные на концептуализации ментальных процессов. Базовое значение глаголов группы видения, основанное на сфере зрения, характеризуется общей семантикой, передающей информацию о создании образа и его идентификации. Семантика глаголов, связанная с ментальными процессами передаёт информацию о создании в сознании

человека не только образа предмета или явления, но и информацию об осмыслении связей и отношений между предметами или явлениями действительности. Определение сущности процесса мышления базируется на его интерпретации в психологии [2. С. 471-494.]. Наша задача заключается в выявлении процессов, лежащих в основе изменения значения. Речь идёт о переходе от основного значения, базирующегося на концептуализации процессов возникновения зрительного образа, к нетривиальному, связанному с концептуализацией умственных процессов. Осуществлена попытка проследить подобные процессы и на примере русских глаголов группы видения.

Семантика русского глагола *видеть* также соприкасается с интеллектуальной, эмоциональной и речевой сферами человека. Это наглядно проявляется в семантической структуре данного глагола. Так, в «Большом толковом словаре» под редакцией С.А. Кузнецова [3] дается семь значений перцептивного глагола «видеть»: *видеть картину; рад вас видеть; ты видел новый фильм? видеть во сне; ничего хорошего в жизни не видел; видел свое призвание в медицине; видеть в нем свое спасение.*

Учитывая семантические переходы зрительных глаголов в незрительные, можно выделить когнитивные модели сближения глаголов восприятия с глаголами ментального и интеллектуального значения, значения полагания и сомнения, чувствования, воображаемого восприятия, изменения места в пространстве, межличностного контакта.

В качестве одного из наиболее продуктивных способов появления нетривиальных значений в настоящее время рассматривается метафоризация. Под метафорой в данном случае понимается не языковое образное выражение, а некий конструкт, лежащий в основе появления целого ряда контекстуальных значений. Лингвистические исследования метафоры стали связывать с её изучением как языковой характеристики, связанной не только со словами, но и с мышлением и деятельностью. По мнению современных лингвистов, метафора позволяет объяснить очень многие языковые процессы, более того метафоры активно участвуют в формировании личностной модели мира, играют важную роль в интеграции вербальной и чувственно-образной систем человека, а также являются ключевым элементом категоризации языка, мышления и восприятия» [4. С.135].

Согласно метаязыку Дж. Лакоффа в рамках концептуального анализа выделяется три вида когнитивных метафор: ориентационные, онтологические и структурные. Проведённый в ходе исследования анализ показал, что в основе изменения значения рассматриваемой группы глаголов «видения» в английском и русском языках лежит концептуальная структурная метафора, метафорическое понятие (концепт, конструкт), объединяющее их - «Понимание - это видение (Understanding is seeing)» [1. С. 80].

Данная метафора позволяет провести концептуализацию сложного комплексного понятия процесса понимания в терминах более удобных для

осознания, а именно в терминах визуального восприятия. Иными словами, оперируя терминологией Дж.Лакоффа и М. Джонсона, концепт «понимание» метафорически структурируется в терминах концепта «видения», что в свою очередь позволяет отнести метафору, лежащую в основе изменения значения исследуемых глаголов, к структурному типу. В качестве эмпирической основы метафоры в данном случае выступает тот факт, что подавляющее большинство знаний, которыми мы обладаем, поступают к нам через зрительный канал. Кроме того, столь частая реализация данной метафоры в языке связана и с существующими достаточно общими принципами, в соответствии с которыми сознание человека, антропоцентрическое по своей природе, организует непредметную действительность по аналогии с пространством и временем мира, данного в непосредственных ощущениях [5]. Приведём пример реализации структурной метафоры «Понимание – это видение» непосредственно в языке:

“Lily stared at it hard to see(to understand) if there was any other sense in it, but once again there was only the disintegration of a line of waves.” (E. Freud).

Я специально не хожу сейчас на её спектакли в «Современнике», чтобы не видеть (понимать, осознавать), насколько она велика. (Яна Зубцова).

В данном предложении описывается ситуация, главный участник которой, обозначим его как Субъект (X – «Lily», «Я»), осуществляет действие («to see», «видеть») по некоему восприятию Объекта (Y – «if there was any other sense in it», «насколько она великая»). Вполне очевидна метафоричность действия по той причине, что объект восприятия относится к непредметной действительности и, следовательно, его восприятие не может основываться только на непосредственных физических ощущениях. Для успешности действия необходим также ряд умственных операций, поэтому сознание и проводит аналогию с более понятными процессами по зрительному восприятию, что выражается в языке использованием для описания данной ситуации глагола видения («видеть») в его переносном значении.

В рассматриваемом нами метафорическом понятии «Понимание - это видение» абстрактное понятие «понимать, осознавать» представляет цель, некоторые области которой структурируются по образцу источника «зрительное восприятие», представляющего более конкретное знание.

Базовыми для исследуемых глаголов являются значения, основанные на концептуализации процессов зрительного восприятия, с их помощью происходит осмысление других, переходных значений, основанных на концептуализации ментальных процессов.

Согласно когнитивной теории, метафоризация основана на взаимодействии двух структур знаний (фрейма и сценария), двух концептуальных доменов - когнитивной структуры «источника» (source domain) и структуры «цели» (target domain).

В процессе метафоризации некоторые области цели структурируются по образцу источника, иначе говоря, происходит «метафорическая проекция» (metaphorical mapping) или «когнитивное отображение» (cognitive mapping). В результате однонаправленной метафорической проекции (metaphorical mapping) из сферы-источника в сферу-мишень сформировавшиеся в результате опыта взаимодействия человека с окружающим миром элементы сферы-источника структурируют менее понятную концептуальную сферу-мишень, что составляет сущность когнитивного потенциала метафоры. Базовым источником знаний, составляющих концептуальные домены, является опыт непосредственного взаимодействия человека с окружающим миром, причем диахронически первичным является физический опыт, организующий категоризацию действительности в виде простых когнитивных структур - «схем образов». Метафорическая проекция осуществляется не только между отдельными элементами двух структур знаний, но и между целыми структурами концептуальных доменов.

В рассматриваемом нами метафорическом понятии «Понимание - это видение» абстрактное понятие «understanding / умственное восприятие» представляет цель, некоторые области которой структурируются по образцу источника «seeing / зрительное восприятие», представляющего более конкретное знание.

Такова, в терминах когнитивистики, общая формула метафоризации значения английских и русских глаголов видения, которая лежит в основе исследуемых изменений и позволяет понять, что появление нового значения основывается на определённых когнитивных моделях. С помощью когнитивного подхода мы попытались выявить первопричину исследуемых изменений в значении, их эмпирическую основу. Следует отметить, что новое значение глагола появляется под влиянием изменения когнитивной конструкции. Термин «конструкция» употребляется здесь не в традиционном смысле, а в некотором новаторском варианте его понимания, высказанном представителями нового направления в лингвистике – Конструктивной грамматики, или Грамматики конструкций. Это понимание термина «конструкция» находится в русле идей когнитивной лингвистики (более подробно о грамматике конструкций см.: [6; 7; 8]).

Библиографический список

1. Л а к о ф ф Дж., Д ж о н с о н М. *Метафоры, которыми мы живём*. М., 2004.
2. Р о г о в а Е. И. *Психология*. М.: ВЛАДОС, 2005.
3. *Большой толковый словарь русского языка* / Ред. Кузнецов С.А. СПб.: Норинт, 2000.

4. П е т р о в В. В. *Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу* // Вопросы языкознания. - 1990. - № 3.
5. Т е л и я В. Н. *Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира* // Электронный ресурс Интернет: <http://linguistic.ru>.
6. F i l l m o r e Ch. J. *Construction grammar course book*. Berkley: Univ. of California, 1992.
7. G o l d b e r g A. *Constructions at work: The Nature of Generalization in Language*. Oxford, 2006.
8. С r o f t W. *Lexical Rules vs. Constructions: A False Dichotomy* // Cuyckens H., Berg T., Dirven R., Panther K.U. *Motivation in Language: Studies in Honor of Gunter Radden*. Amsterdam / Philadelphia: Benjamins. 2003.

А.А. Воробьева¹⁴

(Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород)

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ СОДЕРЖАНИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТЕКСТА/СИТУАЦИИ

Важным этапом процесса перевода является переводческий анализ текста. В переводоведении сложилось два основных подхода к переводческому анализу текста: лингвистический, или текстоцентрический, и коммуникативно-функциональный [1. С.6-7].

Основное различие данных подходов состоит в том, что представители лингвистического подхода в ходе переводческого анализа текста не учитывают экстралингвистические факторы, в то время как представители коммуникативно-функционального подхода говорят о необходимости включения переводческого акта в широкий контекст межъязыковой и межкультурной коммуникации.

Ученые, придерживающиеся текстоцентрического подхода, рассматривают переводческий анализ как средство обеспечения понимания смысла текста на исходном языке в процессе анализа этого текста. То есть, они уделяют все внимание тексту. Но ведь одно и то же высказывание будет иметь различный смысл в зависимости от контекста и ситуации. Р.К.Миньяр-Белоручев утверждает: «...в речевой коммуникации смысл определяется как содержание речевого произведения в данной конкретной ситуации» [2. С.30]. Не учитывая условия коммуникации, невозможно или очень сложно правильно понять смысл, а, исходя из

¹⁴ Научный руководитель - канд. филол. наук, доцент кафедры теории и практики английского языка и перевода В.В. Сдобников.

этого, и невозможно правильно передать смысл в тексте перевода, а также обеспечить выполнение текстом перевода той функции, которую он должен выполнять во вторичной коммуникативной ситуации.

Поэтому представители коммуникативно-функционального подхода говорят о необходимости анализа как лингвистических, так и экстралингвистических факторов. Согласно этой точке зрения, текст не может рассматриваться отдельно, то есть, вне коммуникативной ситуации, в которой он был создан и переводится. Смысл текста может быть понят только при соотнесении языковых значений с экстралингвистическими факторами, релевантными для каждой языковой ситуации. Опять же сошлемся на Р.К.Миньяр-Белоручева, который предлагает следующее уточненное определение смысла: «...смысл есть производное от взаимодействия двух основных видов информации: семантической и ситуационной, продукт их преобразования в мозговых механизмах адресата» [2. С.38]. То есть, речь должна идти о переводческом анализе не только текста, но и ситуации.

Таким образом, в процессе создания своего алгоритма переводческого анализа текста и ситуации мы придерживались коммуникативно-функционального подхода.

Алгоритм переводческого анализа включает следующие этапы.

Во-первых, после прочтения текста переводчику нужно собрать материал об авторе текста, его предметной деятельности, его взглядах и убеждениях, необходимо проанализировать коммуникативную ситуацию, найти информацию о дате и условиях создания текста. Это необходимо для того, чтобы у переводчика сложилось полное представление о ситуации, в которой был создан исходный текст, и представление об авторе текста, особенно если личность автора явным образом проявляется в тексте.

Во-вторых, исходя из этих данных, переводчик определяет, какую цель преследовал автор, создавая текст, и какой смысл он в него вложил, а также исследует, на какую аудиторию он рассчитан и какой коммуникативный эффект оказывает данный текст. На данном этапе также анализируется лингвистика текста оригинала, то есть композиция текста оригинала, смысловые связи внутри текста, его жанрово-стилистическая принадлежность, языковые средства, которые позволяют судить об авторской позиции.

В-третьих, переводчику необходимо определить цель перевода, которая формулируется исходя из особенностей коммуникативной ситуации, а также ожиданий и потребностей инициатора перевода и получателей перевода. При этом следует иметь в виду, что личность инициатора перевода может не совпадать с личностью получателя перевода [1. С.41].

В-четвертых, у переводчика формируется представление о получателе перевода, его фоновых знаниях и предметной области, решаются вопросы пояснения культурно-специфичных явлений, упоминаемых в тексте оригинала.

В-пятых, это определение функции текста перевода. Функция текста перевода может не совпадать с функцией текста оригинала, она напрямую зависит от цели перевода, которая определяется потребностями и ожиданиями инициатора перевода и получателя перевода.

В-шестых, учитывая предполагаемую функцию текста, переводчик определяет, какой коммуникативный эффект текст перевода должен произвести на получателя данного перевода. Важно отметить, что коммуникативный эффект, производимый текстом оригинала, может не совпадать с коммуникативным эффектом, производимым текстом перевода.

В-седьмых, для достижения цели перевода и нужного коммуникативного эффекта разрабатывается стратегия перевода. На этом этапе определяются конкретные задачи, которые переводчик будет решать, исходя из цели перевода. Определение задач дает возможность наметить определенные тактики перевода, которые переводчик будет использовать в процессе перевода. В.В. Сдобников дает следующее определение тактикам перевода – «это совокупность способов и приемов достижения поставленной цели перевода с учетом особенностей выработанной стратегии перевода» [1. С.138].

Теперь на примере статьи «German Car Stimulus Jumpstarts Demand», которая была написана Штефаном Тайлем и опубликована 13 марта 2009 в американском еженедельном журнале Newsweek, рассмотрим применение данного алгоритма на практике.

На первом этапе собирается информация об авторе и коммуникативной ситуации. Штефан Тайл – немецкий журналист, заведующий бюро журнала Newsweek в Берлине. Он пишет о политике, экономике и бизнесе в Европе. Статья опубликована в марте 2009 года, когда весь мир переживал последствия мирового финансового кризиса 2008 года, сильно ударившего по автопроизводителям. В феврале 2009 года властями ФРГ была принята программа стимулирования потребительского спроса, первые результаты которой и описаны в этой статье.

На втором этапе, формулируется цель написания текста, определяется аудитория и предположительный коммуникативный эффект, анализируется лингвистика текста. Цель данной статьи – рассказать об успехах новой программы правительства ФРГ и привлечь внимание общественности к данной программе. Аудитория данной статьи – это американские автолюбители, интересующиеся новостями в мире и владельцы автомобилей из Европы, знающие английский язык. Коммуникативный эффект данной статьи заключается в повышении информированности читателей в отношении первых результатов немецкой программы стимулирования и формирование положительного отношения к ней.

Важно обратить внимание на композицию и логику построения текста. Здесь автором заложена определенная схема:

- заявление о наличии удачной программы помощи производителям;
- подтверждение этого заявления конкретными примерами (1-й абзац);
- рассказ о достоинствах программы;
- выражение беспокойства по поводу того, что произойдет, когда программа перестанет действовать;
- выражение уверенности в том, что на сегодняшний день эта программа лучшая с точки зрения наполнения рынка ликвидностью.

Несомненно, логику построения стоит сохранить, чтобы получатель перевода имел полную картину о ситуации в Германии и эффективности данной программы. Текст перевода можно сопроводить информацией о журнале и авторе оригинала.

Если говорить о жанрово-стилистической принадлежности текста, то это публицистическая статья, с элементами разговорного стиля, которые необходимо сохранить в переводе.

На третьем этапе формулируется цель текста перевода. Можно предположить, что перевод данной статьи нужен какому-либо российскому журналу, для привлечения внимания общественности и правительства к успешному примеру Германии с целью изменения программы утилизации старых автомобилей в России и продления её на 2016 год в связи с кризисом, который вызвали санкции и падение курса рубля.

На четвертом этапе переводчик определяет предполагаемого получателя перевода. Аудитория данной статьи – это заинтересованная в данной теме российская общественность.

На пятом этапе формулируется функция перевода. Таким образом, основная функция данного перевода – это привлечение внимания правительства и общественности к удачному примеру стимулирования автопрома.

Шестой этап, включает в себя определение коммуникативного эффекта. Коммуникативный эффект перевода заключается в повышении информированности общественности о положительном опыте программы стимулирования в Германии и в возникновении положительного отношения к ней.

И наконец, на седьмом этапе формулируется стратегия и тактики перевода. При переводе данной статьи на русский язык было бы логично использовать стратегию коммуникативно-равноценного перевода. Цель перевода почти совпадает с целью оригинала: показать положительный опыт реализации данной программы.

Исходя из стратегии перевода, нужно применять определенные тактики. В качестве средств реализации стратегии коммуникативно-равноценного перевода используются следующие тактики перевода:

- тактика максимально точной и полной передачи информации;
- тактика эксплицирования подразумеваемой информации;
- тактика стилистической адаптации текста;
- тактика воспроизведения стилистических особенностей исходного текста;
- тактика правильного оформления информации.

Первая тактика подразумевает полную и точную передачу информации, содержащейся в тексте. В процессе перевода необходимо правильно передать термины, названия, цифровую информацию, а также всякую информацию, относящуюся к характеристике программы стимулирования.

Например, названия компаний (Volkswagen, Ford, Fiesta, Opel, GM) лучше транскрибировать (Фольксваген, Форд, Фиеста, Опель, Дженерал моторз) и при их написании использовать кавычки.

При переводе фразы «best month» необходимо применить тактику эксплицирования, и перевести на русский язык, как «лучший месяц с точки зрения объема продаж».

Применив тактику стилистической адаптации, словосочетание «Germany's scrapping bonus» можно перевести, как «программа стимулирования потребительского спроса Германии».

При переводе данной статьи необходимо сохранить стилистические особенности исходного текста, поэтому перевода фразу «government money pumping» можно использовать слово «вливание».

К тому же, необходимо использовать тактику правильного оформления информации: при переводе на русский язык нужно заменить полные обозначения физических величин их сокращениями (80 percent = 80%), заменить прописные буквы строчными (German Association of Auto Dealers = Ассоциация автодилеров Германии). Также необходимо заменить запятые на пробелы в записи числительных (€2,500 = 2 500 €; 430,000 = 430 000 и т.д).

Таким образом, в данной статье предложен свой вариант алгоритма переводческого анализа текста/ситуации. Он предусматривает анализ как лингвистических, так и экстралингвистических факторов. Алгоритм предполагает получение полной информации о тексте, авторе и коммуникативной ситуации, в которой он был создан. Данный алгоритм учитывает цель создания текста и цель создания перевода, предполагает определения получателя перевода и его отличия от адресата оригинала, отдельно выделяет личность инициатора перевода и его ожидания и потребности. Более того, он учитывает стратегию и тактики перевода, особенности построения текста и языковых средств, которыми автор добивается коммуникативного эффекта. Применение данного алгоритма показано на практике на примере статьи «German Car Stimulus Jumpstarts Demand».

Библиографический список

1. С д о б н и к о в В. В. *Перевод и коммуникативная ситуация: монография*. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015.
2. М и н ь я р – Б е л о р у ч е в Р. К. *Общая теория перевода и устный перевод*. М.: Воениздат, 1980.

Л.Е. Евтина¹⁵

(Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова г. Нижний Новгород)

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА НЕМЕЦКИХ РЕАЛИЙ НА РУССКИЙ ЯЗЫК В ХУДОЖЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

Художественная литература, как известно, служит источником знаний самого широкого спектра. В ней отражены разные этапы становления личности, общества, идеологии, режима. Как исторические реалии, так и явления современной действительности можно рассматривать под призмой художественной литературы.

Не уделяя внимание произведениям художественной литературы разных народов и эпох, невозможно познать всю глубину мирового знания. Мир, в котором мы живём, претерпевает стремительные изменения в сторону глобализации, понятие «иноязычная культура» ставит перед человеком цель немедленно преодолеть барьер. Всестороннее развитие человека в настоящее время предполагает знание культуры других стран и народов.

Художественный перевод может рассматриваться как особое направление не только в лингвистике, но и в искусстве. Ведь его суть – это как можно более точная передача игры слов и метафорических смыслов, сохранение не только сюжета и фактов, но также авторского стиля и атмосферы.

Данная статья посвящена переводу художественных текстов из сборника *«Deutschland in kleinen Geschichten»* [1], составленного Хартмутом фон Хентигом, и анализу переводческих трудностей, возникших в процессе перевода. Современный публицист, журналист и психолог Хартмут фон Хентиг является ярким представителем немецкой педагогики.

Данный сборник состоит из коротких рассказов, написанных 36-ю современными немецкоязычными авторами, объединённых общей идеей.

¹⁵ Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент кафедры немецкого языка и перевода Л.А. Аверкина.

Она заключается в раскрытии немецкого осмысления окружающей действительности путём описания типично немецких предметов и явлений.

В результате перевода художественно-публицистических текстов на русский язык возникли следующие трудности: перевод реалий и перевод имен собственных.

1. Перевод реалий

Основные трудности были связаны с переводом лексических единиц, обозначающих типичные для немецкоязычной культуры явления и предметы. В русском языке зачастую отсутствуют лексические эквиваленты некоторых немецких понятий, т.е. не существует слова или устойчивого словосочетания, которое могло бы передать значение лексической единицы исходного языка [2. С.5].

В переводоведении существует несколько вариантов перевода реалий. Выбор того или иного способа перевода зависит от множества факторов: это особенности того или иного типа текста, функции текста и, что немаловажно, собственные фоновые знания переводчика (знания истории, культуры, географических названий, персоналий).

Необходимо понимать условность понятия «перевод реалий»: суть реалии состоит в том, что она, как правило, неперевода и для её передачи – не перевода как такового – важен контекст [3. С.79]. Между оригиналом и транслятом устанавливаются особые отношения, которые характеризует отсутствие тождественности [4. С.43]. В эссе из книги „Deutschland in kleinen Geschichten“ неоднократно встречаются немецкие реалии, перевод которых может восприниматься как часть большой и важной проблемы передачи национального и исторического своеобразия.

Рассмотрим перевод реалий в эссе Хуго Виттермана „*Der Volkswagen*“. Существует правило, согласно которому названия марок и моделей автомобилей передаются с помощью транскрипции, т.е. записи оригинального звучания слова. Но в данном эссе мотивирована не только транскрипция, но и другой способ перевода, а именно калькирование.

Главная идея текста состоит в том, что автомобиль «*фольксваген*» ценен для всего немецкого народа по причине его удобства, надёжности и незначительной стоимости. Автор неоднократно акцентирует внимание на этой отличительной черте автомобиля:

Er war Hitlers eigentliche Wunderwaffe, weil der so einfach konstruierte luftgekühlte Heckmotor gleich gut in den Sandwüsten Afrikas wie in den Eis- und Schlammwüsten Russlands funktionierte. – Это было поистине чудо-оружие Гитлера, потому что расположенный сзади двигатель, обладающий простой конструкцией и оснащённый воздушным охлаждением, прекрасно подходил для передвижения как по африканским пустыням, так и по суровому российскому бездорожью.

Реалию «*фольксваген*» следует перевести на русский язык как «*народный автомобиль*». Это словосочетание передаёт изначальный смысл, заложенный в ИЯ. Поэтому кроме передачи транскрипцией в скобках можно дать кальку этого перевода слова „*Volkswagen*“:

Ausländer mögen da andere Vorstellungen haben, und fragte man sie, was sie für einen typisch «deutschen Gegenstand» halten, sehr viele unter ihnen durften sagen: «Na, der Volkswagen, zum Beispiel!». – У иностранцев несколько другое мнение на этот счёт, и если спросить их, что для них является исключительно «немецким понятием», наверняка вы услышите в ответ: «Ну, например, фольксваген (т.е. народный автомобиль)!»

В тексте также упоминается определённая модель «фольксвагена» - „Käfer“. Название этой модели переводится во всех языках. Русский эквивалент – «жук».

Следующая реалия, требующая передачи на русский язык, – это *Gummibärchen*. В данном случае калькирование («резиновые мишки») не отражает сути явления. *Gummibärchen* – это мармеладные жевательные конфеты, изготовленные из фруктового сока. Таким образом, оптимальным вариантом является описательный перевод: «жевательный мармелад «Мишки»»:

Sie könnten ja auch sagen: das KZ oder Gummibärchen oder das Ladenschlußgesetz. – Ведь вы могли от них услышать: концлагерь, или жевательный мармелад «Мишки», или же закон, регулирующий время работы магазинов.

Ещё одна интересная для перевода реалия – *Ladenschlußgesetz*. В русском языке нет денотата этого слова. Это явление незнакомо русскоязычному читателю и, соответственно, требует комментариев переводчика, который обычно дается в конце статьи, главы или рассказа. Однако параллельно с комментарием переводчик может использовать в тексте перевода описательный перевод: «закон, регулирующий время работы магазинов», что отражает суть явления и не делает перевод слишком громоздким:

Sie könnten ja auch sagen: das KZ oder Gummibärchen oder das Ladenschlußgesetz. – Ведь вы могли от них услышать: концлагерь, или жевательный мармелад «Мишки», или же закон, регулирующий время работы магазинов¹⁶.

Подробный комментарий в сноске, однако, тоже желателен. Сноска в конце переводимого текста должна дать читателю полную информацию о сути данной реалии. Она будет выглядеть следующим образом (см. сноску *).

С точки зрения перевода интерес представляет также эссе „*Biedermeier*“, автором которого является Георг Химмельхебер. Эссе посвящено художественному направлению, которое зародилось и развивалось именно в немецкоязычном пространстве. При дословном переводе оригинала реалию «*Biedermeier*» можно передать целым словосочетанием: «*простодушный господин Майер*». Однако в данном случае такой перевод не подходит и следует выбрать иную переводческую

* - закон в Германии (1956 г.), устанавливающий единое время работы и закрытия магазинов с целью уменьшения конкуренции между ними

стратегию, т.к. дословный перевод не будет ассоциироваться у русскоязычной публики с названием художественного стиля определенной эпохи. Слово „*Biedermeier*“ встречается уже в заголовке. Дав перевод при помощи транслитерации и объяснив значение этого явления в комментарии в конце статьи, в дальнейшем переводчик использует только лексическую единицу «бидермейер»:

Biedermeier. – *Бидермейер*** (см. сноску**)

Mit dem Begriff Biedermeier wird nicht nur ein literarisches und künstlerisches Phänomen der Jahre zwischen 1815 und 1835 erfasst, sondern weit darüber hinausgehend eine Lebens- und Geisteswelt, die Geselligkeit und Unterhaltung, Wohnkultur und Mode, Naturgefühl und Burgersinn bestimmte. – Бидермейер – это не только литературно-художественное явление 1815-1835 гг.; понятие «бидермейер» включает в себя гораздо больше: мир жизненный и мир духовный, общение и развлечения, культура быта и мода, чувство природы и гражданское самосознание.

Для перевода интересно также эссе „*Die Weiße Rose*“, написанное Хартмутом фон Хентигом. Перевод некоторых реалий, встречающих в этом эссе, не представляет трудности, т.к. эти явления немецкоязычной культуры широко известны и за ее пределами. Как, например, упоминаемая в эссе антифашистская организация „*Die Weisse Rose*“: у этого названия существует свой эквивалент в русском языке – «*Белая роза*»:

Als ich mich bückte, um eines aufzuheben, war es – wie die anderen – ein in das Pflaster eingelassenes Flugblatt der Weißten Rose auf weißen Stein gedruckt. – Когда я нагнулся за одним из них, он оказался – как и все остальные – вмонтированной в мостовую листовкой «Белой розы», отпечатанной на белом камне.

2. Перевод имен собственных

Также особое место в переводческой работе занимает передача имен собственных. Художественные тексты, взятые для данного исследования, изобилуют географическими названиями и именами политических и культурных деятелей определённой исторической эпохи. Для их перевода необходимо знание их официального аналога в русском языке.

Первична звуковая, а не письменная система языка, и при переводе необходимо стремиться к фонетической близости к оригиналу [5. С.19]. Поэтому топонимы и антропонимы немецкого происхождения передаются, как правило, путём транслитерации:

Stuttgart – Штутгарт;

Freiburg – Фрайбург;

Saarbrücken – Саарбрюккен;

Sophie Scholl – Софи Шолль;

** – художественный стиль, направление в немецком и австрийском искусстве, (архитектуре и дизайне), распространённый в 1815-1848 годах.

Christian Daniel Rauch – Христиан Даниэль Раух.

Однако фонологические системы разных языков обладают специфическими свойствами, что мешает полному соответствию их звуков [5. С.19]. Поэтому в некоторых топонимах и антропонимах производятся определенные фонетические трансформации, чтобы сделать их звучание естественным для переводящего языка. Подобное отступление от общих правил транскрипции Д.И. Ермолович называет принципом благозвучия [5. С.25].

Например:

Heidelberg – Гейдельберг;

Hitler – Гитлер;

Heinrich Heine – Генрих Гейне;

Georg Wilhelm Friedrich Hegel – Георг Вильгельм Фридрих Гегель.

Как известно, художественные тексты занимают особое место в сфере словесного искусства. При работе с ними переводчик сталкивается с определёнными трудностями, преодолеть которые позволяет только знание переводческих приёмов и трансформаций, применяемых при передаче реалий и специальной лексики одного языка средствами другого языка.

Художественный текст как вид искусства, не только познающего мир, но и переживающего его, в значительной степени формирует представление человека об окружающем мире, определённой исторической эпохе и её особенностях. Таким образом, работа с данным типом текста является весьма перспективным направлением переводческой деятельности.

Библиографический список

1. *DEUTSCHLAND IN KLEINEN GESCHICHTEN herausgeben von Harmut von Hentig.* München, Deutscher Taschenbuch Verlag GmbH & Co. KG, 1996.
2. А в е р к и н а Л.А. *Перевод текстов с историческим и национальным колоритом // Русская германистика.* Ежегодник Российского союза германистов. Спец.выпуск. М. – Нальчик, 2012.
3. В л а х о в С., Ф л о р и н С. *Непереводимое в переводе.* М., 1980.
4. К о м и с с а р о в В. Н. *Современное переводоведение: курс лекций.* М.: ЭТС, 1999.
5. Е р м о л о в и ч Д.И. *Имена собственные на стыке языков и культур.* М.: Р. Валент, 2001.

ТИПОЛОГИЯ КОММЕНТАРИЯ КУЛЬТУРНЫХ РЕАЛИЙ В ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ

Начало изучению связи семантики основного текста произведения и семантики «паратекстуальных» элементов, в том числе и в рамках переводоведения, положила работа известного французского исследователя Жерара Женнета «Фигуры». Именно он впервые заговорил о том, что семантика произведения не может рассматриваться изолированно, так как на неё влияют множество других факторов [1].

Все те атрибуты, которые сопровождают сам текст произведения, как то: имя автора, название произведения, дата и место его написания, а также то, что приобретает текст после выхода в печать – предисловие, примечание, комментарии, которые могут быть написаны как самим автором произведения, так и редактором, издателем или переводчиком, в конечном счете, образуют особое семантическое поле, неразрывно связанное с семантикой самого произведения. В него также могут входить и комментарии, которые дает сам автор относительно своего произведения (в ходе интервью), но которые не включены в состав издания. Все это и формирует конечный образ произведения, в котором оно доходит до читателя.

Переводческий комментарий является особым видом комментария, который появляется в процессе адаптации оригинального текста на ПЯ (язык перевода) и служит способом достижения переводческой эквивалентности. Комментарий является способом прагматической адаптации текста оригинала к языку принимающей лингвокультуры.

Наличие комментария обусловлено главным образом двумя факторами: прагматическим и семантическим. Адекватность перевода достижима лишь в том случае, если переводчик в равной степени учитывает оба вышеозначенных фактора, не принося один из аспектов комментария в жертву другому.

Согласно А. А. Гусевой, необходимость комментирования возникает в таких случаях, когда «точное (буквальное) воспроизведение оригинала не обеспечивает адекватной передачи смысла или недостаточно для сохранения прагматики оригинала» [2. С.16].

Разграничиваются также и разные направления адаптации, а следовательно, и роли, которые выполняет комментарий в тексте. Например, В. Н. Комиссаров указывает на то, что, во-первых, подобные

¹⁷ Научный руководитель – д-р филол. наук, профессор кафедры теории английского языка и перевода В.А. Миловидов.

изменения обеспечивают адекватность понимания передаваемого сообщения, во-вторых, они способствуют правильному восприятию содержания оригинала, его эмоционального воздействия. Оценочная информация, которую вносит переводчик, имеет большое значение для экспликации авторских интенций [3. С.114].

Наибольшее влияние переводчика на семантику паратекста проявляется именно в форме комментария либо примечания, как одного из паратекстуальных элементов или элементов заголовочно-финального комплекса. Существует несколько возможных вариантов реализации комментирования в тексте перевода. Так, относительно расположения в тексте его можно подразделить на:

1. подстрочное примечание, то есть комментарий, вынесенный за пределы текста, расположенный на той же странице, что и комментируемый отрывок, при этом в текст произведения помещается ссылка, направляющая читателя к порядковому номеру подстрочного комментария;
2. комментарии, составленные в виде списка, и помещенные в виде приложения после произведения, при этом в комментируемом тексте, как правило, не делается пометок о наличии комментария, а сам комментарий содержит указание на страницу и фрагмент комментируемого текста;
3. внутритекстовый комментарий, то есть комментарий, расположенный непосредственно в тексте произведения, стилистически не отличающийся от него, и представляющий собой развертывание имплицитных смыслов лексической единицы оригинала.

Выбор того или иного вида комментирования зависит от множества факторов: типа текста, его стилистических особенностей, вида издания, а также личностных факторов – предпочтений переводчика.

Большое значение имеет также и общая направленность издательства, для которого предназначается перевод (академические собрания произведений, научные издания, учебные издания классической литературы, адресованные школьникам и студентам, популярные издания).

Зачастую подстрочные примечания используются в текстах, где реалии, которые нуждаются в комментарии, имеют окказиональный характер. Такие реалии на протяжении текста встречаются не очень часто, не являются сюжетообразующими и применяются, в основном, для придания произведению культурного колорита. При отсутствии комментария таких реалий перед читателем перевода могут возникнуть затруднения в понимании замысла автора, хотя для читателя оригинального текста такая реалья знакома и никаких затруднений не вызывает. Также подобный комментарий может выполнять просветительскую функцию.

Так, в романе Агаты Кристи «Вечеринка на Хэллоуин» (в переводе Е. Куприна и Е. Гриценко) персонажи готовятся к празднованию Дня всех

святых, и при обсуждении одной из игр под названием «снэпдрэгон» (в оригинале «snapdragon») решают устроить её в библиотеке, как самой темной комнате. Для того, чтобы причины такого решения стали понятны читателю, необходимо было указать особенности игры. Переводчик использовал транскрибирование названия игры, а в подстрочном примечании указал, что это «святочная игра, во время которой играющие пытаются достать изюминки из блюда с горящим спиртом» [4. С.152].

В рассказе О. Генри «Негодное правило» (перевод М. Лорие) при описании музыкальных пристрастий героини автор отмечает, что они отличались ортодоксальностью, а затем говорит, что «её любимыми композиторами были Мендельсон, а также Муди и Сэнки». Если Мендельсон, без сомнения, является всемирно известным композитором, то имена Муди и Сэнки иноязычному читателю, мало знакомому с американской культурой, не вызывают соответствующих ассоциаций. Поэтому, переводчик прибегает к подстрочному примечанию, в котором указывает, что это – «американские проповедники и сочинители популярных песен на религиозные темы» [5. С.548].

В подобных случаях может быть применен и внутритекстовый комментарий, если переводчик считает уместным интегрировать в текст своего рода подсказку, которая раскрывает намерения автора, не нарушая семантической структуры произведения.

Пример подобного комментирования можно найти в переводе романа Дафны Дю Морье «Ребекка» (перевод Г. Островской). К названию компании, известной в Англии как страховая, переводчик добавляет описание её основного рода деятельности на момент развития описываемых в книге событий: «and the Lloyd's agent with him» [6. С.312] в переводе изменено на «а с ним агент морского страхового общества Ллойда» [7. С.320]. Таким образом читатель получает информацию о фактах, напрямую связанных с развитием сюжетной линии, в то время как та же информация, будучи помещенной в подстрочное примечание, могла быть легко пропущена читателем.

Кроме того, интересно, как переданы представленные в данном романе гастрономические реалии. Вместо употребления названия малоизвестного в нашей стране торта ("Angel cake, that melted in the mouth" [6. С.56]) переводчик акцентирует внимание на его основном ингредиенте: «торт с кремом из кокосовых орехов» [7. С.60]. Когда далее в перечислении десертов встречается печенье ("I had six of them. Bath Olivers." [6. С.56]), переводчик не только описывает его характерную особенность, но и кратко объясняет происхождение его названия («Целых шесть штук. Сухое печенье по рецепту доктора Оливера из Бата» [7. С.60]).

Комментарии, оформленные в виде приложения к тексту, используются, как правило, при переводе произведений, в которых культурологическая составляющая является весьма объемной и значительной. Это может быть вызвано несколькими причинами, в частности, когда действие произведения разворачивается в далеком

прошлом, как, например, в исторических романах В. Скотта, либо когда аллюзивность является важной сюжетной компонентой. Так, трудно представить себе издание перевода романа Д.Джойса «Улисс», в котором комментирование текста было бы реализовано в форме подстрочных примечаний, поскольку структура этого романа, в числе прочего, неразрывно связана с поэмой «Одиссея» Гомера и наполнена многочисленными отсылками к этому произведению, в связи с чем нуждается в объемном и обстоятельном комментировании.

Библиографический список

1. Ж е н е т т Ж. *Фигуры. В 2 т.* М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998.
2. Г у с е в а А. А. *Интертекстуальность как переводческая проблема (на материале романа Дж. Джойса «Улисс» и его перевода на русский язык): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 . М., 2009.*
3. К о м и с с а р о в В. Н. *Современное переводоведение: учеб. пособие.* М.: ЭТС, 2004.
4. К р и с т и А. *Избранные произведения: Романы.* М.: Алгоритм, 1996.
5. Г е н р и О. *Трест, который лопнул: рассказы.* М.: Эксмо, 2010.
6. Maurier Daphne du. *Rebecca.* М.: КАРО, 2010.
7. Дю Морье Д. *Ребекка.* Ижевск: Квест, 1992.

В.Р. Казакова¹⁸

(Государственный социально-гуманитарный университет, г. Коломна)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОРРЕКТНОСТЬ И ПЕРЕВОД: СЛАДКАЯ ЛОЖЬ?

В настоящее время наблюдается небывалый интерес к изучению различных культур, взаимодействие и конфликт которых неизменно связаны с проблемами коммуникации. Положение объясняется глобальной трансформацией, происходящей в современном мире. Коммуникация становится объектом исследования на различных уровнях и в различных областях: лингвистической, культурологической, социологической, философской, психологической, а также политической.

Политика по праву считается чрезвычайно сложной сферой отношений, одной из важнейших задач которой является управление обществом с учетом интересов различных социальных субъектов. Цель

¹⁸ Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Н.Ю. Степанова.

национальной политики – распределить власть внутри государства для достижения безопасности общества.

Существует множество определений политики в зависимости от того, какой критерий положен исследователем в основу *его* понимания политики. Обратимся к одноименной работе древнегреческого философа Аристотеля «Политика». Он рассматривал политику как форму общения семей и родов ради счастливой, благой жизни [1. С.8]. В настоящее время этим термином часто обозначают различные виды влияния и руководства. Ключевой особенностью данного определения является понимание политики как коммуникативной составляющей человеческой жизни. Таким образом, коммуникативная задача языка и политики во многом схожа: не задеть чувства человека, т.е. быть весьма *корректным* в своих изречениях. Вот только в отличие от обычного общения, политическая речь «искусственна» и «неискренна», о чем будет сказано позже.

Явление, возникшее в США в конце 70-х – начале 90-х гг. XX века и получившее название политическая корректность активно изучается как зарубежными, так и отечественными лингвистами, философами, политологами и культурологами. Более того, возникает и развивается качественно новый тип коммуникативных структур, процессов и различных средств выражения политической мысли. К одним из таких средств относятся эвфемизмы.

В лингвистическом плане эвфемизмы стали изучать в девятнадцатом веке, но лишь в последние десятилетия лингвисты стали проявлять к этому слою лексики значительный интерес. Изучение языка с точки зрения его «внутреннего устройства» уступило место исследованию «языка в действии», т.е. в речи, в говорении. На первый план вышли проблемы его функционирования в обществе. Как основное средство общения, язык тонко реагирует на все изменения в жизни человеческого коллектива, а также создается и формируется обществом.

Для того чтобы проанализировать и понять причины употребления эвфемизмов в речи политиков, необходимо рассмотреть определение эвфемизма. Поскольку явление эвфемизации в речи изучается лингвистами на протяжении многих лет, в лингвистической науке существует большое количество определений данного термина. Приведем некоторых из них.

Согласно определению профессора И.В. Арнольд «Эвфемизм состоит в замене нежелательного слова каким-нибудь другим, которое ассоциируется с первым по значению или по звучанию» [2. С.305].

Словарь лингвистических терминов под ред. О.С. Ахмановой определяет эвфемизм как «троп, состоящий в непрямом, прикрытом, вежливом, смягчающем обозначении какого-л. предмета или явления» [3. С. 525].

А. А. Реформатский определяет данный термин следующим образом: «Эвфемизмы – это заменные, разрешенные слова, которые употребляют вместо запрещенных (табуированных)» [4. С.56].

Другими словами, обобщив приведенные выше определения рассматриваемого понятия, мы можем утверждать, что эвфемизм – это языковое средство реализации вежливости, использующееся вместо определенного грубого слова или выражения, чаще всего характеризующегося наличием негативной экспрессивности.

В статье «Эвфемизмы как проявление политической корректности» Заварзина Н.Г. приходит к выводу, что наиболее часто политические эвфемизмы в современной речи и СМИ возникают в условиях необходимости завуалированного обозначения [5. С.54-56]:

1) органов власти и их деятельности («непопулярные меры» вместо «увеличение налогов», «обсудить организационный вопрос» вместо «уволить провинившегося чиновника»);

2) военных действий и их участников («ограниченный контингент войск» вместо «малочисленное войско», «дружеская помощь» вместо «ввод войск»);

3) экономических методов и их последователей («регулирование цен» вместо «повышение», «товары повышенного спроса» вместо «товары, которые невозможно купить»);

4) различных национальных и социальных групп и отношений между ними («лица с вредными привычками» вместо «любители выпить», «по солидной договоренности» вместо «за большие деньги»).

Как отмечалось ранее, политическая речь имеет некий налет недосказанности. В лингвистической практике такое явление называется *вуалированием*.

Вуалирование, или сокрытие существа дела – одна из целей, для осуществления которой создаются эвфемизмы. Это особенно характерно для языка тоталитарного общества. Данная цель основывается на способности такого рода эвфемизмов манипулировать реципиентом, скрывая истинную сущность явления за счёт создания нейтральной или положительной коннотации. Чаще всего неподготовленный реципиент не успевает вычленить эвфемизм из контекста, так как обилие информации в речах политиков и современных публицистических текстах затрудняет критическую оценку её когнитивной функции. Более того, лишь немногие знакомы с данным лингвистическим явлением и не могут осознать, как осуществляется манипулятивное воздействие. К данного рода эвфемизмам относятся такие слова как, например, спецполиклиника (вместо «психбольница»), регулирование цен (вместо «повышение»), *tension in Kashmere* (вместо 'rebellion') и т.п.

Очевидно, что те коммуникативные задачи, которые преследуют в своей речи политики и дипломаты, невозможно воплотить в жизнь, исключительно называя вещи своими именами без каких-либо намеков, недоговоренностей, то есть всего того, что выражается эвфемизмами. Государственные и военные тайны и секреты, (производство оружия, определенных видов техники), деятельность армии, разведки, уголовного розыска также являются источниками возникновения эвфемизмов.

Особый разряд составляют эвфемизмы, обозначающие военные действия государства: воины-интернационалисты (о советских солдатах в Афганистане в 1980–1989), сохраняется напряженность (вместо «есть убитые и раненые»), пойти на крайние меры (вместо «уничтожить») и т.п. При этом политические и военные эвфемизмы остаются таковыми, даже несмотря на слабую связь с денотатом, так как выполняют одну из основных функций – намеренное искажение истины, в целях предотвращения коммуникационного конфликта, например:

Economic activity... seemed to dry up, and it has shown little sign of revival.

Экономика страны, казалось, истощилась и почти не подавала признаков жизни («The New York Times» статья «Looking to Washington Again, So Far in Vain» 20.10.2012).

Данный метафорический эвфемизм передает негативное выражение (даже для неодушевленного понятия) ‘almost dying’. Цель использования данного выражения – преуменьшить негативную окраску, чтобы не напугать реципиента.

Приведем еще несколько примеров:

Самым грубым, но при этом, однако же, действенным примером дипломатического талиона может служить сценарий, применяемый в случаях, когда государство пребывания систематически манкирует своими обязанностями, предусмотренными Венской конвенцией о дипломатических сношениях. (РИА Новости, статья «Закон талиона: о чем скандалят невъездные европейцы» 14:23; 01.06.2015)

The rudest though rather effective example of the talion law could be the steps that should be taken when a government occasionally neglects its duties specified by the Vienna Convention on Diplomatic Relations.

Первый эвфемизм «дипломатический талион», называемый в политике *lex talionis*, является завуалированной формой русской поговорки «око за око, зуб за зуб». Он снижает «воинственную» окраску всего выражения, помогая снизить напряжение в общей атмосфере высказывания.

Второй эвфемизм «систематически манкировать своими обязанностями» откровенно приукрашивает реальное положение дел, поскольку в данном случае речь идет о невыполнении необходимых обязательств, что само по себе не может служить оправданием чему-либо. Однако в контексте манкирование обязанностей оказывается «действенным примером».

Данное предложение является подтверждением сказанного выше о манипулировании реципиентом при помощи недоговоренности, создания положительной или нейтральной коннотации.

Перейдем к переводческой стороне вопроса. Как же следует передавать подобные эвфемизмы на ПЯ? Ответ очевиден – соблюдая нормы публицистического стиля. Многие лингвисты называют публицистический стиль общественно-политическим, в виду того, что он

широко применяется в таких сферах общественной жизни как газеты и журналы, телевидение и радио, в публичных политических выступлениях, деятельности партий и общественных объединений. Все это указывает на тесную связь обсуждаемого стиля с общественной и политической жизнью. Главной задачей публицистического стиля является воздействие на читателя. Функция воздействия связана с тем, чтобы цель его не противоречила общественным интересам, а форма воздействия не воспринималась бы как грубое давление или навязывание субъективных оценок.

С другой стороны, эвфемизмы выполняют экспрессивную функцию в тексте. Референты, обозначающие негативную действительность заменяются на слова и выражения более нейтрального, но в то же время несколько выразительного типа, например не «погибли», а «пали», не «война», а «широкомасштабный конфликт». Таким образом прагматика эвфемизации в публицистике состоит в использовании неясных терминов, деноминации и смягчении негативного эффекта при сохранении точной референции.

Осуществление экспрессивной функции также предполагает соблюдение норм речевой культуры. Выражение эмоций не должно превращаться в единственную задачу публициста, политика - выходить за рамки приличий.

Перевод эвфемизмов осуществляется, как правило, благодаря подбору эквивалентных эвфемизмов русского языка или же благодаря трансформациям, самой распространенной из которых, по данным многих исследований, является калькирование.

Children's advocates have long complained that Nebraska does not give adequate support to troubled youth.

Защитники прав детей уже давно выражают недовольство тем, что Небраска не оказывает соответствующей поддержки трудной молодежи. («The Los Angeles Times» статья «Parents' despair is Left at Nebraska's Doorstep», 21.10.2008).

Словосочетание 'troubled youth' здесь является эвфемизмом к словосочетанию 'sick youth', и относится к группе эвфемизмов, связанных с умственной активностью. Мы предлагаем передать его на русский язык словосочетанием «трудная молодежь», что будет являться абсолютной калькой английского эвфемизма. Еще несколько примеров:

After a period in which drug companies have had way too much power in determining how children with psychiatric issues are treated, the pendulum may be swinging back.

После этапа наибольшего сосредоточения власти в руках фармацевтических компаний, которые решают, как лечить детей с психическими заболеваниями, маятник может качнуться назад («The New York Times», статья «Tough Choices for Tough Children» 21:00; 20.10.2012).

Фраза 'children with psychiatric issues' является эвфемизмом словосочетания 'mad children' и относится к группе эвфемизмов,

связанных с умственной активностью. На наш взгляд можно передать этот эвфемизм на русский язык словосочетанием «дети с психическими заболеваниями», что будет являться языковым средством реализации политической корректности и калькой английского эвфемизма.

Не стоит, однако забывать, что при переводе любых отрезков текста существуют такие трудности как генерализация, отсутствие необходимого контекста, полисемия, например:

Both the U.N. and the elected Iraqi government have the right to demand an end to the Coalition's military presence at any time.

Как ООН, так и избранное правительство Ирака в любой момент могут потребовать прекратить военное присутствие коалиции. («AlterNet» статья «Iraqi Government to UN: 'Don't Extend Mandate for Bush's Occupation» 9.10.2007)

Под словосочетанием ‘military presence’ подразумевается военно-политическое вмешательство в дела страны, и данный эвфемизм употребляется для того, чтобы сгладить негативный эффект, который оно оказывает на читателя. Приведем еще пример:

NATO may soon agree to shoulder more of the dangerous peacekeeping work in Iraq, Secretary of State Colin Powell said yesterday after meeting European leaders in Belgium.

После вчерашней встречи европейских лидеров в Бельгии госсекретарь США Колин Пауэлл заявил, что вскоре НАТО может согласиться взять на себя опасную миротворческую деятельность в Ираке. («The New York Times» статья «Powell asks NATO to share peacekeeping burden» 05.12.2003)

Действия США в Ираке описаны эвфемизмом ‘peacekeeping work’, вместо слов, имеющих отрицательную коннотацию, ‘intervention’ или ‘invasion’. Очевидно, что этот прием использован, чтобы создать положительный образ и оттенить отрицательную сторону настоящих действий, происходящих в Ираке. Для сохранения эффекта, нами был использован прием калькирования при передаче данных эвфемизмов на русский язык.

Рассмотрим пример перевода эвфемизма при помощи подбора эквивалента в языке перевода.

Это пиррова победа, которая открыла дорогу к власти в Ливии Аль-Каиде.

This is the Pyrrhic victory that allowed Al Qaeda to come to power in Libya. («Пражский телеграф» №42, интервью с Евгением Сатановским «Ближний Восток идёт к большой войне»)

Словосочетание «пиррова победа» представляет собой довольно любопытный фразеологизм, который в контексте данного предложения можно назвать эвфемизмом, ввиду выполняемой им функции. Само по себе оно подразумевает победу, доставшуюся настолько дорогой ценой, что её можно рассматривать как поражение. Таким образом, «пиррова победа» является эвфемизмом к слову «поражение» и передается на

английский язык при помощи эквивалента «the Pyrrhic victory». Еще пример:

It won't solve the problem of the drug companies' predatory marketing practices, or of thought leaders in psychiatry renting out their minds for the sake of fancy vacations and top-flight meals.

Это не решит проблему агрессивных маркетинговых ходов фармацевтических компаний, или деятелей мысли в психиатрии, сдающих в аренду свои умы ради экзотического отдыха и изысканнейших блюд. («The New York Times», статья «Tough Choices for Tough Children» 21:00; 20.10.12).

Выражение 'predatory marketing practices' является эвфемизмом к словосочетанию 'illegal actions'. Данное словосочетание характеризует негативные последствия в социально-экономической сфере и является языковым средством смягчения негативной действительности, даже несмотря на то, что слово 'predatory' само по себе не имеет положительной коннотации. Мы предлагаем передать его на русский язык словосочетанием «агрессивные маркетинговые ходы». Данный пример также иллюстрирует явление вуалирования, о котором было сказано в начале нашей статьи.

Итак, из приведенных нами примеров английских и русских эвфемизмов 90% мы перевели на русский язык при помощи калькирования, из чего можно сделать вывод, что это преобладающий способ передачи эвфемизмов, и 10% с применением смыслового расширения значения эвфемизма или подбора соответствия в ПЯ.

Готовых алгоритмов перевода эвфемизмов, разумеется, не существует. Но если переводчик заранее готов к возможным проблемам, если он осознает какой стилистический эффект должен оказывать переводимый текст на реципиента, и если у него есть необходимые фоновые знания и представление о той реальности, которой посвящен текст, то вероятность выполнения качественного и адекватного перевода достаточно велика [6. С.234].

Подводя итоги, мы можем заявить, что явление политической корректности в английском языке встречается гораздо чаще, чем в русском, что обусловлено большей категоричностью последнего, в то время как английский язык характеризуется большей сдержанностью в подаче содержательной информации и снижением эмоциональной оценочности высказывания. Тем не менее, мы считаем, что для сохранения прагматической функции, которую выполняет тот или иной эвфемизм в языке оригинала, необходимо передать его на язык перевода с сохранением всех оттенков высказывания при помощи «сладкой лжи»... или легкой недосказанности.

Библиографический список

1. А р и с т о т е л ь. *Политика. Сочинения*: В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1983.
2. А р н о л ь д И. В. *Лексикология современного английского языка*. 2-е изд., перераб. М.: ФЛИНТА, Наука, 2012.
3. *Словарь лингвистических терминов* / гл. ред. О.С. Ахманова. М.: «Советская энциклопедия», 1966.
4. Р е ф о р м а т с к и й А. А. *Введение в языковедение* / Под ред. В.А. Виноградова. М.: Аспект Пресс, 1996.
5. З а в а р з и н а Г. А. *Эвфемизмы как проявление политической корректности* // Русская речь. – 2006. – №2.
6. Н и к у л и н а Н. Ю. *Специфические особенности перевода англоязычных газетно-публицистических текстов*. М.: Молодой ученый, 2013. №1.

А.Ю. Ковалёва¹⁹

(Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород)

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ СТАТЕЙ О КОММУНИКАЦИИ ЖИВОТНЫХ

Основой для доклада послужила курсовая работа на тему «Специфика перевода научно-популярных статей на примере немецкоязычных текстов о коммуникации животных». На сегодняшний день у современного человека много преимуществ, и одним из главных преимуществ является Интернет, потому что в любое время мы можем найти информацию, которая нам необходима. На первом месте в Интернете стоят политика и экономика, многие пользователи хотят высказать свое мнение по поводу той или иной экономической проблемы, политической ситуации. Невозможно представить современный мир без новостей. А сегодня новости в Интернете – это геополитика, экономика, войны, конфликты.

Но иногда хочется взять в руки научно-популярный журнал и почитать о том, каких достижений добились ученые в той или иной области науки, какие открытия появились в области медицины и биологии, и наконец, как живут братья наши меньшие. Именно желание ознакомить русскоязычного получателя с открытиями, экспериментами ученых, а

¹⁹ Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент кафедры теории и практики немецкого языка и перевода И.С. Парина.

также с жизнью животных послужило мотивацией для выполнения перевода и исследования в рамках курсовой работы.

Материалом послужили научно-популярные статьи на немецком языке о коммуникации животных, которые были взяты из специального выпуска немецкого научно-популярного журнала GEOKompakt «Wie Tiere denken» («Как думают животные») [1]. Текст ориентирован на широкий круг читателей, и написан в простой и доступной форме. Тем не менее, в процессе его перевода возникли некоторые трудности.

1. Имена собственные

Для перевода были взяты статьи научно-популярного подстиля, в которых были описаны эксперименты и исследования ученых. Таким образом, перед нами возникла проблема перевода имен и фамилий исследователей. Перевод имен и фамилий таких известных ученых как: *Elizabeth Hawkins, Jack Kassewitz*, а также кличек обезьян: *Washoe* и *Kanzi* был осуществлен на основе параллельных текстов.

So konnte sich die 2007 verstorbene Washo ein einer Gebärdensprache ausdrücken, die auch von Gehörlosen verwendet wird.

Через очень короткое время Уошо не просто выучила слова, а стала задавать вопросы, комментировать свои и чужие действия, охотно вступала в двустороннее общение с людьми. – Уошо, умершая в 2007 году, могла изъясняться языком жестов, который используют глухонемые (перевод мой. – А.К.).

При переводе мы также столкнулись с именами малоизвестных исследователей: *Alexandra Rigos, Katharine Payne, Klaus Zuberbühler*, примеров употребления которых в параллельных текстах на русском языке найдено не было. В этом случае необходимо выполнить лексическую трансформацию. В.Н. Комиссаров выделяет два способа лексической трансформации: транскрипцию и транслитерацию. По его определению, транскрипция и транслитерация – это лексические способы перевода единицы ИЯ путем воссоздания ее формы с помощью букв ПЯ. При транскрипции воспроизводится звуковая форма иноязычного слова, а при транслитерации его графическая форма (буквенный состав) [2. С.173]. В.Н.Комиссаров утверждает, что ведущим способом в современной переводческой практике является транскрипция. Поэтому в этом случае мы использовали прием транскрипции.

Schließlich fand die US-Biologin Katharine Payne eher zu fällig heraus, dass Elefanten überwiegend im Infrarot-Bereich mit einander kommunizieren.

Наконец, американский биолог Кэтрин Пэйн практически случайно обнаружила, что, слоны общаются друг с другом с помощью инфразвука (перевод мой. – А.К.).

2. Географические названия

При переводе научно-популярных статей встретилось большое количество географических названий, таких как, например, *Florida, Basel, Afrika, Angola, Kenia*. В этом случае проблем с поиском эквивалентов не возникло, т.к. в русском языке уже есть устоявшаяся традиция передачи этих географических названий.

So soll sich eine Herde in Angola unter Bäume geflüchtet haben, als 80 Kilometer weiter Elefanten von einem Helikopter aus abgeschossen wurden.

Так, в Анголе стадо слонов укрылось под деревьями, когда на расстоянии 80 километров от них по другому стаду стреляли с вертолета (перевод мой – А.К.).

Но следует обратить внимание на такую лексическую единицу, как *Elfenbeinküste* и ее перевод на русский язык. В электронном словаре «Мультитран» для *Elfenbeinküste* предлагается соответствие *Берег Слоновой Кости* [3. <http://www.multitran.ru>]. Для современного русскоязычного человека такой перевод может быть непонятен, потому что это название страны употреблялось до 1986 года, в наши дни страна носит название *Ком-д'Ивуар*. Чтобы текст на ПЯ был доступным для адресата, мы выбрали современное название – *Ком-д'Ивуар*.

Bei einer in der Elfenbeinküste lebenden Affenart, den Campbell's Meerkatzen, heißt beispielsweise de Kronenadler „hok“, der „Leopard“ hingegen „kräk“ – allerdings nur, wenn der Rufer den jeweiligen Räuber selbst gesehen hat.

Мартышка Кемпбелла, вид приматов, обитающий в Ком-д'Ивуаре, издает, например, такие звуки: «хок», когда видит венценосного орла, «крэк», когда – видит леопарда, и подает она такие сигналы только тогда, когда лично видела хищника (перевод мой. – А.К.).

3. Виды животных

Поскольку тексты, которые были переведены, посвящены коммуникации животных, мы столкнулись с названиями видов животных, эквиваленты для которых удалось найти не сразу. Так, например, в статье встречается лексическая единица *Bonobo*, для перевода пришлось воспользоваться дополнительными источниками. Мы определили, что *бонобо* – это название карликового шимпанзе, представителей рода шимпанзе семейства гоминидов.

Das beweisen Primaten wie die Schimpansin Washoe oder das Bonobomännchen Kanzi, die in menschlicher Obhut aufgewachsen sind und komplexe Zeichensysteme erlernten.

Это доказывают шимпанзе Уошо или карликовый шимпанзе (бонобо) Канзи, которые под присмотром человека выучили сложную систему знаков (перевод мой. – А.К.).

Следует обратить внимание на такой вид животных, как *Großer Tümmler* - оказалось, что это не просто «большой дельфин», а вид дельфинов, который называется «афалина».

2007 entdeckte die australische Forscherin Elizabeth Hawkins, dass Große Tümmler (eine Delfin-Art) spezielle Pfiffe bei verschiedenen Aktivitäten ausstoßen.

В 2007 году австралийская исследовательница Элизабет Хокинс заметила, что афалины (вид дельфинов) издают специфические свисты во время разной деятельности (перевод мой. – А.К.).

В статье встретилось название *Kronenadler*. На основе параллельных текстов, мы выяснили, что эквивалентом для данного слова является *венценосный орел* – крупная птица семейства ястребиных.

Bei einer in der Elfenbeinküst lebenden Affenart, den Campbell's Meerkatzen, heißt beispielsweise der Kronenadler „hok“, der „Leopard“ hingegen „kräk“ – allerdings nur, wenn der Rufer den jeweiligen Räuber selbst gesehen hat.

Мартышка Кемпбелла, вид приматов, обитающая в Ком-д'Ивуаре, издает, например, такие звуки: "хок", когда видит венценосного орла, "крэк", когда – видит леопарда, и подает она такие сигналы только тогда, когда лично видела хищника (перевод мой. – А.К.).

4. Звуки животных (звукоподражание)

Еще одна из возникших трудностей перевода – передача звукоподражательных слов, так как в разных культурах принято разное обозначение звуков тех или иных животных. Например, в русском языке существует традиция передавать звук, издаваемый собакой, как «гав», а в немецком – «wau» («вау»), крик петуха в русском языке обозначают «кукареку», в немецком – «кикерики» [4. С.244].

Мы выяснили, что еще нет устоявшейся традиции перевода звукоподражательного обозначения криков мартышки, поэтому при переводе звуков «hok-uuh» мы обратились к дополнительным источникам, в результате использовали прием транскрипции и перевели как «хок-уу».

Und fügt die Meerkatze noch ein paar „hok-uuh“- Rufe hinzu, ist wieder etwas anderes gemeint: „Fremde Affensippe in der Nähe!“

И если мартышка добавляет при этом еще пару "хок-уу", это значит уже кое-что другое: «Чужаки рядом!» (перевод мой. – А.К.).

В немецком языке для характеристики звуков разных видов животных также используют глаголы, например, предложение: «*Säugetierkinder fiepsen, Vogelküken piepen, Krokodilbabys quieken, wenn sie sich etwa verlassen fühlen*» мы перевели «*Детеныши млекопитающих, птиц и пресмыкающихся пищат, когда чувствуют себя брошенными*». Мы решили, что в этом случае необходимо сделать лексико-семантическую трансформацию. Был использован прием генерализации, поскольку в русском языке достаточно глагола «пищать», чтобы охарактеризовать

звуки детенышей. В.Н. Комиссаров дает следующее определение: генерализация – это замена единицы ИЯ, имеющей более узкое значение, единицей ПЯ с более широким значением, т.е. преобразование, обратное конкретизации [2. С.176].

5. Метафоры

Поскольку статьи посвящены коммуникации животных, автор сравнивает способы общения животных со способом общения человека, в результате, в предложении мы получаем такую метафору: «*Wissenschaftler schätzen jedoch, dass Ameisen im Allgemeinen zwischen zehn und 20 **chemische Vokabeln** verwenden*», которую мы перевели как «Ученые все же предполагают, что муравьи применяют, в общем, от 10 до 20 **химических «слов»**».

Трудность также вызвало употребление в научно-популярной статье музыкального термина *Vibrato* (вибрато). Вибрато – это техника сочетания правильного дыхания и рационального использования голоса, считается признаком хорошего владения вокальной техникой. Данный термин в тексте ИЯ используется по отношению к шимпанзе: «*Noch ist offen, wie viele weitere Botschaften sich **im Vibrato** der Schimpansen verbergen*». Автор таким образом подчеркивает эмоциональность, темперамент животного. Если в ПЯ использовать термин «вибрато», то для среднестатистического русскоязычного человека он может быть непонятен, поэтому, чтобы сохранить функцию ИЯ и подчеркнуть особенности поведения обезьяны, мы перевели предложение так: «*Но еще неизвестно, много ли других посланий скрывается **в криках** шимпанзе*».

Перевод иностранных научно-популярных статей является достаточно перспективным направлением в переводческой практике, ведь наука в доступном и понятном изложении вызывает неописуемый интерес.

Библиографический список

1. GEO kompakt: Wie Tiere denken, 33/2012.
2. Комиссаров В. Н. *Теория перевода (лингвистические аспекты)*: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990.
3. Онлайн-словарь «Мультитран». <http://www.multitran.ru>
4. Влахов С.И., Флорин С.П. *Непереводимое в переводе*. М. Междунар. отношения, 1980.

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ТЕКСТОВ-РЕКОМЕНДАЦИЙ ПО ТЕМЕ «ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ»

Сегодня здоровый образ жизни является очень актуальной темой, которой посвящается множество текстов на всех наиболее распространенных языках. Во всем мире наблюдается ухудшение состояния здоровья населения. Главным фактором укрепления здоровья является ведение здорового образа жизни. Сегодня все больше людей начинают понимать, что заботиться о своем организме следует постоянно. Для этого многие организации, работающие в области здравоохранения, разрабатывают системы укрепления здоровья, направленные на изменение и оздоровление образа жизни человека.

Тексты спортивной тематики представляют интерес как для лингвистики, так и для переводоведения: во многих сферах, связанных со спортом и гармоничным развитием человека, происходит обмен опытом и технологиями, ведется совместная работа над проектами, поэтому все больший объем научно-популярных текстов данной тематики требует перевода.

Материалом работы послужили научно-популярные тексты, подобранные во время прохождения журналистской практики в июле 2015 года в немецкой газете WAZ (Westdeutsche Allgemeine Zeitung). Тексты взяты из брошюры компании АОК [1], посвященной спорту.

АОК (Allgemeine Ortskrankenkasse) - одна из крупнейших компаний медицинского страхования в Германии. На данный момент компания обслуживает около 24 миллионов человек, а это почти треть населения Германии. Доля АОК на рынке медицинского страхования составляет почти 35 %. Компания занимает активную позицию в сфере здравоохранения, ежегодно проводит акции в поддержку здорового образа жизни, а также в некоторых землях Германии издает брошюры на различные темы: Здоровье ребенка, Прививки, Лечение зубов, Спорт, Здоровое питание и другие.

Взятая нами брошюра нацелена на популяризацию спорта среди населения. Она даёт представление о различных видах спорта, работе организма при активных занятиях и базовые советы. Тексты ориентированы на широкий круг читателей, и написаны в доступной форме. Тем не менее, в процессе его перевода возникли некоторые трудности, на которых следует остановиться подробнее.

²⁰ Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент кафедры теории и практики немецкого языка и перевода Л.А. Аверкина.

1. Перевод медицинской терминологии

Отличие термина от обычного слова заключается, прежде всего, в его значении. Термины выражают понятия, научно обработанные и свойственные данной конкретной отрасли науки и техники [2. С.7]. В тех случаях, когда терминосистемы разных языков являются общими или гармонизированными, системный перевод терминов облегчается. Оптимальным способом перевода служит выявление в ЯП эквивалента термина ЯО [3. С.42,44].

При рассмотрении медицинской тематики можно однозначно сказать, что соответствующие терминосистемы в немецком и русском, а также во многих других языках уже устоялись, так как медицина на сегодняшний момент получила широкое распространение и развитие во всем мире. Поэтому в большинстве случаев при переводе терминологии достаточно использовать специализированный словарь и учитывать контекст употребления термина (в случаях многозначности терминов).

Рассмотрим пример, в котором нам встречаются два термина:

Legen Sie zum Dehnen der hinteren Oberschenkelmuskulatur ein Bein mit der Ferse auf einen Baumstamm (einen Stuhl, eine Bank) ab, ohne das Kniegelenk ganz durchzudrücken. – Для растяжения задней мышцы бедра поставьте пятку на лежащее дерево (стул, скамейку), при этом сильно не сгибайте коленный сустав.

В данных примерах при переводе терминов мы просто используем общепринятые эквиваленты, представленные в специализированном словаре [4. С.106, 165].

2. Перевод заимствованных терминов (англицизмы)

Однако не всегда термины имеют однозначный эквивалент. Следующая проблема при переводе терминологии – это большое количество заимствований, а именно англицизмов.

В настоящее время английский язык приобрел статус *lingua franca* – языка международного общения. Выдвижение английского языка на эту роль обусловлено исторически: расширение торговых и экономических связей, господство Соединенных Штатов Америки в мировой экономике и политике, развитие Международного туризма, разработка новейших информационных и компьютерных технологий, появление глобальной сети Интернет. Например, производное от сокращения *OK* – *о'кей* или фраза из фильма «Терминатор» *I'll be back* – известны всему миру.

Рассматривая тему заимствований в языке, все заимствования можно разделить на две группы: оправданные и неоправданные. Это актуально и для перевода. Переводчик решает, сохранять заимствование или заменить его словом более употребительным в языке перевода. Рассмотрим некоторые примеры из нашего текста – названия разделов: *Warm-up* - *Разминка*; *Cool-down* - *Приведение организма в нормальное состояние (после тренировки)*.

В этих случаях при переводе слов *warm-up*, *cool-down*, заимствованных из английского языка, мы опирались, прежде всего, на их значение – «готовиться, подготавливаться к чему-либо», «успокаивать», «заниматься спортом». Сохранение заимствований в данном переводе мы считаем неоправданным. Такие авторы, как Мария Есакова, Юлия Кольцова, Галина Литвинова в пособии для переводчиков «Русский язык и культура речи. Нормы современного русского литературного языка» дают определение неоправданным заимствованиям. «Неоправданным заимствованием является слово, которое вводится в язык из иностранного языка (и используется в нём) в качестве синонима для определения того или иного понятия, при том что русские слова, определяющие это понятие, уже имеются в наличии» [5. С.120].

И, действительно, для первого слова *warm-up* в русском языке наиболее распространенным понятием со сходным значением является – *разминка*, а для перевода *cool-down* следует прибегнуть к описательному переводу *приведение организма в нормальное состояние (после тренировки)* или *упражнения на расслабление мышц*.

Некоторые слова, как *Aquabike*, *Aquadisc*, *Aquastepp*, *Aquarobic*, *Stretching* уже закрепились в нашем языке – *аквабайк*, *аква-диск*, *аква-стен*, *аквааэробика*, *стретчинг*. Их можно считать оправданными заимствованиями, которые заполняют собой пустые ниши в языке, они обозначают те понятия, для которых слов в языке ещё не придумано. Их использование во-первых, удобнее, т.к. они короче, четче выражают смысл; во-вторых, англицизмы уже многим понятнее, чем длинный перевод на русский язык; в-третьих, эти слова уже прочно вошли в русскоязычную речь, особенно у молодежи, в СМИ. Однако ученые-лингвисты М. Есакова, Ю. Кольцова, Г. Литвинова [5. С.121] считают, что в русском языке, который по праву считается богатейшим языком, следует стремиться, чтобы после введения новых понятий, а с ними и слов, в язык вводились русские слова, обозначающие эти новые понятия.

3. Перевод экспрессивной и разговорной лексики

В своей работе мы также столкнулись с переводом экспрессивной и разговорной лексики, и перед нами встал вопрос: как переводить данную лексику. Приведем примеры проблем, возникших в процессе перевода экспрессивной и разговорной лексики, и рассмотрим принятые переводческие решения.

Das Rad ist als Fitnessmaschine ein optimaler Fettkiller. – Велосипед – это незаменимая вещь для похудения.

Оба слова в этом выражении содержат экспрессивную окраску. Но в данном случае мы заменили исходное экспрессивное значение нейтральным и более уместным в данном типе текста на русском языке.

So bringen Sie Ihren Kreislauf in Schwung und verbessern Ihre Muskelelastizität. – Этим Вы приведете в тонус свой организм и улучшите эластичность мышц.

Иногда словарное соответствие оригиналу звучит в русском языке несколько неуместно и не производит должного эффекта. В таком случае целесообразно опираться не на словарное соответствие слову оригинала, а на желаемый образ. Поэтому в данном контексте экспрессивную коллокацию *Kreislauf in Schwung bringen* мы перевели нейтральным словосочетанием «*привести в тонус организм*».

Переводя тексты спортивной тематики, встречаются определенные трудности, которые проявляются не только на лексическом уровне, но и на грамматическом. Чтобы предельно точно передать всевозможные реалии, термины и специальную лексику, а также справиться с трудностями, возникающими на синтаксическом уровне из-за различий в грамматическом строе языков, переводчику необходимо владеть различными переводческими приемами и переводческими трансформациями.

При продолжении работы над данной темой можно исследовать не только особенности перевода текстов-рекомендаций, но и текстов-тестов, которые с каждым днем становятся все более популярными для освещения данной темы.

Библиографический список

1. А О К (Allgemeine Ortskrankenkasse), брошюра *Bewegung* Электронный ресурс Интернет:
2. <http://www.aok.de/dam/baden-wuerttemberg/epapers/ibg030002-Bewegung/#/0>
3. Г р е д и н а И. В. *Перевод в научно-технической деятельности: учебное пособие*. Томск, 2010.
4. Л е й ч и к В. М., Ш е л о в С. Д. *Лингвистические проблемы терминологии и научно-технический перевод*. Часть 2. М., 1990.
5. *Wörterbuch der Medizin. Russisch-Deutsch / Deutsch-Russisch: Mit etwa 70 000 Fachbegriffen*. Esterum E.K. Neuauflage. Neuausgabe, Februar 2009.
6. Е с а к о в а М., К о л ь ц о в а Ю., Л и т в и н о в а Г. *Русский язык и культура речи. Нормы современного русского литературного языка*. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ВО ФРАНЦИИ И КАНАДЕ: БОРЬБА С АНГЛИЦИЗМАМИ

Под безопасностью понимают такое состояние сложной системы, когда действие внешних и внутренних факторов не приводит к ухудшению системы или к невозможности ее функционирования и развития. Безопасность – это состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества, организации и т.п. от потенциально и реально существующих угроз или отсутствия таких угроз. Существует множество типов безопасности: личностная, национальная, экономическая, социальная, политическая, экологическая, информационная, военная, международная и т.п.

Языковая безопасность – относительно новое понятие, не получившее пока подробного описания в научной литературе. По словам Е.С. Гриценко, наиболее часто понятие языковой безопасности обсуждается в контексте проблем национальной безопасности, информационной безопасности, языкового суверенитета и языковой политики [1].

В академических дискурсах язык – это либо объект для разного рода угроз, либо условие для достижения/поддержания безопасности. Другими словами, речь может идти как об обеспечении безопасности самого языка, так и о его роли в обеспечении других видов безопасности.

Язык считается системой знаков, которая обладает культурной ценностью. Язык является средством идентификации, поэтому человек считает язык символом своей общественной принадлежности. Весь мир делится таким образом на своих, объединенных языком и культурой людей и на чужих, не знающих языка и культуры. Как отмечает С.Г. Тер-Минасова, тот неоспоримый факт, что по различным социально-историческим причинам именно английский язык стал главным международным средством общения, которым пользуются миллионы людей, для которых этот язык неродной, не только принес англоязычному миру огромную политическую и экономическую пользу, но и лишил этот мир щита: сделал его культуру открытой, выставленной напоказ всему остальному человечеству. При национальной любви англичан к закрытости это представляется неким парадоксом. Их культура открылась всем людям через английский язык. В свою очередь, и культуры других стран стали более открытыми вследствие широкого использования в них английского языка [2]. Если язык символизирует общественную и

²¹ Научный руководитель – канд. пед. наук, доцент, зав. кафедрой теории и практики французского языка и перевода И.Р. Абдулмянова.

национальную принадлежность, потеря языка может считаться потерей общественной и национальной принадлежности. Так, во многих странах разрабатываются различные меры по поддержке национального языка, и Франция не является исключением. Французы так же, как и остальные, защищают свой язык, чтобы не потерять свою идентичность и сохранить свою культуру.

В 1994 году во Франции был принят закон об употреблении французского языка, так называемый, закона Тубона. В связи с этим во Франции начинает фигурировать понятие лингвистической безопасности. Однако, проблема сохранения и защиты французского языка и ранее волновала французов. Во Франции 1970-х–1980-х безудержная экспансия английского языка была воспринята обществом как угроза потери нацией родного языка. Принятый в 1975 году закон Ба-Лориоля, впервые в новейшей истории Франции обозначил сферы употребления французского языка, распространявшиеся не только на правоотношения в административной государственной деятельности, но и на правоотношения в обществе, в общественной жизни. Закон содержал ряд положений об обязательном употреблении французского языка во всей письменной и устной рекламе, в трудовых соглашениях, публикациях в печати объявлений с предложением работы, соглашениях, касающихся имущества и услуг, надписях и табличках в общественных местах, счетах и квитанциях, любой информации о радио- и телепрограммах. В соответствии с «Декретом 1972 года об обогащении французского языка», закон запрещал использование какого-либо иностранного термина или выражения при наличии его французского эквивалента. Кроме того, закон предусматривал предоставление субсидий государственным учреждениям и общественным организациям, которые обязывались соблюдать его положения, а за любое нарушение можно было лишиться этой субсидии [3].

Процесс утверждения закона об использовании французского языка 1975 года проходил затруднительно: в него вносились поправки, появлялись исключения. Несмотря на долгую историю языковой регуляции во Франции, в конституции этой страны не было записи о государственности французского языка вплоть до 1992 года. Статус французского языка вызывал неподдельное беспокойство французов.

В 1994 году закон Тубона был принят, и в соответствии с этим законом, французский язык «является языком образования, труда, торговли и публичных услуг. Он – привилегированное средство связи между государствами франкоязычного сообщества». Новый закон подробно урегулировал различные сферы общественной жизни, в частности сферу работы, трудоустройства и деятельности предприятий, четко регламентировал статус французского языка в образовании и в средствах массовой информации, а также ввел квоты для франкоязычных песен и исполнителей на радио и телевидении. К примеру, статья 12 поправок к закону Леотара (loi Leotard) гласит: «...соотношение

музыкальных произведений, создаваемых или исполняемых французскими и франкоязычными авторами и артистами, должно достичь как минимум 40% песен на французском языке, по меньшей мере, половина из которых — новые произведения или исполняемые новыми талантами. Эти произведения распространяются в самое лучшее для прослушивания время каждым радиовещателем, получившим разрешение на вещание от Высшего совета телевидения и радиовещания, в программах, посвященных эстрадной музыке» [4]. Его применение в бытность Ж. Ширака мэром Парижа привело к снятию с парижских улиц всех вывесок на английском языке; даже названия английских фирм переводились на французский.

Закон Тубона был призван обеспечить первенство использования терминов по отношению к англицизмам. Этот закон, позволяющий некоторые исключения, сложно исполнять. Он снова становится актуальным, когда в 2013 году встает вопрос о проведении университетских занятий на английском языке. Предполагается, что это сделает французские учебные заведения более привлекательными для студентов из большего количества стран. Но противники, вооруженные законом Тубона и их любовью к французской культуре, беспокоятся о нанесении ущерба франкофонии и риске уничтожения языка, вплоть до его возможного исчезновения.

В рамках этого постановления, Французская академия (l'Académie Française) возложила на себя важную задачу. Она участвует в работе специализированных комиссий, которые предлагают французские термины для обозначения разных понятий и новых реалий в различных областях. На законном основании она является членом Генеральной комиссии, рассматривающей предложения этих специализированных комиссий. Наконец, она одобряет публикацию терминов, сопровождающихся их дефинициями, в Официальном перечне терминов. Употребление французских эквивалентов, заменяющих иноязычные термины, становится обязательным в государственных учреждениях [5].

Теоретически ни один иноязычный термин не является незаменимым в языке. Однако, стоит отметить, что некоторые из них с давних пор составляют часть общеупотребительной лексики. К примеру, такими словами являются *football* и *week-end* [5].

Кроме того, существуют слова, употребление которых критикуется. Некоторые словари предлагают заменить их французскими синонимами. Возьмем слово «parking» (парковка). Французский комитет изучения технических терминов рекомендовал использовать «*parcs*» в качестве перевода слова parking. К тому же заимствованное из английского языка существительное «parking» принимает собственное значение во французском языке, тогда как на самом деле в британском варианте английского языка вместо «parking» говорят «*car park*», а в американском английском - «*parking lot*». То же самое происходит и со словом «camping» (место для кемпинга), вместо которого употребляют «*camp site*» в английском языке [6].

Пуристы выступают против слов на «-ing», так как они считаются иностранными по своей морфологической структуре и произношению. Существительные «campement» и «campisme», предложенные для замены слова «camping» в 1950-х годах, не смогли вытеснить англицизм [5].

Продолжают широко употреблять другие английские слова и синтагмы такие как «prime time» или «scoop», но им приходится бороться за выживание с французскими эквивалентами «heures de grande écoute» ou «exclusivité» [6].

Если «logiciel» легко вытеснил «software», то «parc/aire de stationnement» не заменил «parking» из-за долготы слова.

Но в других случаях количество букв и слогов не имело значения, как показывает пример редкого употребления слова «mercatique» вместо «marketing». Поэтому сложно определить причины успеха или поражения французских неологизмов, передающих значение английских терминов [5].

Франгле воспринимается французами как опасность языковой контаминации, обедняющая язык, риск потери общей ценности, национальной идентичности. Важность сохранения языка – идёт ли речь о защите, контроле, устройстве языка – предполагает желание защитить сферу культуры, экономики, производства: использование или отказ от официальных терминологических обозначений, регулярно публикуемых «Журналь офисьель» в течение более двадцати лет, стало знаком культурного и политического выбора [7].

Проблема сохранения французского языка коснулась и Канады. На первый взгляд, говорить о лингвистической безопасности Канады значит вызывать страх распространения английского языка и исчезновения французского языка, замены одного языка другим. Долгие годы языковое поведение жителей Канады было социально обусловлено: англоканадцы, которых было в стране большинство, считали французскую речь Канады ущербной, не имеющей ничего общего с речью жителей метрополии. Рост экономических и культурных контактов с США повлек за собой изменение французского языка в Канаде. Именно американский английский, а не британский, оказал влияние на язык. Борьба английского и французского языков за сферы влияния велась в течение всего времени сосуществования франкоканадцев и их англоязычных соотечественников. Она шла в различных формах. На ранних этапах это была борьба французского языка за выживание, проявлявшаяся в стремлении франкоканадцев сохранить свой язык в семье, богослужении, образовании [8].

Двадцатый век – время усиления борьбы за расширение использования французского языка в жизни общества и государства. Начиная с 20-х годов XX века в Квебеке на смену деятельности по защите французского языка приходит политика, которая ставит перед собой цель не только обеспечить французскому языку место рядом с английским, но и лишить английский язык привилегированных позиций в квебекском обществе, дать возможность квебекцам жить и работать в родной франкоязычной среде и принудить к двуязычию англоязычное население

провинции. В 1940-1960 годы начинается так называемая «охота за англицизмами» [8]. Канадцы стремятся сохранить французский язык и вытеснить закрепившиеся в речи английские слова и выражения. Чтобы противостоять внешней опасности, были созданы закон 63,22 и 101. Закон 101 получил название Хартия французского языка. Закон был предложен министром культурного развития Квебека Камилем Лореном, и окончательно одобрен указом премьера Рене Левека 26 августа 1977 года. Первая глава закона признает французский единственным официальным языком в следующих сферах жизни общества: законодательство, юриспруденция, администрация, работа, коммерция, образование и прочие. Все вывески, рекламные щиты, названия улиц и дорожные знаки должны быть на французском языке. Английским языком можно пользоваться по желанию, при условии, что размер английских букв не превышает 3/4 от размера французских. Рабочим языком в крупных и средних предприятиях Квебека должен быть французский язык. Дети франкоговорящих канадцев и иммигрантов-англофонов должны ходить во французские школы [9].

В небольшом эссе, где сравниваются лингвистические заимствования во Франции и в Квебеке, Шанталь Бушар (Chantal Bouchard) отмечает, что «постоянные упрёки, которые им делали, закончились отсутствием у квебекцев лингвистической безопасности», которое объяснялось «различными свойствами», такими как сверхчувствительность к англицизмам. Употребление англицизмов в квебекском французском носит зачастую противоречивый характер. В отличие от Франции, лексические англицизмы заменяются романскими по происхождению корнями (parking → stationnement), но часто встречаются грамматические и семантические кальки с английского. Например, глагол *magasiner* является калькой английского глагола *to shop*, также образованного от существительного. А. Мартине (A. Martinet) был несомненно прав, упрекая пуристов в преувеличении появления у носителя языка привычки заимствовать слова, которое «не дает ему в большинстве случаев иных способов, кроме заимствований, чтобы расширить свой словарный запас» (André Martinet, *Le français sans fard*, 1969: 30, cité dans Spence, 1991: 213). С тех пор как квебекское общество модернизировалось под действием различных процессов (индустриализация, урбанизация, информатизация, глобализация) и французский язык эволюционировал, в особенности под влиянием американской культуры и экономики, отношение к английскому языку изменилось. Сегодня заимствования принимают хорошо, особенно молодые люди и новое поколение. Но, в целом, принятие заимствований вызывает множество колебаний со стороны франкоговорящего населения Квебека [9].

«Использование английского языка франкоговорящими в сфере науки и бизнеса увеличивается во Франции, Бельгии и Швейцарии» (Rey, 2008; 121 Цит. по 8). Не только использование французского языка в Квебеке переживает этот упадок, но и использование французского языка

вообще. Эта ситуация, вызывающая всеобщее напряжение, показала необходимость ведения лингвистической политики для сохранения и обеспечения жизнеспособности французского языка. В Квебеке всегда считалось необходимым вмешательство для урегулирования употребления заимствований, особенно из английского языка. Тем не менее, всё время наблюдается противостояние между защитниками целостности французского языка, которые решительно отвергают заимствования из английского, и сторонниками невмешательства, которые поддерживают заимствования во имя свободы развития французского языка [8].

Пятьдесят лет назад в Квебеке появился Офис французского языка, получивший название Квебекского офиса французского языка. Одним из полномочий, возложенных на Офис Хартией французского языка является определение и ведение «политики по официальному признанию в языки терминологии, а также по использованию французского языка в качестве рабочего в государственных учреждениях и на предприятиях» [10].

Во Франции при появлении заимствований в языке сохраняется лингвистическая безопасность, так как носители языка полагаются на нормы французского языка, которые признаются другими франкоязычными общностями (Квебек, Бельгия, Швейцария, Африка). [8]

Феномен англицизмов во Франции – это, скорее, дань моде. Уже немалое количество лет этому во многом способствуют новые технологии во главе с информатикой. Технические термины, часто связанные с программированием, являются англоязычными и остаются таковыми по причине соответствия требованиям и функциональным стандартам. Но мало кто из нас является профессиональным программистом. Так, слово *logiciel*, является хорошим примером французской адаптации очень распространённого термина *software* [5]. Приведём небольшой список англоязычных терминов, связанных с информационными технологиями и интернетом. Часть из этих слов имеет французский эквивалент.

Le Web	la Toile
Laptop	ordinateur portable
Zoom	bourdonnement
Lag	ralentissement
Rebooter	réamorcer
Downloader (conjugable)	téléchargeur
Poster	publier
Plugin	module d'extension

Обратим внимание на сферу экономики и финансов. Ниже приведены даты появления французских терминов, заменяющих некоторые часто встречающиеся слова из сферы экономики и финансов. Они показывают, что это не недавние неологизмы, но слова, которые существуют во французском языке уже определённое количество лет [7]:

redevance (1973)	- royalty
comptant (1987)	- cash
marché de contrat à terme (1987)	- futures market

notation (1987) - rating
crédit permanent (1990) - revolving credit
banque à domicile (1991) - home banking

Некоторые сферы, например, шоу-бизнес и коммерция используют англицизмы и злоупотребляют ими. Возможно, это делается, чтобы привлечь новое поколение и создать целевую аудиторию. Несомненно, родители нынешней молодёжи будут сомневаться в просмотре программ *talk-show* [émission-débat], которые создают *le buzz* [bourdonnement/la vibration], особенно в *prime-time* [aux heures de grande écoute] [6].

News	actualités
Interview	entretien
Star	étoile, vedette
Thriller	film à suspense
Sitcom	comédie de situation

Стоит ли беспокоиться из-за появления всё большего количества англицизмов во французском языке? Во многих сферах, таких как информатика или экономика, часто более удобно пользоваться английскими терминами, и они становятся составной частью профессионального сленга. Часто англицизмы употребляют в речи молодые люди, так как это модно в их окружении. Использование англицизмов – это личный выбор каждого человека. Любители французского языка могут легко обойтись без англицизмов. Остальным стоит найти равновесие и наиболее часто использовать слова, подходящие по контексту. Для кого-то использование англицизмов – это способ показать себя современным и не отстающим от мировых тенденций [5].

«Английскому языку свойственна выразительная и образная краткость, если иногда она может нанести вред точности, это соответствует стремительному ритму жизни», считает академик Патрик Ванье (Patrick Vanier). Он отмечает, что сегодня в разговорном языке используют около 3000 английских слов, что составляет 2,5 % словарного запаса из 60 000 слов. Как подчёркивает Патрик Ванье (Patrick Vanier), одной из основных миссий Французской академии в деле сохранения французского языка, с которой она успешно справляется, является «слежение за тем, чтобы не были затронуты звуковая система, морфология и синтаксис» [6].

Однако вызывает опасение тот факт, что английский язык начинает проникать в более глубокие структуры французского языка, такие как синтаксис. Приведем пример изменения французского синтаксиса под влиянием кальки с английского: «C'est juste pas possible.» По правилам французского языка следует говорить: «Ce n'est tout simplement pas possible» [6].

Французская версия интернет-сайта, посвященного донорству BeADonor становится посредством буквального перевода *Soyez Un Donneur*. Правильный перевод был бы «*Devenez Donneur*».

По словам французского философа Мишеля Серреса (Michel Serres), уничтожение выступающей из воды части айсберга языка ведёт к уничтожению целого языка. Он также настаивает на лингвистическом мятеже, призывая отказываться от элементов английского языка. Серрес имеет в виду не использование английского языка в качестве международного, а лишь его чрезмерное проникновение в богатый сам по себе словарный состав [5].

Таким образом, реакция на англицизмы во французском языке повлекла за собой развитие институционных и частных инициатив, которые способствовали созданию неологизмов в 20 веке. Эти неологизмы прочно вошли в язык и тем самым создали новый пласт в лексике. Внимание к слову способствовало эволюции языка, который всегда динамичен и открыт терминологическим новшествам, включенным в лексическую традицию языка. Внимательный взгляд на лексическое устройство подтверждает жизнеспособность этих неологизмов во всех сферах жизнедеятельности.

В заключение, хочется отметить, что лингвистическая безопасность является неременным условием успешного развития страны, гарантом сохранения её самобытности. Язык – живой, непрерывно функционирующий и непрерывно изменяющийся организм. Он не только отражает культура народа, но и является её инструментом. В эпоху глобализации происходит активное взаимодействие культур, что проявляется и в проникновении элементов одного языка в другой. При этом важно беречь язык страны, чтобы не потерять свою идентичность и сохранить культуру.

Библиографический список

1. Г р и ц е н к о Е. С. *Язык и безопасность в контексте глобализации*. Власть, 2011. № 11. С. 9–11.
2. Т е р – М и н а с о в а С. Г. *Язык и межкультурная коммуникация*. М.: Слово, 2000.
3. А н а л б а е в а А., Р е з ч и к о в А. *Списки лингвистических уродцев* // Деловая газета «Взгляд», 24 января 2013.
4. *Loi n°86-1067 du 30 septembre 1986 DITE LEOTARD RELATIVE A LA LIBERTE DE LA COMMUNICATION* // Электронный ресурс Интернет:
http://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do;jsessionid=E19849C6B3FFA1C681DC608B3254C6FB.tpdjo17v_2?cidTexte=JORFTEXT000000512205&categorieLien=id
5. Н u g u e n i n F. *Les anglicismes: pas toujours cool...* - n°50 - La Newsletter VR2

6. C z i f f r a M. *Français et anglicismes: quand le français se met à parler anglais* // Электронный ресурс Интернет: <http://www.slate.fr/story/69533/francais-anglais-angliscismes-français>
7. Z a n o l a M. T. *Les anglicismes et le français du XXIe siècle: La fin du français?* // Synergies Italie n°4 pp. 93-94
8. L o u b i e r C. *De l'usage de l'emprunt linguistique*. Québec, 2011.
9. S a m s o n – L e g a u l t D., H e n r i c h o n M. *L'insécurité linguistique au Québec*, Québec, Recto Verso, mars-avril 2000
10. V é z i n a R. *La question de la norme linguistique*. Québec, 2009.
11. R e y A. *Le français. Une langue qui défie les siècles*, Paris, Gallimard, 2008

И.А. Матвеев²²

(Тверской государственный университет,
г. Тверь)

ПОСТЕР КАК ЗНАЧИМЫЙ ФАКТОР В ПЕРЕВОДЕ НАЗВАНИЙ КИНОФИЛЬМОВ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Перевод названий кинофильмов уже не раз становился не только объектом исследования для многих научных работ в сфере лингвистики и переводоведения, но и предметом многочисленных дискуссий в сообществе кинолюбителей. В последние годы всё больше исследователей указывают на неоспоримую роль маркетинговых стратегий в данном вопросе [1; 2]. В своём прошлогоднем исследовании я также пришёл к выводу, что, хотя переводческие решения и обусловлены целым рядом факторов, ключевым среди них является именно прагматический.

В процессе сбора и анализа исследовательского материала мною было обнаружено существенное воздействие содержания постера кинофильма на образ его названия, а также использование различных вспомогательных средств для манипуляции над семантикой и экспрессивностью этого названия. Кино само по себе является искусством прежде всего визуальным и постер в этом отношении является его визитной карточкой. Ведь именно постер это первое, с чем сталкивается потенциальный зритель, будь то реклама в интернете, на улице или в помещении самого кинотеатра. Стремительный рост визуальной информации в современной коммуникации и культуре уже давно заставил лингвистов обратить внимание на паралингвистические, т.е. невербальные, средства, сопровождающие письменную речь. По своей природе постер

²² Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент кафедры теории языка и перевода С.А. Колосов.

кинофильма является креолизованным текстом, который принадлежит к более широкой группе паралингвистически активных текстов. Основной целью построения паралингвистически активных текстов является воздействие на адресата. При этом паралингвистические средства приобретают особую значимость, так как участвуют в формировании как плана выражения, текста так и плана его содержания, являясь носителем определенной информации (семантической, экспрессивной) и привлекая внимание адресата [3].

Название кинофильма принадлежит к группе вербальных компонентов постера и подвергается различным изменениям за счёт использования параграфических средств, таких как шрифт, цвет, курсив, подчеркивание, зачёркивание и т.д. Такие возможности прокатные компании используют при переводе.

Американская комедия *Blended* / *Смешанные* (июнь 2014) рассказывает о том, как после катастрофического свидания «вслепую» родители-одиночки Лорен и Джим, не желая больше видеть друг друга, случайно оказываются в одних и тех же гостиничных апартаментах на южноафриканском курорте на целую неделю. Прокатная компания намеренно вычленила две буквы из дословного перевода названия данного кинофильма, добившись таким образом эффекта двойной актуализации, за счёт которого оно приобрело два значения (см. рис. 1). При этом значение *Смешные* актуализировано в большей степени.

Рис. 1. Американский и русский постеры фильма *Blended*

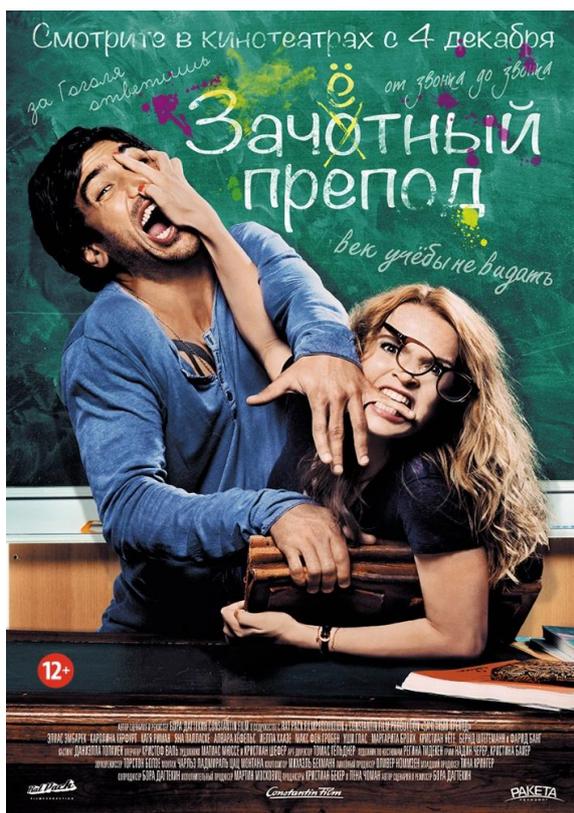

Рис. 2. Немецкий и русский постеры фильма *Fack ju Göhste*

Немецкая комедия *Fack ju Göhste* / *Зачётный препод* (декабрь 2014), ставшая самым успешным немецким фильмом 2013 года, в своём названии содержит намеренное неправильное написание фразы *Fuck you, Goethe*. Фильм рассказывает об отсидевшем грабителе, который попадает в школу в качестве учителя на замену. Естественно, передать при переводе все смыслы данного названия, сохранив при этом его форму, представляется невозможным, однако прокатная компания, воспользовавшись параграфическими средствами, компенсировала экспрессивность названия в плане его выражения (см. рис. 2). Дополнительные вербальные элементы (*за Гоголя ответишь; от звонка до звонка; век учёбы не видать*), которые не представлены на оригинальном постере, также восполняют отсутствие аллюзий в переводе.

К группе вербальных компонентов постера также принадлежит слоган фильма, который может взаимодействовать с названием таким образом, что воспринимается как его часть. В таких случаях название и слоган как бы сливаются и их сложно отделить друг от друга. Эта особенность также эксплуатируется в рекламных целях при переводе.

Примером служит оригинальный постер криминальной мелодрамы *Focus* / *Фокус* (февраль 2015) об опытном мошеннике, который влюбляется в девушку и понимает, что отношения мешают его нечестному бизнесу

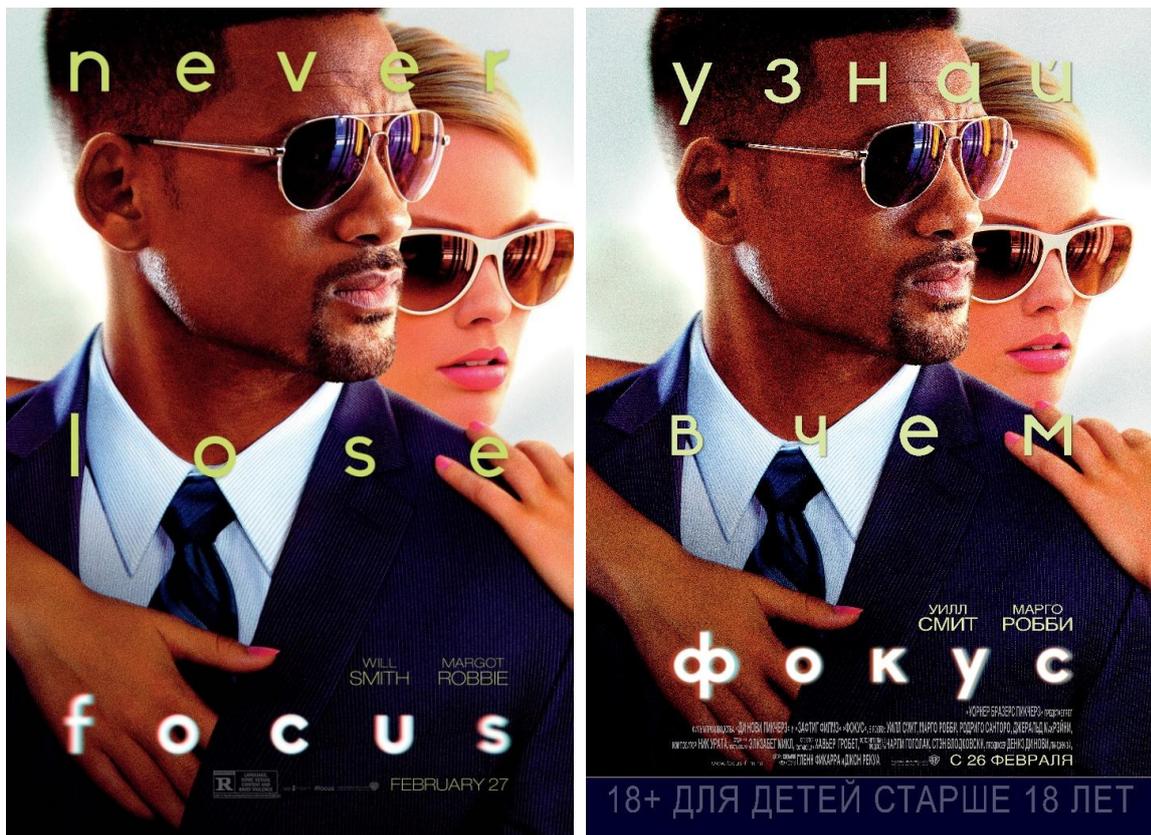

Рис. 3. Американский и русский постеры фильма *Focus*

(см. рис. 3). Слоган кинофильма перетекает в название, образуя при этом повелительное предложение *Never lose focus*. Данная особенность была сохранена на русском постере, но при этом слово *focus*, в оригинале имеющее такие значения, как ‘внимание’, ‘концентрация’, в переводе превратилось в русское слово *фокус* в значении ‘ловкий приём’, ‘трюк’. В результате коренным образом изменилась семантика не только названия, но и слогана, а аттрактивная функция усилилась как у названия, так и у постера в целом.

Другим примером является название американского фильма ужасов *It Follows / Оно* (июнь 2015), часть которого при переводе превратилась в слоган *следует за тобой*. На русском постере данный слоган не только расположен непосредственно под названием и имеет почти идентичное графическое оформление, но и грамматически согласован с названием (см. рис. 4). В результате такого переводческого решения грань между названием и слоганом на постере практически стирается. В то же время в подобном случае можно говорить о компенсации содержательной недостаточности перевода названия за счёт слогана.

Итак, название кинофильма является лишь одним из вербальных компонентов постера, которые в той или иной степени взаимодействуют друг с другом, а также подвергаются различным изменениям на семантическом, коннотативном и экспрессивном уровнях в результате

Рис. 4. Американский и русский постеры фильма *It Follows*

применения параграфических средств. Приведённые примеры показывают, как прокатные компании используют все имеющиеся возможности при переводе названий кинофильмов, поэтому принимая во внимание превалирующую роль рекламы, нацеленной на зрительное восприятие, и визуальной культуры в целом, возникает необходимость всестороннего изучения проблемы перевода названий кинофильмов в более широком контексте локализации постеров.

Библиографический список

1. L e o n a r d i, V. *Translating film titles: Linguistic skills, cultural awareness or marketing strategies?* // Язык, коммуникация и социальная среда. – 2011. – № 9.
2. Б о ч а р н и к о в а Н. В. *Дезориентирующий перевод названий кинотекстов как явление коммерческой адаптации* // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 25.
3. А н и с и м о в а Е. Е. *Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов)*. М.: Академия, 2003.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕТОДОВ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОРПУСОВ В ПЕРЕВОДЕ ТЕКСТОВ СМИ

В связи с огромной ролью информации в современном обществе мы решили рассмотреть тексты СМИ в нашем исследовании. Сначала, проанализировав особенности публицистических текстов, мы составили методику анализа текстов СМИ. Во-первых, необходимо определить жанр публицистического текста. Каждый жанр обладает своими особенностями, начиная с основной цели, которую преследует автор, и заканчивая объемом текста. Во-вторых, необходимо определить основные функции данного текста СМИ. У каждого жанра есть определенные функции, но они редко бывают нейтральными (часто присутствует воздействие на аудиторию). В-третьих, следует выявить в тексте общие характерные особенности языка СМИ, которые зачастую затрудняют процесс перевода. «Клишированные фразы, штампы, стандартные термины и названия; выражение отношения к информации, интонация и оценочные эпитеты; реалии общественной, культурной и политической жизни; использование различных видов лексики (разговорной, сниженной); использование образной фразеологии и идиоматической лексики; использование других фигур речи; заголовки» [1] – все это следует переводить как можно удачнее (если заказчиком перевода не сформулировано другое переводческое задание), потому что это может изменить оригинальную функцию текста, что является серьезной ошибкой при переводе. В начале исследования мы планировали добавить к плану анализа отдельный четвертый пункт, посвященный проверке результатов с помощью лингвистических корпусов. Однако мы выяснили, что корпусные технологии могут быть использованы на каждом этапе анализа текста. На первом этапе, а именно при определении жанра текста СМИ, с помощью параллельного или сравнительного корпуса можно найти параллельные тексты такого же жанра. Это может помочь в определении особенностей конкретного жанра для сохранения их в переводе, а также для определения основных функций этого текста. Кроме этого, с помощью корпусов можно проверить прагматический потенциал, употребимость и обоснованность экспликации почти всех категорий (реалии, аллюзии, клише, устойчивые фразы), к которым мы обращаемся на третьем этапе нашего анализа. Для проверки данных особенностей можно воспользоваться различными словарями и справочниками, но корпусные технологии позволяют в

²³ Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент кафедры теории и практики перевода Т.А. Волкова.

определенной степени понять причины и способы употребления различных слов и фраз, что облегчает понимание причины использования автором конкретной особенности языка СМИ в предложенном контексте.

В нашей работе мы рассмотрели параллельный корпус (parallel corpus) [2], сравнительный корпус (comparable corpus) [3. С.1] и справочный корпус (reference corpus) [4. С.15] английского, русского и испанского языков. В нашей работе мы рассмотрим двуязычные и многоязычные параллельные корпуса, в которых представлены оригинальные тексты и их переводы на другие языки. Заметим, что в настоящее время интерес к параллельному корпусу возрастает, так как появляется возможность сравнить оригинал и перевод и обосновать свои переводческие решения [2]. Сравнительный корпус – это собрание текстов одного типа, но на разных языках. Примеров таких корпусов в современной корпусной лингвистике немного, и они, в основном, содержат различные тексты СМИ [3. С. 13]. Справочный корпус традиционно «используется для получения полных знаний о языке на определенном этапе его существования» [4. С.1].

Примеры из полученных работ мы решили проверить, используя Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [5] и англоязычные корпуса: Британский национальный корпус (BNC) [6] и корпус английского языка “GloWbE” [7]. Из испаноязычных корпусов мы рассмотрели два: Национальный корпус испанского языка (“Corpus del Español”) [8] и Корпус нового испанского исторического словаря (“Corpus del Nuevo Diccionario Histórico del Español” (CNDHE)) [9].

Необходимость апробации составленного плана анализа подтолкнула нас к проведению поэтапного эксперимента.

Первый этап эксперимента показал необходимость использования корпусных технологий при переводе/редактировании текстов СМИ. Мы предложили студентам лингвистических специальностей перевести тексты с английского на русский язык с использованием корпусных технологий по их желанию и заполнить анкету после выполнения перевода. Одной группе студентов мы предложили выполнить перевод и/или редактирование с использованием корпусных технологий, а другой группе – без. Участникам, решившим использовать корпуса при переводе, было предоставлено подготовленное нами самостоятельно методическое пособие по оптимальному на наш взгляд использованию корпусных технологий при переводе. Пособие состояло из презентации, описывающей основные корпусные методики и примеры их использования, пошаговой инструкции (с указанием алгоритма проверки собственных вариантов перевода в отношении различных особенностей языка СМИ с помощью корпусных технологий). В материалах мы привели ссылки на необходимые корпуса, указали их возможное применение. Вторая группа участников эксперимента выполнила перевод и/или редактирование без использования корпусных технологий. Участники, выполнявшие редактирование текста, знали, что на сайте «ИноСМИ» представлен перевод предложенного для

эксперимента новостного текста, им было сообщено, что при переводе встречаются неудачные переводческие решения передачи особенностей публицистического языка. Время выполнения перевода не было ограничено, для студентов были предложены общие сроки сдачи перевода. Данные условия были выбраны для того, чтобы студенты подробнее изучили способы использования корпусных технологий, рассмотрели особенности текстов СМИ, обратили больше внимания на такие особенности публицистических текстов, как реалии, топонимы, антропонимы и т.д. После перевода и/или редактирования текстов мы попросили участников эксперимента заполнить анкету.

По результатам анкетирования мы выявили, что 100% участников эксперимента не старше тридцати лет, что может быть свидетельством большей компьютерной образованности. 100% участников эксперимента имеют высшее или неоконченное высшее образование, связанное с лингвистикой и переводом. Также мы попросили участников эксперимента рассказать, что вызвало затруднения при переводе/редактировании текстов. 7% испытуемых сочли сложным определение жанра текста, для 14% было сложно определить функции предложенного текста. Для 26% участников трудной стала передача/редактирование аллюзий, для 18% – передача/редактирование клише, для 29% – передача/редактирование элементов разговорной лексики и для 15% – передача/редактирование реалий общественно-политической жизни. В анкете мы попросили участников эксперимента указать, как они преодолевали возникшие трудности: отметили поиск вариантов перевода в параллельных текстах, добавление различных пояснений (например, переводческий комментарий), переводческие трансформации и приемы (например, прием замены и опущения). Большинство указало использование корпусов английского и русского языков для решения задач. 60% участников эксперимента заявили, что они использовали корпусные технологии при переводе, 20% корпусы «не помогли», из этого следует, что 40% участникам эксперимента корпусные технологии «помогли» в преодолении переводческих трудностей. Кроме этого, мы попросили участников эксперимента, использовавших корпусные технологии, отметить, на каком этапе перевода/редактирования они обращались к корпусам чаще всего. В итоге наиболее полезными корпусные технологии оказались участникам при передаче/редактировании клише (39%). Участники оценили и инструкцию по использованию корпусных технологий, представленную в исходных данных эксперимента. 50% участвующих сочли нашу инструкцию полной, а остальные 50% предоставили нам здоровую критику, их предложениями мы воспользовались при проведении следующего эксперимента.

Мы также решили проверить гипотезу о том, что если переводчик имеет представление о корпусных технологиях (с участниками следующего эксперимента был проведен устный инструктаж по использованию корпусных технологий), то качество перевода возрастает, а

время сократится. На втором этапе мы предложили участникам перевести текст с английского языка на русский в строгих временных рамках (120 минут), на третьем этапе эксперимента мы попросили участников в строгих временных рамках (120 минут) перевести текст с испанского языка на русский, тем самым проверить другую комбинацию языков.

По результатам анкетирования участников второго и третьего этапов эксперимента мы можем сделать несколько выводов. Во-первых, участники второго этапа эксперимента отметили следующие трудности при переводе. Больше всего сложностей вызвала передача аллюзий (27%) и передача элементов разговорной лексики (19%). Это объясняется жанром предложенного текста (интернет-статья с элементами рецензии), данный жанр изобилует аллюзиями, элементами разговорной и эмоционально окрашенной лексики. Участники третьего этапа эксперимента (студенты, изучающие испанский как второй иностранный язык) указали, что испытывали наибольшие затруднения при передаче клише и элементов разговорной лексики (29%). Мы видим, что определение жанра и функций текста не вызвало у участников затруднений, они обратили свое внимание на различные особенности публицистического языка и их передачу – это подтверждает важность данного этапа плана переводческого анализа по сравнению с другими. В анкете мы попросили указать, использовали ли участники корпусы при переводе. Как на втором, так и на третьем этапе большинство использовало корпусы при переводе (81% и 75% соответственно). На наш взгляд, такой высокий результат был достигнут благодаря проведению устного инструктажа с участниками эксперимента – это значительно повысило как процент участников, использовавших корпусы, так оптимизировало их использование. Участники отметили и разные области, где корпусы оказались им полезнее всего: при передаче элементов разговорной лексики (25%), клише (21%) и аллюзий (21%).

После проведения первых трех этапов эксперимента мы решили продолжить исследование и выдвинуть следующую гипотезу о возможности использования поисковой системы “Google” и других различных сервисов компании (например, «Google Новости» или «Академия Google») в качестве корпуса текстов.

Данный этап эксперимента было решено проводить дистанционно, чтобы дать участникам возможность более детально ознакомиться со всеми предоставленными материалами. Мы предложили участникам выполнить перевод отрывка из интернет-статьи с элементами рецензии. В информационном письме и в анкете, предоставленной участникам, мы попросили их изучить инструкцию по поиску информации от корпорации “Google”. Мы исходили из того, что данная инструкция, во-первых, улучшит результаты поиска и сделать это профессиональным; во-вторых, ознакомит участников с различными символами, упрощающими поиск в системе “Google”; в-третьих, сделает использование “Google” больше похожим на поиск вхождений в корпусе текстов, каким оно и является. Символы, которые чаще всего используются при поиске как в корпусах

текстов, так и во многих поисковых системах, называются операторами – это кавычки («»), плюс (+), минус (-) и звездочка (*).

Определение жанра и функций предложенного для перевода текста не вызвало у участников затруднений – все правильно определили жанр (интернет-статья с элементами рецензии) и функции текста, сохранив это при переводе. В процессе выполнения задания мы просили участников отвечать на вопросы, описывая использование поисковой системы “Google” при переводе текста. Большинство участников – 89% – использовало поисковую систему “Google” при переводе предложенного текста, при этом 81% участников ознакомились с инструкцией по поиску в “Google” и изучили различные операторы поиска (общие для “Google” и корпусов текстов) [10]. 66% участников анализировали количество результатов, получаемых при поиске в “Google” вариантов перевода, а именно, употребимость выражения по количеству вхождений. 88% участников эксперимента анализировали и контекст употребления вхождения при просмотре списка ссылок, а сам документ, в котором вхождение употреблено, анализировали 50% участников эксперимента. Следовательно, большинство участников использовали поисковую систему “Google” в качестве самого большого корпуса текстов, не отдавая себе в этом отчет. Система “Google” хороша тем, что имеет упрощенные операторы поиска, а сам интерфейс привычен пользователю, в отличие от большинства корпусов текстов. Кроме этого, мы попросили участников указать, обращались ли они к таким сервисам “Google”, как «Академия Google» или «Google Новости», которые могут считаться корпусами текстов. 20% участников эксперимента обратились к сервису «Книги Google», а 12% – к «Академия Google» – что в очередной раз доказывает применимость корпусных технологий при переводе текстов СМИ.

После проведения всех этапов эксперимента и анализа полученных данных мы сравнили результаты. Мы сочли возможным сравнивать первый и второй этапы эксперимента, так как этапы имели общие черты: комбинация языков (английский-русский) и жанр предоставленного для перевода текста (интернет-статья). По итогам проведения сравнительного анализа мы можем сделать несколько выводов. Во-первых, жанр текста не вызвал затруднения у участников, сохранение жанра текста трудностью сочли 7% участников первого этапа и 8% участников второго. Во-вторых, корпусы помогли уложиться во время тем участникам, кто умел ими пользоваться. В-третьих, устный инструктаж оказался более доступным, больше участников использовали корпусы при переводе (60% участников использовали корпусные технологии на первом этапе эксперимента и 81% - на втором). Возможно, причина в том, что у участников эксперимента была возможность задавать вопросы автору исследования по использованию корпусных технологий.

Мы сравнили также первый и четвертый этапы эксперимента. Определение и сохранение жанра (интернет-статья) не вызвало затруднений у участников обоих экспериментов, время перевода не было

ограничено, были поставлены лишь общие сроки сдачи работ. Главное отличие экспериментов заключалось в том, что участникам первого этапа нужно было использовать специализированные корпуса (НКРЯ, BNC, GloWbE), а на четвертом этапе мы попросили участников использовать “Google” в качестве корпуса текстов. В итоге большинство участников использовали “Google” в качестве корпуса текстов (60% участников использовали корпуса на первом этапе – 88% использовали “Google” как корпус на четвертом этапе). Операторы поиска проще в использовании, хоть и ограничены в лингвистических функциях, что делает их незаменимым механизмом для работы письменного переводчика.

Мы сравнили и этапы с разными комбинациями языков: английский-русский (второй этап) и испанский-русский (третий этап). Время выполнения переводов на каждом этапе было ограничено аудиторным занятием (120 минут). Сохранение жанра текста не составило труда для переводчиков, однако передача особенностей языка СМИ вызвала больше затруднений при переводе с испанского языка на русский. Возможно, это стало причиной того, что при переводе с испанского языка на русский участники чаще обращались к корпусам, тем самым компенсируя недостающие знания. Это положение заслуживает более детального изучения и составляет перспективу дальнейшего исследования.

В целом, основными трудностями, с которыми столкнулись участники эксперимента на разных этапах, стали передача разговорной лексики (первый этап - 29%, второй - 19%, третий - 15%) и передача аллюзий (первый этап - 26%, второй - 27%, третий - 13%).

В перспективе исследования входят дальнейшее совершенствование разработанной методики переводческого анализа, проведение еще одного этапа эксперимента по переводу/редактированию текстов СМИ в языковой комбинации испанский – русский для последующего сравнения результатов с уже проведенным экспериментом в комбинации языков английский – русский и использование полученных данных в учебных целях.

Библиографический список

1. М и к о я н А. С. *Проблема перевода текстов СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования* / Под. ред. М.Н.Володиной. М., 2003. Электронный ресурс Интернет: <http://evartist.narod.ru/text12/12.htm>
2. *EAGLES Guidelines* // Электронный ресурс Интернет: <http://www.ilc.cnr.it/EAGLES96/browse.html>
3. B r a n d ã o A. M. *Parallel corpora word alignment and applications*. Universidade de Minho, Braga, 2004.
4. L e e s h G. *The Importance of Reference Corpora*. Lancaster University, 2002.

5. *Национальный корпус русского языка* // Электронный ресурс Интернет: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html>
6. *British National Corpus* // Электронный ресурс Интернет: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>
7. *CORPUS OF GLOBAL WEB-BASED ENGLISH (GloWbE)* // Электронный ресурс Интернет: <http://corpus2.byu.edu/glowbe/>
8. *Corpus del Español* // Электронный ресурс Интернет: <http://www.corpusdelespanol.org/>
9. *Corpus del Nuevo Diccionario Histórico del Español* // Электронный ресурс Интернет: <http://web.frl.es/CNDHE/view/log.view>
10. *Справочный центр Google* // Электронный ресурс Интернет: <http://www.google.ru/intl/ru/help/basics.html>

Т.А. Мурзина²⁴

(Челябинский государственный университет,
г. Челябинск)

ПОНЯТИЕ ПЕРЕВОДА-РЕДАКТИРОВАНИЯ (TRANSEDITING) И ЕГО ОСНОВНЫЕ ПРИЁМЫ

На сегодняшний день наблюдается увеличение масштабов переводческой деятельности; вследствие этого возникают новые виды перевода, которые ещё в XX веке не подошли бы под это определение, но ныне в полной мере его оправдывают. Перевод-редактирование как самостоятельный вид перевода появился относительно недавно, и, несмотря на тот факт, что данное понятие достаточно широко используется в теоретической зарубежной литературе в настоящее время, указанный вид перевода является малоизученным в российском переводоведении. Русскоязычный вариант термина был использован в работе Д.А. Мироновой [1. С.21].

Термин *transediting* был введён в 1989 году К. Stetting, которая обозначила «неизвестную область между редактированием и переводом» (здесь и далее перевод выполнен автором исследования). К. Stetting, а также Е. Bielsa и S. Bassnett характеризуют перевод-редактирование как «комбинацию редактирования и перевода, которая широко распространена в журналистском переводе и в большей степени отвечает запросам реципиентов» [2. С.63]. Данный вид перевода затрагивает в основном такую сферу, как журналистика; перевод-редактирование может употребляться как в «переводе важных актуальных (политических, экономических, военных, криминальных) новостей, так и сведений,

²⁴ Научный руководитель — канд. филол. наук, доцент кафедры теории и практики перевода Д.А. Миронова.

направленных на развлечение читателей (об искусстве, увеселительных мероприятиях и стиле жизни)» [3. С.5].

В сфере СМИ упомянутый вид перевода применяется вследствие того, что информационные агентства, пользующиеся переводами зарубежным новостям, стремятся к оригинальности публикуемых текстов и отличию их от текстов других источников. В связи с этим оригинальный текст подвергается изменениям: меняется его размер, вносятся определенные правки. Данные правки могут включать фоновую информацию, известную реципиентам оригинала, но не известную аудитории, на которую ориентирован перевод, или способствовать уникальности данной статьи, освещая события в ней с разных точек зрения.

В процессе исследования перевода-редактирования нами было выявлено, что он может быть классифицирован как вид вольного перевода, который «может быть признан адекватным, если он отвечает другим нормативным требованиям перевода» [4. С.235] и в котором «можно сокращать подлинник, опуская второстепенные подробности и интерпретируя трудные для понимания места» [5. С.9]. Ниже представлена авторская схема, которая демонстрирует место перевода-редактирования в среди других видов перевода. На ней можно видеть, что существует определённое различие между переводом и адаптивным транскодированием, выделяемым В.Н. Комиссаровым в отдельную группу в его работах. По мнению В.Н. Комиссарова, адаптивное транскодирование — это «вид языкового посредничества, при котором происходит не только транскодирование (перенос) информации с одного языка на другой (что имеет место и при переводе), но и ее преобразование (адаптация) с целью изложить ее в иной форме, определяемой не организацией этой информации в оригинале, а особой задачей межъ-языковой коммуникации» [4. С.48].

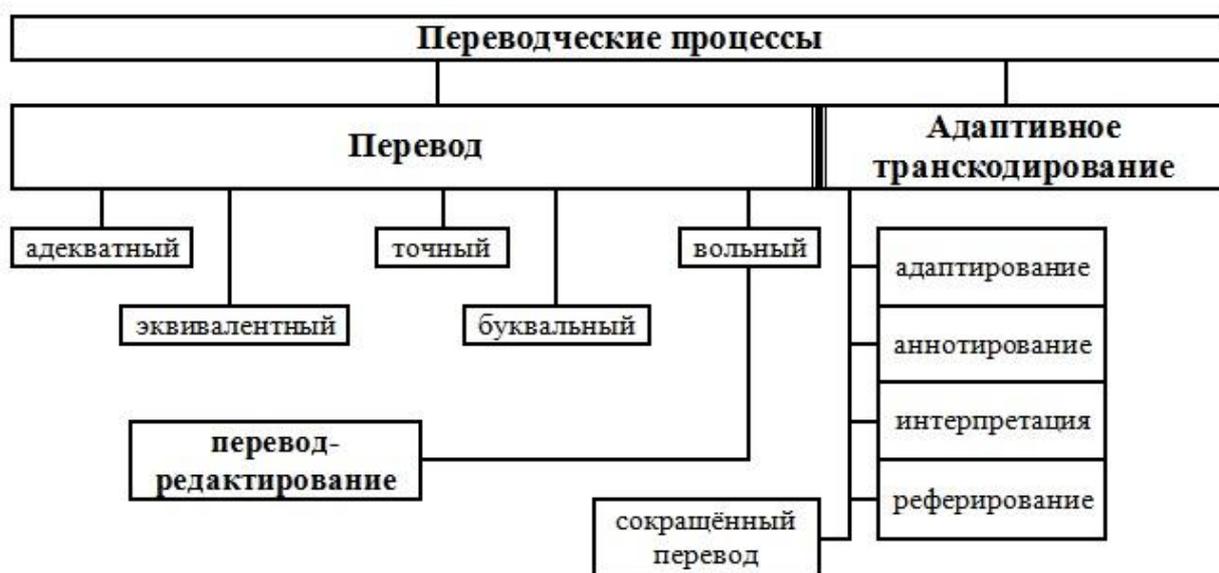
Однако не все переводоведы придерживаются данной точки зрения: такие учёные, как В.Н. Комиссаров, В.В. Алимов [6] и другие проводят разделение на виды языкового посредничества (например, реферирование, аннотацию и др.) и собственно перевод (который понимается ими как «вид языкового посредничества, который всецело ориентирован на иноязычный оригинал» [4. С.43]. Другие (в число которых входят Д. Селескович и М.Ледерер [7], К. Райс и Х. Вермеер [7], L. Raw [8], D. Robinson [9] и другие), этого не делают по причине того, что придерживаются более широкого понятия перевода. Например, К. Райс и Х. Вермеер определяют перевод как «целенаправленную деятельность», подчиняющуюся scopу, или цели перевода. Перевод всегда осуществляется в зависимости от определенной задачи, которая была поставлена. «Цели перевода могут быть самыми различными, и соответствующие им тексты перевода будут принципиально отличаться друг от друга».

Адаптивное транскодирование включает в себя такие виды, как адаптирование, аннотирование, интерпретацию, реферирование и

сокращённый перевод (который вынесен на рисунке особым образом, так как причисляется к видам перевода такими авторами, как, например, L. Raw [8], D. Robinson [9] и др.). В переводе можно выделить адекватный, эквивалентный, точный, буквальный и вольный виды (на основании трудов Л.С. Бархударова [10], Н.К. Гарбовского [11], В.Н. Комиссарова [4], Р.К. Миньяра-Белоручева [12], А.Д. Швейцера [13] и др.). Также на схеме отмечено наше предположение о том, что перевод-редактирование является подвидом вольного перевода.

Что касается роли переводчика-редактора, справедливо утверждать, что он оказывает большее влияние на текст перевода, поскольку в данном виде перевода подразумевается явное вмешательство с его стороны: «Если переводчик решает взять на себя роль создателя текста, чтобы удостовериться в том, что содержание оригинала передано в новой и

Рисунок. Место перевода-редактирования среди других видов переводческого процесса

улучшенной форме на ПЯ²⁵, то переводчик становится переводчиком-редактором» [цит. по: 2. С.65]. Однако при этом необходимо отметить, что перевод-редактирование затрагивает морально-этический аспект: имеет ли переводчик-редактор право на вмешательство в текст, на изменение его структуры и содержания, при этом сохраняя имя автора в заглавии? Разрешено ли переводчику-редактору «действовать под чужим именем», от авторского лица?

²⁵ ПЯ – переводящий язык, язык перевода.

Автор Y.-M. Chen в своей работе указывает, что «ряд контекстуальных факторов может ... руководить текстовой манипуляцией и оправдывать её в переводе-редактировании новостей» [14. С.205]. При этом в данный список она включает социокультурный контекст, целевую информационную организацию и широкую социальную среду. Следовательно, существуют некоторые факторы, которые дают переводчику право видоизменять авторский текст.

Необходимо также отметить суть СМИ в целом: наделенные правом выбирать события, достойные освещения, они формируют «повестку дня», выбирая наиболее значимые для общества темы. По мнению И.М. Дзялошинского, существует тенденция, свидетельствующая «о возрастании возможностей средств массовой информации влиять на общество» [15]. Такое влияние СМИ создает угрозу манипулирования общественным мнением и, более того, делает переводчика инструментом информационной войны. Следует признать, что переводчик-редактор может выступить средством влияния невольно (например, в случае стилистической адаптации текста), или же осознанно, по собственной воле, или следуя установке информационного агентства, которое также стремится добиться определённых целей, главная из которых – формирование читательской позиции по тем или иным вопросам. На самом деле, на вопрос о том, является ли манипулятором переводчик-редактор, не существует чёткого ответа.

Как уже упоминалось, главная цель перевода-редактирования заключается в том, чтобы «сохранить вовлечённость коммуникантов, характерную для реципиентов ИЯ²⁶, но при этом подходящим образом скорректировать новости для целевой аудитории переводящего языка» [16. С.2]. Следовательно, переводя новостные сообщения, необходимо переписать их таким образом, чтобы их текст подходил новым обстоятельствам и соответствовал правилам и приёмам той среды, в которой они находятся. Чтобы сделать это и успешно донести сведения до представителя другой культуры, переводчику необходимо применить к исходному тексту различные приёмы перевода-редактирования.

Приёмы перевода-редактирования, характерные для российских СМИ, были выделены на основе материалов сайта Inopressa, специализирующегося на публикации переводов статей иностранной прессы о событиях в России и в мире. В процессе анализа публикаций различных ресурсов на предмет использования приёмов перевода-редактирования было выявлено, что тексты статей сайта Inopressa различаются в объёмах с исходными материалами иностранных ресурсов. Дальнейшее исследование оригиналов статей на английском и немецком языках продемонстрировало, что тексты данного интернет-ресурса действительно являются результатом перевода-редактирования

²⁶ ИЯ – исходный язык.

зарубежных статей. Из 17 приёмов перевода-редактирования, выделенных зарубежными исследователями О. Aktan и А.-М. Nohl [17], материалом которой стали переводы статей с английского языка на турецкий, в проанализированных нами текстах переводов на русский язык были обнаружены лишь три: опущения из-за отсутствия значимости для реципиента; опущения, основанные на культурных различиях; замещение выводов для формирования мнения реципиентов.

Поскольку авторы классификации утверждают, что она не является всецело полной и «может быть расширена» [17], а также на основании того, что в неё не включены некоторые приёмы, широко используемые в частности в российских СМИ, нами были выделены следующие приёмы перевода-редактирования, отсутствующие в упомянутой классификации:

- наделение текста дополнительной оценкой;
- внедрение имплицитной оценки автора;
- реорганизация структуры исходного текста.

На основании результатов исследования мы сгруппировали имеющиеся в российских СМИ приёмы перевода-редактирования. Полученная классификация выглядит следующим образом:

- Приёмы опущения фрагментов исходного текста в переводе
 - 1) Опущения из-за отсутствия значимости для реципиента
 - 2) Опущения, основанные на культурных различиях
 - 3) Опущения на макроуровне
- Приём замещения выводов в тексте перевода
- Приёмы добавления в текст перевода оценочной информации
 - 1) Наделение текста дополнительной оценкой
 - 2) Внедрение имплицитной оценки автора
- Приём реорганизации структуры исходного текста

Ниже представлены примеры приёмов перевода-редактирования из российских СМИ. Ниже проиллюстрирован приём опущения, основанного на отсутствии значимости для реципиента, что способствует привлечению внимания читателей к определённым фрагментам:

Оригинал	Перевод
Einige Millionen, wie viel genau wurde nicht verraten, macht Rosneft nun locker für ZSKA, aber "nicht gedankenlos", wie Putin betont (<i>Die Welt</i> , "Wie Wladimir Putin ein russisches Symbol rettet", Marcel Stein, 11.01.12).	Теперь «Роснефть» выдаст на нужды ЦСКА несколько миллионов (точную сумму не разглашают) (<i>Инопресса</i> , «ЦСКА: как Владимир Путин спасает символ России», 12 января 2012).

В данном случае переводчик-редактор опускает имеющиеся в ИТ слова *aber "nicht gedankenlos", wie Putin betont* («но не безвозмездно, как

подчёркивал Путин»). Переводчик-редактор принимает решение не включать данный фрагмент предложения в перевод, вероятно, по политическим причинам. Можно предположить, что это было сделано намеренно для того, чтобы у читателя не возникало сомнений относительно обещаний президента.

Далее представлен отрывок с выделяемым нами **приёмом замещения выводов**.

Оригинал	Перевод
Britain's objectives, another note suggested, "should be <u>to teach</u> him something about how a western democracy works, <u>to establish</u> personal and political links, <u>[and] raise</u> UK profile in Soviet eyes" (<i>The Guardian</i>, "Thatcher's courting of Gorbachev laid bare in top secret file", Owen Bowcott, 3 January 2014).	Цель Британии, говорится в другой записке, «должна состоять <u>не в том</u>, чтобы научить его принципам работы западной демократии, <u>а</u> создать личные и политические связи и улучшить репутацию Великобритании в глазах советских лидеров» (<i>Инопресса</i>, «Рассекреченный документ поведал о том, как Тэтчер обхаживала Горбачева», 3 января 2014).

В данном случае переводчик-редактор создаёт несколько иное впечатление о целях британских политиков относительно визита М.С. Горбачёва: то, что в оригинале представлено равнозначными задачами, в переводе, согласно намерениям переводчика-редактора, приобретает иную коннотацию: одни задачи становятся приоритетными, а другие – малозначительными. Подобное переводческое решение может быть объяснено стремлением переводчика-редактора соответствовать громкому заголовку, поскольку в прочих фрагментах текста не публикуется никаких провокационных фактов, способных проиллюстрировать название статьи.

Приём наделения текста дополнительной оценкой встречается в отрывке статьи, повествующей о причинах низкой продолжительности жизни среди российского населения:

Оригинал	Перевод
...More recent measures, including price increases and a crackdown on black-market sales, cut consumption by a third, and the death rate among men under 55 has fallen to the present 1 in 4, from 1 in 3. (<i>The Washington Times</i>,	...до недавних мер правительства по борьбе с алкоголизмом этот показатель вообще был на уровне 33%, <u>если верить газете</u> (<i>Инопресса</i>, «Почему российские мужчины живут так мало», 18

“Why Russian Men Don’t Live as Long”, Rachel Nuwer, Feb. 17, 2014).	февраля 2014).

Данный приём демонстрирует позицию переводчика-редактора относительно описанных в статье фактов. Добавленная фраза “если верить газете” ярко выявляет сомнение переводчика-редактора в достоверности изложенных журналистом статистических данных.

Пример приёма внедрения имплицитной оценки автора:

Оригинал	Перевод
Maybe they really are morally pure and want to make us just like them. But they don’t seem to understand that their task is to make people live better, not make them live more ethically. (<i>The Guardian</i> , “Leviathan director Andrei Zvyagintsev: ‘Living in Russia is like being in a minefield’”, Shaun Walker, 6 November 2014).	Возможно, они и впрямь морально чисты и хотят нас уподобить себе, - <u>иронизирует режиссер</u> . - Однако они, кажется, не понимают, что их задача - сделать жизнь людей лучше, а не нравственнее (<i>Инопресса</i> , «Режиссер «Левиафана» Андрей Звягинцев: «Жить в России - словно идти по минному полю», 7 ноября 2014).

В данном случае переводчик-редактор считает, что в оригинале речь не звучит нейтрально, и закладывает в текст предположение об эмоциях и чувствах говорящего или автора исходного текста.

В случае с приёмом **реорганизации структуры исходного текста** изменению подвергается композиция текста. Например, в переводе статьи о российско-украинском музейном споре (*Der Spiegel*, *Russisch-ukrainischer Museumsstreit: Wohin mit dem Gold der Krim?*, B. Dürr, 18.08.2014) изменения претерпела логическая организованность статьи. Переводчик-редактор опускает описание экспонатов, ставших предметами спора, сразу переходя к постановке проблемы (второй параграф оригинала). В основной части он объединяет параграфы по микротемам: позиции Украины и Крыма в споре и мнения специалистов, в то время как в оригинальной статье автор сначала описывает точку зрения Украины, затем Крыма, и в каждом параграфе приводит доводы в пользу того, что экспонаты принадлежат именно этому владельцу (*Инопресса*, «Российско-украинский музейный спор: как быть с золотом Крыма?», 19 августа 2014 г.).

Приёмы перевода-редактирования могут быть использованы как намеренно (для замещения выводов, привлечения внимание читателя к деталям), так и быть результатом переводческой вольности, связанной с отсутствием у переводчика-редактора жёстких рамок в виде чётко сформулированных требований со стороны заказчика или редакции.

Несмотря на то, что сохраняется лишь часть изначального прототипа, адекватность текста, выполненного с помощью перевода-редактирования, не уменьшается, и перевод передает суть сообщения, закладываемого автором.

Данная тема нуждается в дальнейшем исследовании в связи с её актуальностью среди иностранных лингвистов и малоизученностью в российском переводоведении.

Библиографический список

1. М и р о н о в а Д. А. *Трансформация прецедентных высказываний в переводах заголовков медиатекстов онлайн-формата*. Автореф. дис. ... кандидата филол. наук. Челябинск, 2013.
2. B i e l s a E., B a s s n e t t S. *Translation in global news*. Routledge: London, New York, 2009.
3. S c h r i j v e r I., V a n V a e r e n b e r g h L., V a n W a e s L. *Transediting in students' translational processes*. Электронный ресурс Интернет: https://www.academia.edu/2883988/artesis_VT_working_papers
4. К о м и с с а р о в В. Н. *Теория перевода (лингвистические аспекты)*. М.: Высш. шк., 1990.
5. Р е ц к е р Я. И. *Учебное пособие по переводу с английского языка на русский*. М.: Просвещение, 1982.
6. А л и м о в В. В. *Теория перевода. Перевод в сфере профессиональной коммуникации*. М.: Едиториал УРСС, 2005.
7. К о м и с с а р о в В. Н. *Общая теория перевода*. М.: ЧеРо, 1999.
8. R a w L. *Translation, adaptation and transformation*. New York: Continuum, 2012.
9. R o b i n s o n D. *Becoming a Translator. An Introduction to the Theory and Practice of Translation. Second Edition*. Routledge: London, New York, 2007.
10. Б а р х у д а р о в Л. С. *Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода)*. М.: Междунар. отношения, 1975.
11. Г а р б о в с к и й Н. К. *Теория перевода*. М.: Издательство Московского университета, 2004.
12. М и н ь я р - Б е л о р у ч е в Р. К. *Как стать переводчиком?* М.: Готика, 1999.
13. Ш в е й ц е р А. Д. *Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты*. М.: Наука, 1988.
14. C h e n Y.-M. *Quotation as a Key to the Investigation of Ideological Manipulation in News Trans-Editing in the Taiwanese Press* // TTR: traduction, terminologie, rédaction. Vol. 22, Number 2. 2009.
15. Д з я л о ш и н с к и й И. М. *Проблема эффективности пропагандистской деятельности, осуществляемой с помощью*

- СМИ. Электронный ресурс Интернет: <http://www.dzyalosh.ru/01-comm/statii/dzyalosh-01/f-kommunik2.html>
16. L u G.-h., C h e n Y.-m. *The Mediation of Reader Involvement in Soft News Transediting*. Электронный ресурс Интернет: <http://www.trans-int.org/index.php/transint/article/view/148>
17. A k t a n O., N o h l A.-M. *International Trans-Editing: Typical Intercultural Communication Strategies at the BBC World Service Turkish Radio*. Электронный ресурс Интернет: <http://www.immi.se/intercultural/nr24/nohl.htm>

В. А. Мягкова²⁷

(Севастопольский государственный университет, г. Севастополь)

**К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ
(на материале стихотворения М. Цветаевой «Откуда такая
нежность?» и его переводов на английский язык)**

На протяжении всей истории переводческой деятельности не прекращаются дискуссии о том, стоит ли переводить поэтические произведения и возможно ли достичь в этом деле достойного результата. Считается, что первым отчетливо сформулировал мысль о непереводемости поэзии великий Данте Алигьери в своем трактате «Пир» [1. С.7]. В разные эпохи у этой идеи находились убежденные сторонники. Так, в далеком от времен Данте 1905 г. в статье «Фиалки в тигеле» Брюсов писал, что «стихи на чужом языке никогда или почти никогда не производят такого же впечатления, как на родном» [2].

Однако примера одной только отечественной переводческой плеяды (М. Лозинского, С. Маршака, Н. Заболоцкого, Л. Гинзбурга, В. Потаповой и многих других талантов) достаточно, чтобы с уверенностью утверждать, что поэтические тексты поддаются переводу и, более того, перевода требуют.

Поэзия – уникальный инструмент межкультурной коммуникации. Мы абсолютно солидарны с Е. Эткингом в том, что «понять поэзию другого народа – значит понять другой национальный характер, эмоциональный мир другой культуры» [1. С.3]. Большое количество культурных кодов, особенностей мировосприятия и мироотражения, эмоциональных и поведенческих моделей народа, сконцентрировано в поэтических произведениях, и главная цель переводчика состоит в том, чтобы открыть иноязычному читателю безграничные духовные и интеллектуальные богатства поэзии. Разработка методов и подходов к

²⁷ Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент кафедры теории и практики перевода Е. Н. Абрамичева.

переводу поэзии является, на наш взгляд, одной из наиболее актуальных задач современного переводоведения.

Попытка оценить качество перевода с точки зрения приоритетности задач, которые ставит перед собой переводчик поэзии, обусловила выбор методики нашего исследования – сравнение двух переводов одного произведения. Материалом для сравнения послужили два англоязычных перевода лирического стихотворения М. Цветаевой «Откуда такая нежность?» [3], выполненных Э. Фейнштайн [4] и Э. Клайном [5].

Лирика М. Цветаевой достаточно часто становилась объектом перевода. При этом как сами переводчики указывали на трудности в работе с цветаевским стилем: ее сложной разноплановой лексикой, синтаксическим рисунком (обусловленным, в том числе, склонностью поэтессы к неполным предложениям), активным использованием разнообразных форм поэтического переноса, «фирменным» цветаевским ритмом и другими особенностями лирики поэтессы, так и исследователи перевода отмечали ряд недостатков и потерь во многих переводах ее произведений, особенно позднего периода. Даже русскоязычному читателю (в силу приведенных выше особенностей идиостиля Цветаевой) бывает непросто понять и прочувствовать лирику поэтессы; тем более грандиозна миссия переводчика, перед которым стоит задача не только в полной мере передать индивидуальный стиль автора, но и донести до читателя глубинный смысл поэтического текста.

В процессе работы мы попытались решить следующие задачи: 1) изучить биографический подтекст оригинала; 2) провести комплексный литературоведческий и лингвостилистический анализ оригинала; 3) провести сопоставительный анализ двух переводов и выявить, как различия в переводческих подходах влияют на адекватность перевода поэтического произведения.

Обратимся к понятию верности (полноценности и адекватности) перевода. А. В. Федоров определяет адекватность как «исчерпывающую передачу смыслового содержания подлинника и полноценное функционально-стилистическое соответствие ему (...) При этом одинаковая степень словесной близости перевода к оригиналу может не сохраняться на протяжении всего перевода» [6. С.144]. Л. С. Макарова вводит более узкое понятие эмоционально-эстетической адекватности применимо к переводу поэтических текстов, говоря о «способности перевода обеспечить интеллектуально-гедонистическое переживание той же интенсивности, которая достигается подлинником» [7. С.116] Сходное мнение высказывает и Л. К. Латышев: «исходный и переводной тексты должны быть в первую очередь равноценны по своей способности вызывать реакции у своих адресатов» [8. С.25]. Е. Эткинд говорит о важности создания художественного подобия (передачи авторской эмоциональной оценки мира) наравне с передачей смысла стихотворных фраз [1. С.401]. Говоря об адекватности, Ю. Найда формулирует четыре требования к переводу: 1) передавать смысл; 2) передавать дух и стиль

оригинала; 3) обладать легкостью и естественностью изложения; 4) вызывать равнозначное впечатление [Цит. по 9. С.88]. С. Ф. Гончаренко пишет о поэтическом тексте и его переводе: «их необходимо рассматривать в трех аспектах: смысловом (что сказано), стилистическом (как сказано) и прагматическом (какую реакцию вызывает сказанное у читателя). Все три стороны подлежат воспроизведению в переводе, хоть и не могут быть переданы стопроцентно» [10].

На основе приведенных выше положений выделим следующие критерии адекватности перевода поэтического произведения:

1) эмоционально-эстетическое (коммуникативно-прагматическое) соответствие оригиналу;

2) смысловое и функционально-стилистическое соответствие оригиналу;

3) эквивалентная передача значимых лексических элементов;

4) воссоздание формальных (ритмико-интонационных, метрических, синтаксических) особенностей индивидуально-авторского стиля переводимого поэта.

Стихотворение М. Цветаевой «Откуда такая нежность?» раскрывает читателю образ лирической героини – женщины, смущенной своим чувством. Ритмический рисунок стихотворения передает естественный ход рефлексий влюбленной женщины, которая обращается к своим воспоминаниям, словно объединяя все былые увлечения в единый образ, воскрешает в памяти «его» кудри, губы, очи. Строки «*Не первые – эти кудри/ разглаживаю, и губы/ знавала темней твоих*» указывают на то, что лирическая героиня считает себя опытной в любви, и тем более странна для нее внезапная нежность.

Идея «опытности» («*Всходили и гасли звезды, ... / Всходили и гасли очи/ У самых моих очей*») переходит из строфы в строфу, состязается с мотивом необъяснимой нежности, скользящим в рефренах. Неслучайно упоминания нежности облечены в форму риторического вопроса – вопроса к себе, поиска причин душевного трепета. И лишь один раз восклицание «о нежность!», выделенное характерным для М. Цветаевой способом при помощи тире, словно выдает бессилие разума и опыта перед чувством.

Последняя строфа – единый вопрос, сложная грамматическая конструкция, иллюстрация внутреннего конфликта, и (впервые) обращение к объекту душевного томления, словно призыв разделить метания и размышления лирической героини. Этот юноша описан иронически, в нем нет очевидной внешней привлекательности, а в его признаниях – особой красоты слога («*и губы / Знавала темней твоих*»; «*Еще не такие гимны / Я слушала ночью темной*»). Героиня отказывает ему и в характерных для любовной лирики нежных обращениях. Цветаева отступает от общепринятого лирического канона – прославления предмета любви – в ее мире он всего лишь «*отрок / Лукавый, певец захожий, / С ресницами — нет длинней?*».

Образ юноши – тоже вопрос, мы склонны считать, что Цветаева намеренно помещает знак вопроса в конце сложного определения, объединяя несколько вопросительных предложений в одно. Этот знак передает смятение, вызванное внезапным чувством к юноше, которого лирическая героиня, казалось бы, видит насквозь и который, быть может, вовсе не стоит ее любви. Лирическая героиня уверена, что предмет ее симпатии не будет с ней долго («*певец захожий*»), что он незрел, возможно, неопытен (на что указывает обращение «отрок») и вместе с тем горд, игрив и насмешлив («*отрок лукавый*»). Все стихотворение – сомнение и недоверие, недоверие, в первую очередь, к себе самой.

Обратимся к биографической основе стихотворения. Роль изучения подтекста, в том числе и биографического, «сосуществующего с вербальным выражением, сопутствующего ему и запланированного создателем», подчеркивалась И. Р. Гальпериным [Цит. по 9. С.83] и другими исследователями перевода. Стихотворение «Откуда такая нежность?» посвящено О. Э. Мандельштаму и написано в феврале 1916 года во время совместного пребывания поэтов в Москве. «Была у Цветаевой вторая, после коктебельского лета 1915 года, встреча с Мандельштамом, сделавшая обоих безразличными друг к другу» [11. С.86]. Биографы поэтессы указывают на ряд стихотворений, посвященных Цветаевой Мандельштаму («Никто ничего не отнял!/ Мне сладостно, что мы врозь,/ Целую Вас – через сотни/ Разъединяющих верст.»; «Собирая любимых в путь,/ Я им песни пою на память...»), а также ответные посвящения О. Мандельштама поэтессе («В разногласице девического хора...») [11. С.88].

Было ли между поэтами что-то, кроме дружеского чувства, кроме почитания одного таланта другим? Этого мы не можем сказать наверняка. Вот что пишет А. А. Саакянц об отношении М. Цветаевой к «московскому другу»: «его строгие, изящные, «воспитанные» строфы, по-видимому, в глазах Цветаевой не очень гармонировали с их творцом, с его человеческой сущностью. Капризный, «инфантильный» нрав и облик нежного, красивого, заносчивого юноши, способного – или нет? – на глубокие переживания, таким запечатлен Осип Мандельштам в цветаевских стихах (...), так в поэзии Цветаевой появляется лирический герой (...), оставаясь неизменным в главном: в своей слабости, нежности, недостоверности в чувствах. Не муж – защита и опора, а сын – забота и боль...» [11. С.88-89]. Быть может, вопросительность стихотворения – это попытка понять, что за нежность завладела сердцем лирической героини (и самой Цветаевой): материнская теплота или все же трепет влюбленной женщины?

Рассмотрим метрические и ритмико-интонационные особенности оригинала и переводов. Метрическая картина стихотворения Цветаевой неоднородна – представляет собой, на наш взгляд, трехударный дольник (комбинацию двух стоп амфибрахия и одной стопы хорей).

(строфы 2, 4)

(строфы 1, 3)

Откуда такая нежность?	— / — / — / —	Всходили и гасли звезды,	— / — / — / —
Не первые – эти кудри	— / — / — / —	Откуда такая нежность? –	— / — / — / —
Разглаживаю, и губы	— / — () — / —	Всходили и гасли очи	— / — / — / —
Знавала темней твоих.	— / — / — /	У самых моих очей.	— / — / — /

При этом в каждой строфе третья стопа последней строки является неполной, содержит лишь ударный слог. Кроме того, в третьей строке первой и третьей строфы наблюдаем выпадение одного ударного слога во второй стопе. Стихотворение, не скованное рифмой, подчиненное лишь закономерностям гибкого ритма, звучит как песня. Вопросительные и восклицательные интонации рефренов («Откуда такая нежность?», «О нежность!») эмоционально насыщают произведение, передают внутреннее напряжение и противоречивость чувств героини. В стихотворении также присутствуют семантические ударения (по мнению О. Г. Ревзиной, этот прием усиления выразительности весьма характерен для М. Цветаевой), с помощью которых внимание читателя концентрируется на отдельных фразовых фрагментах, как то: «не первые», «о нежность», «нет длинней». Как мы уже отмечали, эмоциональное маркирование отдельных фрагментов находится в тесной взаимосвязи с общей идеей стихотворения.

Что касается ритмики переводов, Э. Клайн сокращает восьмислоговый стих Цветаевой до 5-6 слогов, делая стихотворение более удобным для восприятия англоязычным читателем. Согласно сравнительному анализу голландского ученого Гердана [1. С.266], средняя длина английского слова меньше средней длины русского слова, следовательно, количество слогов в стихе при переводе с русского на английский скорее всего сократится. Клайн допускает сокращения строки и несет формально-метрические потери, что не так существенно при ритмико-интонационном соответствии оригиналу. Клайном сохранены вопросительные и восклицательные интонации в рефренах, эмфатическая эллиптичность вопроса («Откуда такая нежность?» – «*Why such tenderness?*») и семантические ударения, а также естественность и легкость цветаевского стиха.

Э. Фейнштайн стремится к сохранению оригинальной длины строки (приводит строку перевода к 8-9 слогам), используя вспомогательные глаголы («*have stroked*», «*have known*»), развернутую форму вопроса («*Where does this tenderness come from?*»), второстепенные члены предложения («*often*», «*here*»), а также переносит подлежащее «*I*» в самый конец строки, делая произведение, как нам кажется, более громоздким и трудным для восприятия англоязычным читателем. Сама переводчица,

давая комментарий своим работам, объясняет характер своих преобразований необходимостью сохранения ритмического рисунка Цветаевой («с его стройностью и в то же время некоторой намеренной шероховатостью»), что может повлечь трудности восприятия реципиентом перевода, ведь английская поэзия тяготеет к синтаксическим конструкциям, типичным и естественным для речи. Но упрощение синтаксиса, по мнению Фейнштайн, сглаживало особенности идиостиля великой русской поэтессы [4]. Однако, уделив так много внимания формально-метрическому подобию и прибегнув к преобразованиям на синтаксическом и лексическом уровнях, Фейнштайн отчасти упускает ритмико-интонационный аспект (заменяет восклицание «о нежность» вопросом, несколько утяжеляет стихотворную строку), чем, на наш взгляд, отдаляется от создания эмоционально-эстетического подобия оригиналу.

Рассмотрим художественные приемы, использованные Цветаевой, и синтаксические особенности стихотворения. О. Г. Ревзина выделяет использование инверсий как одну из главных черт авторского синтаксиса Цветаевой [13]. При помощи инверсий достигается мелодичность и эмоциональная насыщенность стихотворной строки. Оба переводчика сохраняют инверсию во второй и третьей строке первой строфы «*He первые – эти кудри / Разглаживаю, и губы*», «*These are not the – first curls I / have stroked slowly – and lips I*»[4], «*Not the first – these curls / I stroke, I've known, yes*»[5]. Кроме того, Э. Клайн, как нам кажется, более естественно для английского текста воссоздает склонность Цветаевой к поэтическим переносам. О сути переноса и его функции И. Я. Чернухина пишет следующее: «в силу сложившейся традиции конец стихотворной строки должен совпадать с концом предложения, синтагмы. Нарушение этой традиции – перенос – приводит к эффекту неожиданности», то есть «обостряет» оттенки значения слов, фраз, целого текста [13. С.70]. Клайн сохраняет авторские переносы и достигаемый с их помощью эффект, но при этом организует предложения естественным для английской речи образом, помещая подлежащее в начале стихотворной строки.

О. Г. Ревзина [12] и другие исследователи отмечают богатое лексическое разнообразие произведений Цветаевой. Поэтесса мастерски использует единицы высокого стилистического яруса: архаическую лексику, стилистические славянизмы, поэтизмы, книжную лексику. Использование Цветаевой устаревшей поэтической единицы «*знавала*» с целью большей эмоциональной насыщенности передается в обоих переводах лексическим эквивалентом «*know*», семантическая нейтральность которого компенсируется использованием особой формы притяжательного местоимения *yours* (Absolute possessive) – «*и губы / Знавала темней твоих*», «*and lips I / have known are – darker than yours*»[4], «*I've known, yes, / Lips much darker than yours*»[5]. У Клайна эмфатическая окраска, кроме уже упомянутого, подчеркивается употреблением «*yes*» (наречия в функции уточнения). Мы склонны также полагать, что употребление архаической лексемы «*знавала*» несет в себе некоторый

оттенок иронии. Ирония, на наш взгляд, была упущена Э. Фейнштайн, в то время как Э. Клайн использует разговорный элемент «yes», как нам кажется, именно с целью воссоздания этого оттенка эмоциональной палитры оригинала.

Вторая строфа интересна яркой индивидуально-авторской метафорой, которая усиливается анафорой и инверсией («*Всходили и гасли звезды, / Всходили и гасли очи / У самых моих очей*»). В обоих переводах метафора сохранена, добавлено сравнение, однако анафоры и инверсионный порядок, создающие мелодичную магию оригинального текста, имитирующие естественный ход рефлексий, в обоих переводах опущены. Подбор лексических эквивалентов для воссоздания метафоры, как нам кажется, удачнее в переводе Клайна («*As stars fade and rise, / Eyes have risen / And faded to my eyes*»), сохраняется повтор лексических единиц, поэтическое содержание не искажено.

Цветаева использует во второй строфе еще один поэтизм «очи», который оба переводчика передают нейтральным «eyes». Однако в переводе Фейнштайн эта нейтральность компенсируется формально – абсолютной притяжательной конструкцией «*eyes of mine*», характерной для высокого стиля. В переводе Клайна эквивалент остается нейтральным.

В третьей строфе в обоих переводах содержится смысловая ошибка. Ироничное «*Еще не такие гимны*» у Цветаевой означает, что лирическая героиня на своем веку слышала «гимны» лучше тех, на которые способен лирический герой. Однако переводчиками этот фрагмент был понят неверно, они оба превращают иронию Цветаевой в «*я никогда не слышала таких песен*» – «*and yet no such song have / I heard*» [4], «*Yet with no such song / Have I heard*» [5]. Такая интерпретация смысла строки выбивается из общего настроения стихотворения, ранее довольно адекватно переданного в обоих переводах, диссонирует с содержанием двух предыдущих строф.

Очередной лексический элемент высокого стиля «гимны» (воспевание, почти обожествление любимой женщины) передается в обоих переводах относительно нейтральным «*song*». В данном случае мы имеем дело со стилистическим ослаблением.

Поэтическая инверсия «*ночью темной*» воссоздается в переводах двумя разными способами. Э. Клайн полностью сохраняет авторский порядок слов второй строки – «*I heard night darker*», в то время как Э. Фейнштайн компенсирует поэтическую инверсию перенесенным эпитетом «*in the darkness of night before*». Значение авторской инверсионной конструкции – передача задумчивого, неуверенного, мимолетного настроения лирической героини.

О.Г. Ревзина указывает на то, что за годы творчества поэтическое словоупотребление Цветаевой эволюционировало в сторону широкого использования переносных значений, тропов, высказываний, имеющих двуплановую и многоплановую семантику [12]. Так, уже упомянутая нами лексическая единица «гимны», с одной стороны, является атрибутом высокого стиля, несет в себе значение возвышенного воспевания,

обращенного к возлюбленной. С другой стороны, «гимны» выступают носителем оттенка иронии по отношению к присутствовавшим в жизни лирической героини мужчинам, по отношению к лирическому герою. Допуская стилистическое стирание, переводчики теряют не столько единицу высокого стиля, сколько носитель иронии, имеющей, на наш взгляд, смыслоопределяющее значение.

В своем труде «Выразительные средства поэтического языка М. Цветаевой и их представление в индивидуально-авторском словаре» Ревзина пишет: «В ее (Цветаевой) поэтическом мире органически переплетены физический и духовный мир, мир вещный и мир интеллектуальный, эмоциональный, мир отвлеченных понятий и нравственных ценностей» [13]. В третьей строфе анализируемого нами стихотворения встречаем строки: «*Венчаемая – о нежность! – / На самой груди певца*». Перед нами образ физический, в некотором роде интимный («на самой груди певца»), соединенный с образом «венчания» – то ли возвышения над другими женщинами, принятия торжественного венца (знака обожания и преданности) из рук возлюбленного, то ли обряда слияния душ, подобного соединению в браке по церковному обычаю. Близкое соседство духовного, эмоционального, нравственного и физического оказывает уникальное влияние на читателя, раскрывает для него человеческую душу во всей ее непознанности и простоте, обнажает идею поэта с откровенностью, достойной близкого друга.

К сожалению, семантически многогранный и, несомненно, стилистически значимый элемент «венчаемая» опущен в переводе Э. Фейнштайн – снова имеем дело со стилистическим стиранием и искажением смысла. С точки зрения воссоздания образа в переводе лирического произведения подобное опущение мы считаем недопустимым. «Каждое слово, любая аранжировка элементов всегда работают либо на сохранение образа, либо на его разрушение» [10. С.391]. Э. Клайн использует довольно удачный эквивалент «*crowned*», однако в своем переводе прибегает к намеренному нарушению пунктуации (в конце второй строки не стоит запятая) и грамматических норм с целью сохранения ритмического рисунка оригинала.

Кроме того, Э. Клайн находит, как нам кажется, более удачный эквивалент оригинальному «на самой груди певца» – «*in the breast of the singer*», в то время как вариант Э. Фейнштайн «*on the ribs of the singer*» вызывает в некотором роде анатомические ассоциации, нежелательные для полноценного восприятия возвышенного мотива поэтического произведения.

В последней строфе оригинала встречаем поэтизмы, придающие строкам оттенок ироничности и материнской снисходительности к причудам «ребенка» («*отрок лукавый*»), а также нотки неуверенности лирической героини в своем отношении к предмету симпатии – непостоянному юноше («*певец захожий*»). В переводе Клайна опущен эпитет «*лукавый*», в то время как Э. Фейнштайн передает его довольно

удачным, на наш взгляд, эквивалентом «*sly*». При передаче поэтизма «*захожий*» оба переводчика компенсируют стилистический эффект, добавляя к относительно нейтральной единице «*passing by*» наречия «*just*» и «*simply*».

В целом последняя строфа – своеобразная кульминация переживаний лирической героини, искусно облеченная в форму вопросительного предложения. Вопросительный знак Цветаева помещает после сложного определения к слову «отрок» в самый конец строфы. Последняя строка «*с ресницами – нет длинней?*» кажется своеобразным вызовом, ироничным сомнением в адрес заносчивого красавца. И в то же время в этом вопросе заключена проблема женского выбора и поиска: «может ли он быть тем единственным, предназначенным?». Э. Клайн делит синтагму на два вопроса (чем, с одной стороны, вновь облегчает восприятие стихотворения англоязычным читателем), сохраняя ироничность и мотив духовного поиска – «*And could eyelashes – be longer?*». Однако, помещая вопросительный знак после «*simply passing by?*», переводчик вносит некий оттенок неуверенности лирической героини в том, как поступит предмет ее симпатии, в то время как Цветаева в этом месте довольно категорична: лирическая героиня (вероятно, с высоты своего опыта) не ставит под вопрос ветрености юного певца («*Лукавый, певец захожий*»). Э. Фейнштайн тоже делит распространенное предложение на два, при этом не только допускает ту же неточность, что и Э. Клайн, в первой части, но и опускает вопросительность второй фразы, превращая ее в утверждение, в признание превосходства лирического героя над другими мужчинами. При этом мотивы иронии и напряженного духовного поиска стираются, впечатление от произведения меняется кардинально. Идейный мотив неопределенности, намеренно создаваемый автором на протяжении всего лирического произведения, как нам кажется, необходимо было сохранить в переводе. Об этом говорит и К. И. Чуковский: «Неясное в оригинале должно оставаться неясным в переводе» [Цит. по 9. С.196].

В процессе работы мы выявили, что приоритетность задачи, которую ставит перед собой переводчик и, как следствие, выбор переводческого подхода существенно влияют на адекватность и качество перевода. Так, Э. Фейнштайн, вероятно, первостепенной задачей считала воссоздание формально-метрических особенностей оригинала и отображение в переводе поэтического новаторства Цветаевой. Однако в результате, уделяя слишком много внимания формальным деталям, прибегая к лексическим и синтаксическим преобразованиям, пытаясь сохранить цветаевский ритмический рисунок, переводчица отдаляется от главного – «создания смыслового и прагматического подобия». Э. Клайн адаптирует стихотворение Цветаевой для англоязычного читателя, допуская метрические трансформации, но тоже искажает смысловое наполнение поэтического текста. Таким образом, на наш взгляд, оба перевода нельзя назвать в полной мере адекватными, если говорить о коммуникативно-прагматическом и смысловом соответствии оригиналу.

Однако, несмотря на некоторые существенные потери в процессе работы с текстом оригинала, в случае перевода Э. Фейнштайн, несомненно, особенно тщательной и скрупулезной, оба перевода заслуживают право знакомить англоязычного читателя со сложной и необыкновенно женственной лирикой Марины Цветаевой. Как писал Ю. Найда, «если согласиться с утверждением, что в процессе перевода не должно быть никаких потерь информации, то тогда не только перевод, но и коммуникация вообще будут невозможны (...) Потери некоторой части информации при переводе не должны удивлять и не должны служить основанием для сомнений в возможности перевода» (цит. по [9. С.120]).

Заметим, что разница в переводческом подходе может быть отчасти обусловлена и гендерным аспектом. Подход Клайна, если можно так выразиться, «мужской»: перевод лаконичен, емко; переводчик решительно идет на необходимые преобразования, концентрируется на передаче смысловых оттенков. Подход Э. Фейнштайн «женский»: переводчица сосредоточена на идиостилистических деталях, на форме и мелодике. Перевод Э. Клайна больше подчинен практической цели межкультурной коммуникации, перевод Э. Фейнштайн, как нам кажется, отчасти соответствует формуле «искусство ради искусства».

Библиографический список

1. Эткинд Е. Г. Поэзия и перевод. Л.: Советский писатель, 1963.
2. Б р ю с о в В. Я. *Фиалки в тигеле* // Электронный ресурс Интернет: http://dugward.ru/library/brusov/brusov_fialki_v_tigle.html
3. Ц в е т а е в а М. И. *Откуда такая нежность?* // Электронный ресурс Интернет: <http://www.stihi-rus.ru/1/Cvetaeva/94.htm>
4. F e i n s t e i n E. *Where does this tenderness come from?* // Электронный ресурс Интернет: <http://www.stosvet.net/12/feinstein/info.html>
5. К l i n e A. S. *Twenty-four poems* // Электронный ресурс Интернет: <http://www.poetryintranslation.com>
6. Ф е д о р о в А. В. *Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы)*. М.: Филология Три, 2002.
7. М а к а р о в а Л. С. *Поэтический дискурс и перевод* // Филологические науки. Вып.15. М., 2005.
8. Л а т ы ш е в Л. К. *Технология перевода*. М.: НВИ-Тезаурус, 2000.
9. С д о б н и к о в В. В., П е т р о в а О. В. *Теория перевода*. М.: Восток-Запад, 2006.
10. Г о н ч а р е н к о С. Ф. *Поэтический перевод и перевод поэзии: константы и вариативность* // Тетради переводчика. Вып.24. М., 1999.
11. С а а к я н ц А. А. *Жизнь Цветаевой. Бессмертная птица-феникс*. М.: Центрполиграф, 2002.

12. Р е в з и н а О. Г. *Выразительные средства поэтического языка М. Цветаевой и их представление в индивидуально-авторском словаре* // Электронный ресурс Интернет: <http://danefae.org/lib/ogrevzina/vyrazit.htm>
13. Ч е р н у х и н а И. Я. *Общие особенности поэтического текста (лирика)*. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1987.

А.Р. Мьяльдин²⁸
(Государственный социально-гуманитарный
университет, г. Коломна)

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ПРОФЕССИОНАЛИЗМОВ В МУЗЫКАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

В настоящее время терминологические исследования являются одной из самых активно развивающихся и актуальных сфер лингвистики. Развитие техники и науки, изменения в социальной, экономической и культурной сферах жизни ставят лингвистов перед необходимостью дать лексикологическое, стилистическое и терминологическое описание вновь и вновь возникающей специальной лексики. Термины остаются в языке надолго и тем быстрее переходят в разряд общеупотребительной лексики, чем быстрее технические новинки становятся доступными массам, а достижения специальных областей получают освещение в массмедийном пространстве. Профессионализмы, однако, не получают подробного лингвистического описания, редко, несистематично и не всегда стилистически точно фиксируются в словарях. Поэтому проводить лингвистический анализ профессионализмов необходимо. Они являются не только неотъемлемой частью профессиональных языков, но и живыми свидетельствами языкового творчества, языковой игры, без которых не обходится и устная профессиональная коммуникация.

Рассмотрим понятие «профессионализм» и выделим основные отличительные признаки данного пласта специальной лексики. Согласно В. В. Бурцевой, профессионализмы – это разговорные слова, стилистически сниженные, которые обозначают, в основном, понятия специальной области науки, техники и искусства [1. С.96-97]. И.Р. Гальперин определяет профессионализмы как «слова, связанные с производственной деятельностью людей, объединенных одной профессией. Профессионализмы соотносимы с терминами» [2. С.79]. Н.К. Гарбовский понимает под профессионализмами «кодифицированные единицы языка, возникающие и функционирующие, главным образом, в разговорной речи специалистов на профессиональные темы в условиях неофициального

²⁸ Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации А.М. Оганьян.

общения» [3. С.19]. Н.Н. Медведева также упоминает разговорный характер профессионализмов, не выделяя при этом связь с терминологической лексикой. И.В. Арнольд определяет профессионализмы как «лексику, специфичную для какой-нибудь отрасли человеческой деятельности или профессии, но употребительную только в устном общении и, следовательно, не имеющую определений в специальной литературе» [4. С.193].

Проанализировав данные определения, следует выделить три основных отличительных признака профессионализмов – связь с терминами, профессиональная маркированность и «полуофициальность».

Профессионализмы употребляются в различных типах дискурса. В нашей статье мы рассмотрим лингвистические особенности и способы перевода профессиональной лексики в музыкальном дискурсе.

Чаще всего философы и ученые сравнивают музыку и язык, музыку и речь:

Музыка - истинная всеобщая человеческая речь (К.Ю. Вебер).

Музыка одна является мировым языком и не нуждается в переводе, ибо говорит душе (Б. Ауэрбах).

Music is the universal language of mankind (Н. Longfellow).

Музыка обязана своим появлением именно слову, языку, речи, о чем пишет М.Я. Блох: «В качестве вида искусства музыка является совершенно уникальным продуктом культурно-эстетической деятельности человека...А ее происхождение восходит к языку, к языковой просодии. Первобытная поэзия в виде ритмических речитативов, вместе со жреческими и ритуально-обрядовыми функциями, служила средством накопления знаний, реализовывала сохранение традиций как память племен. С течением времени, после изобретения письменности, такая просодическая музыка отделилась от речи и постепенно превратилась в отдельный вид искусства, став оральной и инструментальной музыкой цивилизованных народов» [5. С.9].

Люди, профессионально связанные с написанием и исполнением музыки, обучением музыке, это творческие люди, которым свойственна спонтанность, нестандартное, образное мышление, богатство фантазии и интеллектуальность. Так, в процессе профессиональной коммуникации от языковой личности музыканта можно ожидать эмоциональности, образности, экспрессивности, оригинальности и новаторства, проявляющихся во всем, от построения предложения до выбора лексических средств.

В музыкальной профессиональной сфере речь идет не о конкретной узкой специальной области или профессии, как то военное дело, бизнес, медицина и образование. Профессиональная коммуникация в этой сфере подразумевает не только общение между музыкантами, но и общение музыкантов с поклонниками, представителями звукозаписывающих компаний, журналистами, общение между менеджерами того или иного музыкального коллектива, критиками, рекламными агентами, пиар-

менеджерами и общественными представителями. Рамки профессионального в музыке значительно расширились, что ведет к увеличению количества профессиональных номинаций.

К профессиональной речи музыкантов, помимо непосредственного профессионального общения (в студиях звукозаписи, на саундчеке, репетиции, на сборных концертах, в интернете на специальных сайтах, в социальных сетях и чатах), исследователи относят следующие виды текстов:

- научные тексты и учебная литература по музыке и теории музыки;
- инструкция к технике и музыкальным инструментам;
- профессиональные видеоуроки (tutorials);
- околomuзыкальная литература (история музыкальных направлений и коллективов, мемуары, эссе о музыке);
- художественная литература о музыке;
- профессионально-ориентированные медиатексты, в т.ч. интервью (для специализированных изданий, музыкальных журналов, в концертных видеозаписях, телевизионных шоу).

Анализ профессионализмов как специального слоя лексики, а, в частности, музыкальных профессионализмов показал, что существует несколько классификаций данных лингвальных единиц, чаще всего основанных на способах словообразования. Согласно данным классификациям можно выделить следующие группы профессионализмов [6. С.95]:

1) собственно лексические профессионализмы, возникшие как новые, особые наименования. Таких профессионализмов в музыкальной профессиональной сфере немного, но в настоящее время возникает потребность краткого и емкого описания новых музыкальных стилей, музыкальной техники, вследствие чего появляется значительное количество подобных наименований: «skiffle» (музыкальное направление «скиффл»), «funk» (музыкальное направление «фанк»), «reggae» (музыкальное направление «реггей»), «dub» (музыкальное направление «даб»), «lo-fi.» (музыкальное направление «лоу-фай»), «wah-wah» (гитарный эффект «квакушка»), «crossover» (муз. «кроссовер», «перекрещивание» (направление, синтезирующее джаз с роком, кантри или фольклором);

2) лексико-семантические профессионализмы, возникающие в процессе развития значения слова и его переосмысления, например, существительное «bootleg», означавшее нелегально производимую и продаваемую алкогольную продукцию, в музыкальной сфере означает нелегально производимую музыкальную продукцию; «ivory» («слоновая кость») употребляется в значении клавиши; «axe» («топор») - для обозначения музыкального инструмента; «unplugged» - «акустический» (исполняемый на акустических, а не на электронных музыкальных инструментах; о поп- и рок-музыке), «to jam» - «импровизировать», «backing» - «музыкальное

сопровождение солиста»;

3) лексико-словообразовательные профессионализмы, которые образуются в результате традиционных способов словопроизводства, например, сложение основ и аффиксации («*stringsman*» – «гитарист», «*funky*» - «*heavy*» – «тяжелая музыка», «*groovy*» – «приятный на слух», «*roady*» - «человек, следящий за аппаратурой, инструментами музыкального коллектива, сопровождая его во время турне», «*groupie*» - «поклонница музыкального коллектива», «*moshpit*» – «танцевальная площадка перед сценой», «*setlist*» - «список песен, исполняемых на концерте», LP (от «*long-player*») – «долгоиграющая пластинка», «*frontman*» - «солист музыкального коллектива». *Особенно много в этой группе профессионализмов, обозначающих музыкальные стили и направления:* «*guitarpiece*» - «гитарный рифф», «*rhythmguy*» – «*ритм-гитарист*», «*fuzzfolk*», «*art-rock*», «*new-wave*».

При переводе текстов, содержащих профессионализмы возможно использование общеизвестных способов перевода. Часто, чтобы избежать излишне подробного изложения исходного текста, перегруженного специфической лексикой применяют сокращенный перевод, при котором возможно использование двух основных методов:

- метод выборочного перевода: полная передача основных смысловых единиц текста и исключение малозначимых единиц. Чаще всего данный метод применяется в переводе тезисов, конспектов аннотаций и т.п.

- функциональный метод: сокращение и упрощение текста с целью сделать его более доступным для понимания широкими массами. Используется для перевода различного рода адаптаций и т.п. [7. С.92].

Для текстов, содержащих большое количество профессионализмов предпочтительнее использовать функциональный метод частичного перевода.

В отличие от частичного перевода полный перевод предполагает воспроизведение всех единиц исходного текста. Выделяют следующие способы полного перевода [7. С.95]:

- Буквальный перевод: пословное воспроизведение исходного текста в единицах переводящего языка, Буквальный перевод применяется сравнительно редко, например, в учебных или научных целях, для академических изданий уникальных текстов, эпоса, и т.п. Часто буквальный перевод сопровождается пометкой «буквально» или «дословно».

- Семантический перевод: выполняется для передачи исходных текстов, имеющих высокую научную или социально-культурную значимость, подробное содержание которых предназначено для широкого круга специалистов (исторические документы, произведения высокой литературы, уникальные образцы эпоса).

- Коммуникативный (литературный, художественный) перевод: основной акцент ставится не на языковом составе исходного текста, а на

его содержательном и эмоционально-эстетическом значении. Коммуникативный перевод не допускает ни сокращений, ни упрощений исходного материала. Этот способ является оптимальным для большей части художественной литературы, публицистики, части научно-теоретических и научно-популярных текстов.

Выбор способа полного перевода зависит от цели переводчика, исходного текста и аудитории, для которой он предназначен. В большинстве случаев для перевода текстов используется сочетание

Кроме основных способов перевода существует три основных группы переводческих приемов, направленных на передачу значения слов и выражений: лексические, грамматические и стилистические. В нашей статье мы остановимся подробнее на лексических способах перевода музыкальных профессионализмов

1) Лексические приемы применяются для перевода отдельных слов, например, имен собственных, присущих исходной языковой культуре и отсутствующих в переводящем языке; терминов в той или иной профессиональной области; слов, обозначающих предметы, явления и понятия, характерные для исходной культуры или для традиционного именованя элементов третьей культуры, но отсутствующих или имеющих иную структурно-функциональную упорядоченность в переводящей культуре.

Среди лексических приемов можно выделить:

- Транслитерацию (формальное побуквенное воссоздание исходной лексической единицы с помощью алфавита переводящего языка, буквенная имитация формы исходного слова, причем исходное слово в переводном тексте представляется в форме, приспособленной к произносительным характеристикам переводящего языка): «set list» – «сет лист», «duo» – «дуо», «fuzz» - «фузз» («гитарная примочка»), «solo» - «соло», «riff» - «рифф»;

- Транскрипцию (формальное пофонемное воссоздание исходной лексической единицы с помощью фонем переводящего языка, фонетическая имитация исходного слова): «skiffle» - музыкальное направление «скиффл», «dub» - музыкальное направление «даб», «cover» – «кавер», «breakdown» - «брейкдаун»;

- Калькирование (воспроизведение не звукового, а комбинаторного состава слова или словосочетания, когда составные части слова (морфемы) или фразы (лексемы) переводятся соответствующими элементами переводящего языка) («steel-string», «nylon-string» - «акустика на нейлоне и на металле», «working title» - «рабочее название», «bass track» - «басовая партия», «tuner pedal» - «педадь-тюнер», «distortion pedal» - педаль для дисторшна, «gold status» – «золотой статус», «compilation» – «компиляция»;

- семантическую модификацию (подбор смыслового значения единицы исходного языка соответственно контексту): «tech» – «техник», «warm up» – «распеваться», «stringsman» - «гитарист», «to jam» –

«импровизировать», «unplugged» – «акустический»);

- описание (расширение текста за счет более подробного разъяснения значения данной единицы в контексте употребления в исходном языке): «frontman» - «солист музыкального коллектива», «EMI» - «студия звукозаписи EMI», «Stones record» - «записи группы «Rolling Stones»», «SG» - «гитара марки Gibson», «sight-reader» - «человек, способный читать ноты с листа», «roady» - «человек, следящий за аппаратурой, инструментами музыкального коллектива, сопровождая его во время турне», «moshpit» - «мош-пит» (на рок-концерте: часть зрительного зала, где собирается толпа зрителей, толкающих друг друга и врезающихся друг в друга в своеобразном танце), «sample» - «сэмпл» (небольшой звуковой фрагмент, вырезанный из записи, например, существующего музыкального произведения, и используемый для создания новых звучаний или новых музыкальных произведений), «groovy» - «свинговый», «джазовый», прилагательное, часто употребляющееся музыкантами для описания хорошего, приятного для исполнения качества звука;

- смешанный (параллельный) перевод: «breakdown» - «брейкдаун», замедленная часть композиций жанра «хардкор» - «панк» (транскрипция, комментарий), «reggae» - «музыкальное направление «реггей»» (транскрипция, описательный перевод), «crossover tune» - «муз. кроссовер», «перекрещивание» (направление, синтезирующее «джаз» с «роком», «кантри» или «фольклором») - транскрипция, описательный перевод.

2) Грамматические приемы применяются для перевода грамматических структур исходного текста, например, абсолютных причастных оборотов и т.п.

Среди них выделяют:

- функциональную замену;
- грамматические трансформации;
- антонимический перевод;
- нулевой перевод и т.д.

3) Стилистические приемы применяют для перевода стилистически отмеченные единицы исходного текста (метафор, идиом и многих других тропов).

Основные приемы, входящие в данную группу:

- замена словесного состава;
- замена образа;
- замена тропа (или фигуры речи);
- изъятие переносного значения;
- дословный перевод (с комментарием или без).

Поскольку профессионализмы чаще всего являются отдельными словами или словосочетаниями, то для их перевода целесообразно использовать лексические методы перевода. Наиболее предпочтительными

являются описание и переводческий комментарий, поскольку профессионализмы не входят в состав общеупотребительной лексики, и часто их буквальный перевод не отражает смыслового значения и эмоциональной окраски. Однако при переводе терминов, относящихся к названиям технических приспособлений или производственных процессов, характерных для данного вида деятельности, может применяться транскрипция или транслитерация.

Библиографический список

1. Б у р ц е в а В. В. *Профессионализмы в словарях* // Русская речь, 1975.
2. Г а л ь п е р и н И. Р. *О термине “сленг”*// Вопросы языкознания, 1956.
3. Г а р б о в с к и й Н. К, *Сопоставительная стилистика профессиональной речи*. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «Либроком», 2009.
4. А р н о л ь д И. В. *Лексикология современного английского языка*: учебник. 3-е изд., доп. и перераб. М., 1986.
5. Б л о х М. Я *Дискурс и системное языкознание. Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики*. М.: Национальный книжный центр, 2012.
6. С а р а е в а А. А. *Профессионализмы в неформальном общении (на материале диалогов англоязычных музыкантов)*: Дис.. канд. филол. наук. М., 2013.
7. Р е ц к е р Я. И. *Теория перевода и переводческая практика*. М.: Междунар. отношения, 1974.

В.А. Никогосян²⁹

(Государственный социально-гуманитарный университет, г. Коломна)

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКИХ РЕКЛАМНЫХ СЛОГАНОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В настоящее время реклама является неотъемлемым атрибутом любой предпринимательской деятельности. Практически невозможно назвать сферу жизни, которая в той или иной мере не затрагивается рекламой.

Слоганы – это отдельный, очень важный вид рекламного искусства. Они не только продают товар и формируют образ компании в головах

²⁹ Научный руководитель – канд. пед. наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации С.А Резцова.

потребителей. Они становятся частью культурного пласта того или иного времени.

«Понятие "слоган" (sluagh-ghairm) восходит к галльскому языку и означает 'боевой клич'» [1. С.5]. Это значение слова - очень точно и весьма образно отражает сущность рекламы: пленить покупателя и уничтожить конкурентов. Слоган – лозунг компании или запоминающаяся фраза в рекламе товара.

Цель слогана состоит в том, чтобы привлечь внимание аудитории и вызвать интерес к рекламируемому товару или услуге. «Слоган должен содержать рекламное обращение и главный рекламный аргумент, который впоследствии развивается в основном рекламном тексте» [1. С. 68].

Проанализировав 100 рекламных слоганов самых известных европейских и американских компаний, нами были выделены их некоторые лингвистические и экстралингвистические особенности.

Во-первых, следует отметить синтаксические особенности рекламного слогана. Созданию экспрессивного эффекта слогана служит использование структурных особенностей предложения. «Реклама не терпит многословия и сложных синтаксических оборотов, так как по своей природе должна быть динамичной и призывать к действию» [2. С. 61].

«От того, какие именно синтаксические конструкции употреблены в рекламном слогане, зависит его экспрессивность и окончательное впечатление, которое он оставит у потенциального покупателя» [3. С.148]. Как правило, в слоганах преобладают простые предложения, которые легко запоминаются:

L'Oreal: *Because you worth it - L'Oreal. Ведь я этого достойна!*

MG: *Safety fast - Безопасно и быстро*

В структуре рекламного слогана часто используются предложения в повелительном наклонении. Это объясняется тем, что слоган мягко советует и ненавязчиво рекомендует то или иное действие:

American Express: *Don't leave home without it- Не выходи из дома без нее.*

Использование восклицания акцентирует внимание покупателя на тексте слогана:

Kit-Kat: *Have a break, have a Kit-Kat! - Есть перерыв, есть Кит-кат!*

Во-вторых, следует отметить использование в слоганах лексических стилистических фигур. На стилистическом уровне большим эмоциональным воздействием обладают различные тропы:

1) **Метафоры**, с помощью которых можно представить сухую и неинтересную информацию в очень выгодном свете, что немаловажно для рекламы:

DKNY: *Delicious night*

Diesel Perfume: *Fuel for life*

2) **Сравнения**, которые используются для достижения оригинальности звучания:

Sony: Like no other

3) **Олицетворения**, с помощью которых можно создать иллюзию «живого» товара:

Citibank: *Smart money knows where to go*

4) **Ирония**, одна из самых популярных стилистических фигур, которая используются в слоганах.

Sprite: *Obey your thirst*

В-третьих, равно как лексические и синтаксические особенности языка рекламы, фонетические выразительные средства играют значительную роль в оформлении рекламного текста. К ним можно отнести использование особого ритмического рисунка, построенного за счет повторов, придающих рекламному тексту выразительность и эмоциональность.

Наиболее часто используемым фонетическим приемом при создании рекламного текста является аллитерация - повтор согласных или гласных звуков в начале близкорасположенных ударных слогов:

British Rail: *Let the train take the strain*

При оформлении печатного рекламного текста часто используют рифму, которая способствует запоминанию текста.

Gillette: *The best a man can get*

Перевод рекламных слоганов считается одним из самых сложных видов перевода. Главная проблема заключается в том, что этот вид перевода требует обязательной адаптации к социокультурным особенностям аудитории. Переводя слоганы, мы не просто копируем их, а интерпретируем их содержание.

«Характер перевода рекламного текста зависит от его направленности на определенную аудиторию: подростков, деловых людей, детей, молодых женщин и т.д. Так, согласно проведенным исследованиям, реклама, ориентированная на людей пенсионного возраста, сосредоточена, в основном, на лекарственных препаратах, предметах, пригодных для дачного хозяйства, дешевых продуктах питания. Соответственно, и перевод такой рекламы, направленной на людей преклонного возраста, не должен содержать слишком эмоциональные и навязчивые слова и выражения. "Если аудитория, для которой предназначен текст рекламируемого продукта разнообразна, то переводчики пользуются исключительно общеупотребительной лексикой, понятной каждому носителю языка и имеющей широкое применение в повседневном общении. Если же целевая аудитория однородна, то переводчики не используют в рекламном тексте слов, имеющих определенные ограничения в употреблении. Они тщательно подбирают слова, включенные в рекламный текст на предмет их стилистического соответствия выбранной теме, продукту и аудитории. В том же случае, когда рекламная кампания ориентирована на узкую однородную аудиторию, имеющую свой социальный или профессиональный метаязык,

то использование жаргонных слов и профессионализмов переводчику не только не возбраняется, но и приветствуется» [4. С.16].

Большинство рекламных слоганов передаются на русский язык при помощи традиционных лексико-грамматических переводческих трансформаций.

Часто при переводе рекламного слогана используется прием конкретизации:

Philips: *Let's make things better* - **Изменим жизнь к лучшему**

Важной лексической трансформацией при переводе слоганов является модуляция или смысловое развитие:

Harley-Davidson: *The legend rolls on* - **Легенда на колёсах**

Наиболее частотными лексическими трансформациями при переводе рекламных слоганов являются лексико-семантические замены:

Red Bull: *It Gives You Wings* - **Red Bull окрыляет**. Местоимение *it* исходного текста заменяется на существительное с названием компании в переводе.

При переводе слоганов используются следующие грамматические трансформации:

1) Дословный перевод используется редко, но все-таки есть удачные примеры:

LG: *Life is good* - **Жизнь хороша**

Subaru: *Think. Feel. Drive* - **Думай. Чувствуй. Рули**

Playstation: *Live in your world, play in ours* - **Живи в своем мире, играй в нашем**

2) Антонимический перевод:

Skoda: *It's a Skoda. Honest.* - **Шкода. Без обмана**

Adidas: *Impossible is nothing* - **Невозможное возможно**

3) Компенсация. Переводчик передает одну и ту же информацию другим способом.

Toyota: *Get the feeling* - **Создай настроение**

4) Экспликация или описательный перевод, когда при переводе полностью изменяется структура предложения:

Holiday Inn: *Relax, it's Holiday Inn* — **Забудь о делах в Холидэй Инн.**

Г.В. Порческу отмечает и то, что эффективность перевода зависит от его динамической эквивалентности оригиналу: полноценность перевода устанавливается не путём сравнения исходного текста с текстом перевода, а путём сопоставления реакции получателя переведённого текста и реакции получателя текста на исходном языке [5].

Схожее мнение высказано и С.В. Рябиной, полагающей, что «работа переводчика рекламы предполагает внимательное изучение будущего рекламного рынка, важным компонентом которого является анализ уже переведённой рекламы», которая «позволяет получить существенные сведения о культурно-специфических особенностях рекламного ландшафта нового рынка [4. С. 56].

Проанализировав рекламные слоганы импортных товаров на российском рынке, можно сделать выводы о том, что переводчики часто используют адаптацию, учитывая национальные и культурные особенности аудитории:

Carlsberg: *Carlsberg — probably the best lager in the world - Carlsberg – пожалуйста, лучшее пиво в мире.* В этом примере хоть и сохранена форма слогана, но слово лагер заменили на пиво, поскольку лагер (название, которые используют англичане для обозначения светлого пива) у нас встречаются довольно редко, да и не каждый знает, что это такое.

В некоторых случаях слоган оставляют без перевода на языке оригинала, чтобы подчеркнуть иностранное происхождение и, следовательно, качество товара:

«Volkswagen. Das Auto» «Nike. Just do it»

Такой способ, целесообразно использовать при переводе лишь кратких и максимально лаконичных слоганов, значение которых понятно большинству аудитории.

К сожалению, неудачные переводы рекламных текстов все же встречаются, причем довольно часто, а ведь от рекламы во многом зависит успех компании.

Например, российский газовый гигант «Газпром» решил сделать совместный проект с нигерийской компанией Nigerian National Petroleum Corporation. Название новому проекту придумали быстро - Nigaz. Однако, представители компании забыли учесть, что в английском языке слово nigger, а также образованное от него niggaz (мн. число), обозначает на сленге грубое название человека с темным цветом кожи, букв. - негр, черномазый.

Когда компания Kentucky Fried Chicken открыла свой первый ресторан в Пекине, то их лозунг "Так вкусно, что пальчики оближешь!" по китайски звучал буквально, как "Мы будем откусывать ваши пальцы".

Таким образом, именно слоган дает возможность передать уникальное торговое предложение и особенность рекламируемого бренда так, чтобы потребитель выбрал именно его. Слоган выполняет ряд функций, главной из которых является сообщение потребителю основной мысли компании.

Грамотный перевод английских рекламных слоганов требует большого внимания к его лексическому, грамматическому и фонетическому аспектам. Лаконичность и меткость фразы имеют большее значение, чем лексическое соответствие исходного текста и перевода.

Библиографический список

1. Б е р н а д с к а я Ю. С. *Текст в рекламе.* М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008.
2. Ш е в ч у к Д. А. *Рекламное дело. Конспект лекций.* Ростов н/Д: Феникс, 2007.

3. Федоров А. В. *Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы)*. СПб: ООО «Издательский дом «Филология три», 2002.
4. Рябинина С. В. *Передача культурного компонента рекламы при переводе* // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2009. – №3.
5. Порческу Г. В. *Лингвистические особенности рекламных слоганов и способы их перевода* // Электронный ресурс Интернет: <http://www.twirpx.com/file/490270/>
6. *Глоссарий.ру* // Электронный ресурс Интернет: <http://www.glossary.ru/>

Т.Н. Парфенова³⁰

(Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород)

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ТЕКСТОВ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ, РЕГУЛИРУЮЩИХ ЖИЗНЬ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ

Мотивацией для выбора данной темы послужила моя стажировка – включённое обучение в университете JKU в городе Линц, Австрия, где мне как иностранной студентке мне пришлось столкнуться с большим количеством документации. Кроме того, мне был интересен австрийский вариант национального немецкого языка, который сильно отличается от немецкого варианта, что будет отражено в некоторых примерах.

На сегодняшний день количество учащихся, ежегодно выезжающих с целью получения образования за рубеж, в мире достигает 5 миллионов человек и имеет тенденцию к устойчивому росту. Смысл понятия «международный студент», может варьироваться в зависимости от законодательства той или иной страны. Так, например, особую группу иностранных студентов составляют учащиеся, выезжающие на кратковременные языковые курсы (в России их насчитывается более 2 млн), а так же выезжающие на включённое обучение на семестр или два семестра, как в моём случае. Поскольку сам факт въезда и выезда часто затрагивает те или иные миграционные положения законодательства страны происхождения и страны приёма, пребывание международных студентов на территории той или иной страны часто регулируется особыми положениями.

Тексты академической тематики, регулирующие обучение иностранных студентов представляют большой интерес с точки зрения

³⁰ Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент кафедры теории и практики немецкого языка и перевода Л.А. Аверкина.

лингвистики и переводоведения: международные студенты обычно получают образование за рубежом на официальном языке страны приёма, хотя в последнее время растёт число отклонений от этой нормы, поэтому всё больший объём официально-деловых текстов данной тематики требует перевода.

Рассмотрев и проанализировав экстралингвистические и лингвистические особенности официально-деловых текстов образовательной тематики можно сделать следующие выводы:

1. По характерным признакам данные тексты академической тематики, регулирующие обучение иностранных студентов, можно отнести к официально-деловому типу текста [1; 2; 3].

2. Тексты академической тематики, регулирующие обучение иностранных студентов выполняют только информативную функцию.

3. Лексическую основу этих текстов составляет нейтральная специализированная лексика. Использование экспрессивной и разговорной лексики не выявлено.

Тексты-указания, как правило, размещены в соответствующих ресурсах и предназначены для людей, которые планируют поступать в определённый иностранный университет, интересуются направлениями подготовки и хотят найти профиль, который подходит именно для них. Такие тексты включают в себя специальную лексику, т.е. термины, связанные с образованием. Кроме того, в них используются некоторые направления подготовки и названия документов, которые не имеют аналогов в России, поэтому для перевода приходится использовать заимствованную лексику или описательный способ перевода.

В ходе работы были выделены следующие переводческие трудности на лексическом уровне: 1) перевод терминологии образовательной тематики; 2) перевод заимствованных терминов (англицизмов); 3) перевод безэквивалентной лексики; 4. перевод реалий.

1. Перевод терминологии образовательной тематики

Отличие термина от обычного слова заключается, прежде всего, в его значении. Термины выражают понятия, научно обработанные и свойственные данной конкретной отрасли науки и техники [4. С.7].

При рассмотрении образовательной тематики можно однозначно сказать, что соответствующие терминосистемы в немецком и русском, а так же во многих других языках уже устоялись благодаря интеграционным процессам современного мира и интенсивным взаимодействиям между государствами в разных сферах общественной жизни. Пример перевода терминов в текстах данного жанра:

Bevor Sie für die Zulassung zum Studium persönlich in den Zulassungsservice der Johannes Kepler Universität Linz kommen, füllen Sie das zweiteilige Formular der Online-Voranmeldung zur Datenvorerhebung aus. – Перед тем как пройти регистрацию непосредственно в приёмной комиссии JKU, заполните формуляр на сайте университета для предварительной обработки.

В данных примерах при переводе терминов мы просто используем общепринятые эквиваленты.

2. Перевод заимствованных терминов (англицизмы)

Однако не всегда термины имеют однозначный эквивалент. Следующая проблема при переводе терминологии – это большое количество заимствований, а именно англицизмов. Рассмотрим пример – название раздела: *Fast Track* - *ускоренный курс*. В этом случае при переводе слова *fast track*, заимствованного из английского языка, мы опирались, прежде всего, на значение – «*кратчайший путь, ускоренная процедура*». В данном случае речь шла об изучении языка, поэтому логичным аналогом было словосочетание «*ускоренный курс*».

А такие слова, как *Downloads* и *Links*, уже прочно закрепились как в немецком, так и в русском языке, и чтобы найти их перевод достаточно воспользоваться общим словарем.

3. Перевод безэквивалентной лексики и реалий

Наибольшую сложность в процессе перевода текстов представляет безэквивалентная лексика, которая встречается как среди терминов, так и в основном тексте, а так же реалий. В таких случаях чаще всего целесообразно применить описательный перевод, раскрывающий значение того или иного понятия. Рассмотрим пример:

Nachweis der allgemeinen Universitätsreife (z. B. Maturazeugnis, Zeugnis über die Studienberechtigungsprüfung, Berufsreifezeugnis, etc. aus Österreich). – Документ, допускающий получение высшего образования (например, аттестат МАТУРА³¹, сертификат о сдаче университетских вступительных испытаний, аттестат профессионального училища и т.д., выданные в Австрии).

В русском языке нет прямого соответствия понятию *Matura* – это европейский аналог ЕГЭ, подтверждающий получение полного среднего образования, и по успешным результатам которого выпускник зачисляется в ВУЗ. Аттестат об окончании австрийской Матуры признается всеми странами Евросоюза, а также США, варьируется лишь название. На русский язык это понятие принято не переводить. Для передачи слова используется транслитерация. В случае слова *Matura*, мы приняли решение вставить в перевод сноску с подробным объяснением этого понятия (см. сноску).

4. Переводческие трудности на грамматическом уровне

При переводе текстов-указаний трудности возникают не только из-за их лексических особенностей, но и из-за специфики их грамматической организации.

Распространенной проблемой при переводе текстов с немецкого языка на русский является перевод пассивных конструкций, типичных для

³¹ МАТУРА (австр. вар. *Matura*) - экзамен (европейский аналог российского ЕГЭ) и аттестат об окончании европейской средней школы. В немецком языке для обозначения этого же денотата используется слово *Abitur*.

языка оригинала и не так распространенных в русском языке. Здесь есть две основные возможности решения проблемы – перевод пассивной конструкции с помощью возвратного глагола и перевод предложения с помощью активного залога, то есть замена формального подлежащего [5, 6].

Рассмотрим перевод пассивных конструкций на примерах:

Es besteht eine generelle Studienbeitragspflicht, allerdings wird ein Großteil der Studierenden von der Entrichtung des Studienbeitrages befreit.- Несмотря на общую обязанность оплачивать обучение, большая часть учащихся освобождается от данного платежа.

Приведенный пример демонстрирует перевод пассивной конструкции с помощью возвратного глагола.

Nachdem Sie die Unterlagen im Zulassungsservice der Johannes Kepler Universität Linz eingereicht haben, werden diese nach inhaltlichen und formalen Kriterien geprüft.- После предоставления документов приёмной комиссии JKU данные проверяют по содержательным и смысловым критериям.

Данный пример демонстрирует перевод пассивной конструкции с помощью активного залога.

Заключение

На основе проведенного анализа проблем перевода текстов можно сделать следующие выводы:

1. При работе с текстами-указаниями для иностранных студентов в процессе обучения в австрийских вузах необходимо обладать достаточными фоновыми знаниями в области образования, а также уметь подбирать адекватные соответствия немецким терминам в русском языке.

2. При переводе заимствованных терминов необходимо учитывать степень распространенности заимствования и, исходя из этого, выбирать в качестве перевода либо заимствование, либо русскоязычное соответствие.

3. Если в тексте встречается безэквивалентная лексика, нужно стремиться передать смысл оригинала либо описательным путем, либо с помощью сходных по значению понятий и выражений русского языка, либо с помощью сносок.

4. Необходимо учитывать различия в грамматическом строе языков и стремиться выбирать при переводе те грамматические средства, которые наиболее полно и адекватно отражают заложенные в оригинал смыслы.

5. В целом перевод текстов данного типа индивидуален. Это означает, что приведенный перечень проблем перевода не является исчерпывающим, и перед переводчиком могут возникать новые и новые переводческие трудности.

Библиографический список

1. Б р а н д е с М. П. *Стилистика текста. Теоретический курс: Учебник*. 3-е изд., перераб. и доп. М: Прогресс-Традиция; ИНФРА-М, 2004.
2. Г а л ь п е р и н И. Р. *Грамматика текста*. М.: Высш. школа, 1981.
3. К о ж и н а М. Н. *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*. М.: Флинта: Наука, 2006.
4. Г р е д и н а И. В. *Перевод в научно-технической деятельности: учебное пособие*. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2010.
5. М о с к а л ь с к а я О. И. *Грамматика текста (пособие по грамматике немецкого языка для ин-тов и фак. иностр. яз.): Учеб. пособие*. М.: Высш. школа, 1981.
6. Р и з е л ь Э. Г., Ш е н д е л ь с Е. И. *Стилистика немецкого языка. Учебник для ин-тов и фак. иностр. яз.* М.: Высш. школа, 1975.

Н.В. Полторакова³²

*(Государственный социально-гуманитарный
Университет, г. Коломна)*

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ (на примере информационных компьютерных текстов)

Качественный перевод технической документации предполагает большую ответственность, так как этот вид перевода имеет определенную специфику. Эта специфика заключается в том, что неточность, которую может содержать перевод данной технической документации, нередко приводит к непониманию материала и дальнейшим ошибкам в работе на его основе. Именно поэтому важно, чтобы технический перевод документов как можно точнее передавал смысл оригинала. Перевод различной технической литературы должен в итоге быть понятным для восприятия и, естественно, обладать смысловой достоверностью.

Актуальность исследования проблемы перевода технических текстов с английского на русский язык определяется потребностями современной переводческой практики и необходимостью обеспечения точного и адекватного перевода технической документации.

Лексические и грамматические трансформации, которые применяются при переводе технических текстов, были исследованы в работах многих авторов, в частности, Л. И. Борисовой, А. Л. Пумпянского, В.Н. Комиссарова, Е. В. Бреуса, А.А.Реформатского, Т.Ю.Глушко,

³² Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации О.В. Фоменко.

А.Д.Швейцера и др. Работы этих ученых послужили теоретической базой данного исследования.

Объектом исследования и перевода с английского на русский язык является техническая инструкция «Руководство пользователя виртуальной машиной VirtualBox».

Для осуществления адекватного перевода текста, статьи, документа любого стиля необходимо знать его основные языковые особенности. Говоря о принадлежности технической документации к какому-либо функциональному стилю, стоит отметить, что только в классификации В.Н.Наера можно увидеть выделение профессионально-технического стиля в отдельный пласт, который, очевидно, пересекается и имеет общие черты с официально-деловым и научным стилями. В остальных наиболее известных классификациях (М.П. Брандес, В.И.Провоторова, И.Р.Гальперина) технические тексты относятся к функциональным подстилям научного стиля [1. С.59]. Следовательно, мы можем говорить о таких основных особенностях технического текста, как доминирование профессиональной лексики, частое использование императивных конструкций, конкретное и логичное изложение материала, высокая степень плотности информации и т.д. Все указанные особенности стоит иметь в виду при осуществлении перевода.

В рамках данной статьи мы на основе особенностей технических текстов определим трудности перевода.

Первой трудностью, с которой сталкиваешься при переводе, является наличие узкоспециализированной, профессиональной лексики. Не обладая дополнительными знаниями в нужной области, не зная значения и точных аналогов или эквивалентов слова, невозможно перевести такие понятия, как: *Hard disk controllers* (контроллеры жестких дисков), *cross-platform virtualization application* (кросс платформенное приложение виртуализации), *Cloud environments* (облачное окружение), *container* (хранилище), *host* (компьютер), *snapshots* (снимки состояний), *guest* (гостевая система), *x86 operating system* (операционные системы архитектурой x86), *seamless windows* (режим интеграции рабочего стола), *multiscreen resolutions* (универсальная поддержка разрешений), *clean architecture* (прозрачная архитектура), и др.

Следующая трудность, которая обуславливается такой особенностью технического текста как высокая степень плотности информации, это наличие большого количества сокращений и аббревиатур, при переводе которых необходимо или находить общепринятое сокращение на русском языке, или переводить описательным переводом, или давать расшифровку в сноске, или оставлять английскую аббревиатуру. Последний способ возможен, при условии, если известно, что реципиент обладает необходимыми фоновыми знаниями. Например:

1. VM – Virtual Machine – виртуальная машина/ВМ.

2. *CPU* – Central processing unit – ЦПУ – Центральное процессорное устройство. В руководстве приемлем вариант ЦПУ, так как это устойчивое сокращение.

3. *I/O* – Input Output – Ввод-вывод. Приемлем вариант только Ввод-вывод.

4. *APIC* – Advanced Programmable Interrupt Controller – улучшенный программируемый контроллер прерываний. В переводе можно оставить APIC, и, при необходимости, дать расшифровку с переводом в сноске.

5. *ACPI* – Advanced Configuration and Power Interface – усовершенствованный интерфейс управления конфигурацией и питанием. В переводе можно оставить ACPI, и, при необходимости, дать расшифровку с переводом в сноске.

6. ***SDK* – software development kit – набор средств разработки программного обеспечения. Перевод возможен только описательным методом.**

7. *RDP* – Remote Desktop Protocol – протокол удаленного рабочего стола. **Перевод возможен только описательным методом.**

8. *SCSI* – Small Computer System Interface – системный интерфейс для малых компьютеров (произносится как «скази»). Переводим либо описательным методом, либо оставляем английскую аббревиатуру.

9. *AMD* – Advanced Micro Devices – передовые микроустройства (дословный перевод). Переводим либо описательным методом (производитель интегральной микрочиповой электроники), либо оставляем английскую аббревиатуру.

Переходя к большим лексическим единицам, таким как словосочетания, следует сказать о трудности перевода двухкомпонентных и многокомпонентных терминов.

Проблемы, возникающие при переводе английских многокомпонентных терминов на русский язык, связаны, главным образом, с различием в строе этих языков. В английском языке – аналитическом – компоненты терминов связаны между собой позиционно, без морфологического оформления зависимостей. В русском языке – синтетическом – компоненты должны быть связаны не только позиционно, но и морфологически, при помощи падежных окончаний.

Наиболее простым случаем является перевод таких терминов, где каждый препозитивный компонент может рассматриваться как определение к опорному – главному слову в словосочетании. Такой способ перевода получил название «поэлементного» или «пословного» [2. С.42-43]. Примерами использования этого способа перевода могут являться следующие: *guest operating systems* – «гостевые операционные системы», *clean architecture* – «прозрачная архитектура», *graphical user interface* – «графический пользовательский интерфейс», *high-performance remote access* – «полноценный удаленный доступ», *supported operating systems* – «поддерживаемые операционные системы» и др.

В более сложных случаях используется генитивная модель перевода, т.е. определяющее существительное переводится постпозитивным существительным в родительном падеже: *file and image formats* – «форматы файлов и изображений», *special software packages* – «пакет программных приложений», *command line program* – «программа командной строки». Иногда при переводе может потребоваться перестановка компонентов термина: *virtual storage slots* – «виртуальные устройства хранения», *Open Virtualization Format* – «формат открытой виртуализации». Иногда в переводе необходимо добавить предлог: *disaster recovery* – «восстановление после сбоев», *Intel or AMD-based computers* – «компьютеры на системе Intel или AMD».

Л.И. Борисова в своей книге «Лексические особенности англо-русского научно-технического перевода» выявила шесть типов определенных закономерных лексических преобразований при переводе с английского на русский язык, которые использовались нами при переводе руководства:

1. терминологизация английской лексики при переводе;
2. специализация английской лексики при переводе;
3. деинтернационализация общенаучной интернациональной лексики при переводе;
4. лексическая унификация переводных эквивалентов в англо-русском научно-техническом переводе;
5. экспликация имплицитности значений английских средств при переводе;
6. стилистическая нейтрализация стилистически окрашенных лексических [3. С.29].

Терминологизация английской лексики в переводе означает замену английского слова русским словом, имеющим более узкое терминологическое значение. В процессе такого преобразования происходит терминологизация общенаучных слов. В таких случаях мы должны исключить либо сильно ограничить возможности варьирования переводными эквивалентами. Терминологизироваться в англо-русских переводах могут различные части речи: глаголы, существительные, прилагательные, наречия. Например: *When the document is complete and you have added your signature or initials, click Send Signed Document in the Sign pane.* - По завершении работы с документом и добавлению подписи, нажмите «Отправить подписанный документ» на панели «Подписание».

To check the status of protected mode, choose File > Properties > Advanced > Protected Mode. - Для проверки состояния защищенного режима, выберите «Файл» > «Свойства» > «Дополнительные» > «Защищенный режим».

Deleting a link in the Tracker does not delete the PDF file. – При удалении ссылки из инспектора файл PDF не удаляется.

Под специализацией лексики понимается замена общенаучного английского слова соответствующим русским словом, имеющим более

специальное (научное) значение. Такие русские эквиваленты могут иметь более узкое или более широкое значение по сравнению с соответствующим словом оригинала, но в любом случае это значение является более специализированным. Такие эквиваленты отражают содержание соответствующих английских слов в форме, характерной для способа выражения научно-технической мысли в русском языке.

Например: *Click a message to get information about features, updates, or online services, or to open an element in the application, such as a task pane.* - *Нажмите на сообщение, чтобы получить информацию о характеристиках, обновлениях или сетевых услугах, или чтобы открыть элемент в приложении в области задач.*

You can choose from a small selection of signature styles. – *Вид подписи можно изменить, воспользовавшись коллекцией стилей.*

... click the Start... – *нажмите кнопку «Пуск».*

Процессу деинтернационализации подвергаются только английские общенаучные слова (слова-термины здесь не затрагиваются). Эта закономерность выделяется в связи с тем, что частотность употребления интернациональных слов в языке науки и техники весьма высока. При переводе на русский язык английские общенаучные интернационализмы, как правило, заменяются русскими не интернациональными словами, то есть происходит их переводческая деинтернационализация.

Не знание русских эквивалентов интернациональных слов и перевод по «схожести их графической или фонетической формы» с русскими словами, часто приводит к ошибкам в переводе: нарушению смысла высказывания или нарушению стилистической нормы языка перевода. Многие интернациональные слова во избежание ошибок выделяют в особую группу так называемых «ложных друзей переводчика». Среди них встречаются такие слова как: analysis, candidate, critical, originally, history, pioneer, revolutionary, practical, (to) signal, historically, traditionally, etc. При переводе подобных слов переводчик нередко дает интернациональное значение, забывая о том, что в плане содержания полное отождествление параллельных интернациональных слов бывает далеко не всегда. Практически все английские общенаучные интернационализмы многозначны. По сравнению с параллельными русскими интернационализмами они обладают значительно большим количеством значений. Нередко одно или несколько значений английского интернационализма полностью совпадают с параллельным русским, остальные же значения расходятся.

Пример: *EchoSign is an online service...* – *EchoSign — это сетевая служба...*

To allow data to load from a website - *Чтобы разрешить загрузку данных с веб-сайта*

At the top of the PDF, use options in the Stamps palette and the document message bar to approve or reject the document. - *В верхней части документа*

находятся панель «Штампы» и панель сообщений документа. Воспользуйтесь ими для утверждения или отклонения документа.

Лексическая унификация переводных эквивалентов в англо-русском научно-техническом переводе заключается в ограниченном использовании русских переводных эквивалентов для передачи разнообразных лексических средств английских научно-технических текстов, то есть, одно и то же русское слово может быть эквивалентом для многих английских понятий.

Особенно ярко процесс унификации лексики заметен у глаголов. Для глаголов такими «общими знаменателями», к которым сводится разнообразие переводных соответствий, являются следующие русские переводные эквиваленты: выполнять, осуществлять, реализовывать, использовать, применять, способствовать, обеспечивать, обуславливать, иметь, содержать, входить, быть предусмотренным, получать, давать, учитывать, быть связанным, приводить к, определять и некоторые другие. Если какое-нибудь из этих русских слов не является устойчивым эквивалентом соответствующего английского глагола, то оно весьма часто встречается у нерегулярных эквивалентов.

Приведем примеры: Эквивалент «отображать» является вариантом передачи на русский язык таких английских глаголов, как show, appear, indicate и другими в зависимости от контекста.

The Tracker shows who has joined a review and how many comments each person has published. – В окне «Инспектор» отображается список участников рецензирования и количество опубликованных комментариев.

When the Completed message appears in the Tools pane, click Save Converted File - При отображении сообщения о завершении на панели «Инструменты» нажмите «Сохранить конвертированный файл».

Эквивалент «устанавливать» встречается при передаче таких английских глаголов, как apply, use, install, etc.

Some documents have security applied that prohibits electronic signatures. – На некоторых документах могут быть установлены настройки безопасности, запрещающих добавление электронной подписи.

... the product you have installed... – версия установленной программы

Также часто встречается унификация существительных. Например, эквивалент «программа» в работе использовался для program и application.

What to do if the program doesn't work properly? – Что делать, если программа не работает надлежащим образом?

The Snapshot tool copies an area as an image that you can paste into other applications. – Инструмент «Снимок выделенной области» помогает сделать копию для вставки в другие программы.

Причиной перевода такими регулярными эквивалентами заключается, по-видимому, в том, что в определенных контекстах различные по своей нормативной семантике слова используются в аналогичных функциях и приобретают идентичное содержание. В таких контекстах актуализируются какие-то общие семантические

характеристики, возможно, потенциально заложенные в семантике слов, которые, однако, в явном виде находят свое отражение при переводе на другой язык.

Экспликация имплицитности значений английских средств при переводе на русский язык подразумевает разъяснение, интерпретацию, чтобы русский перевод соответствовал требованиям русского научно-технического текста. Например: *Share Files Using SendNow Online – Общий доступ к файлам с помощью SendNow Online (сервисом отправки документа по электронной почте)*

If the document contains scanned text in another language, click Change, select the language in the OCR Settings dialog box, then click OK. - Если документ содержит отсканированный текст на другом языке, нажмите «Изменить», выберите язык в диалоговом окне «Настройки OCR» (оптического распознавания символов), затем нажмите кнопку «OK».

Стилистическая нейтрализация стилистически окрашенных лексических средств в английском научно-техническом тексте используется в связи с тем, что в русских научно-технических текстах информация передается нейтральными лексическими единицами.

К таким стилистически окрашенным элементам относятся эмоционально окрашенные прилагательные, усилительные наречия и пр., такие как *excellent, exciting, fascinating, graceful, impressive, intriguing, attractive, smart, striking, remarkable, remarkably, extremely, drastically, perfectly, severely, very, etc.* Для большинства из подобных слов можно выявить и дать конкретные переводные эквиваленты.

Наречие *extremely*, например, регулярно передается на русский язык не своими словарными эквивалентами «крайне», «чрезвычайно», «в высшей степени», в нижеприведенном контексте мы перевели это наречие прилагательным «четкий».

Например: *VirtualBox has an extremely modular design with well-defined internal programming interfaces. – VirtualBox имеет четкую модульную конструкцию с определенными внутренними интерфейсами программирования и разделением кода клиента и сервера.*

Английское “desired” (желаемый) передается нейтральным «необходимый»:

In the Messages From Adobe section, select options as desired. - В разделе Сообщения от Adobe пометьте необходимые функции.

Иногда также встречается нейтрализация глагола, например:

To jump to areas of interest... – Для перехода в определенное место документа...

Таким образом, мы рассмотрели некоторые трудности при переводе технического текста, связанные исключительно с лексическим уровнем. К основным трудностям можно отнести:

1. наличие специальных терминов, при переводе которых необходимо пользоваться традиционными способами перевода, такими как

беспереvodное заимствование, транскрибирование или транслитерация, калькирование, описательный перевод;

2. наличие аббревиатур, перевод которых корректируется в зависимости от типа реципиента (если специалист, обладающий фоновыми знаниями, то возможен вариант беспереvodной передачи аббревиатуры; если широкий реципиент, то необходим описательный перевод);

3. наличие многокомпонентных терминов, перевод которых проводится согласно определенным моделям;

4. многозначность английской лексики, что обуславливает необходимость наличия контекста для выбора правильного варианта.

Также при переводе технической документации стоит учитывать и применять основные лексические закономерности, предложенные Борисовой Л.И., которые могут существенно помочь в решении переводческих задач и достижения адекватности в переводе.

Библиографический список

1. Ц а т у р о в а И. А., К а ш и р и н а Н. А. *Переводческий анализ текста. Английский язык: Учебное пособие с методическими рекомендациями*. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Перспектива, Изд-во «Союз», 2008.
2. М и х а й л о в а В. И. *Структура многокомпонентных терминов химии и их перевод с английского языка на русский*. Л.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1991.
3. Б о р и с о в а Л. И. *Основные лексические закономерности англо–русского научно–технического перевода*. М, 2000.
4. П у м п я н с к и й А. А. *Введение в практику перевода научной и технической литературы на английский язык*. М, 1965.
5. Н а е р В. Л. *К описанию функционально-стилевой системы современного английского языка // Лингвостилистические особенности научного текста*. М., 1981.
6. Б р а н д е с М. П., П р о в о т о р о в В. И. *Предпереводческий анализ текста (для институтов и факультетов иностранных языков): Учеб пособие*. 3-е изд., стереотип. М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2001.
7. Г а л ь п е р и н И. Р. *Очерки по стилистике английского языка*. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958.

Словари и справочная литература

1. *Лингвистический энциклопедический словарь* / Гл. ред. В.Н.Ярцева, М.: Сов. энциклопедия, 1990.
2. М ю л е р В. К.. *Большой англо-русский словарь в новой редакции*. М.: Цитадель-трейд, 2008.

Электронные ресурсы

1. *Oxford Dictionary Online.* Электронный ресурс:
<http://www.oxforddictionaries.com>
2. *Macmillan Dictionary Online.* Электронный ресурс:
<http://www.macmillandictionary.com>
3. *Приложение.* Электронный ресурс:
<https://www.virtualbox.org/manual/UserManual.html>

Д.А.Преснякова³³

(Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород)

ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДИМОСТИ (ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

О проблеме переводимости учёными-переводоведами было сказано уже довольно много. Тем не менее, споры о переводимости ведутся до сих пор. Так что же такое переводимость? В целом её можно рассматривать как возможность перевода в принципе и как возможность нахождения эквивалентов в исходном и переводящем языке. То есть при межкультурной коммуникации перед переводчиком стоит задача: решить, переводим ли текст и, если переводим, то в какой степени. Так как в ситуации межкультурного общения переводчик выступает в роли посредника, он должен уметь поддержать «баланс» культур. А это, несомненно, зависит от его компетенции. Он должен обладать достаточным (для перевода) количеством фоновых знаний как о родной культуре, так и о культуре иностранного языка, независимо от того, в какую сторону осуществляется перевод.

При взаимодействии с текстом, написанным представителем иной культуры, переводчик может столкнуться с проблемой неправильного понимания фрагментов текста, в которых отражена национальная специфика культурного сообщества. Результатом этого может стать неправильное понимание самой идеи текста. В процессе своей работы переводчик стремится добиться максимально возможного соответствия текста оригинала и текста перевода, чтобы они оказывали одинаковое (насколько это возможно) воздействие на получателей перевода, несмотря на их принадлежность к различным культурам.

³³ Научный руководитель – канд. филол. наук, профессор кафедры теории и практики английского языка и перевода О. В. Петрова.

В переводоведении существует три подхода (концепции) к проблеме переводимости:

1. концепция полной переводимости;
2. концепция полной непереводимости;
3. концепция частичной (неполной) переводимости.

Суть первой теории состоит в том, что окружающая действительность едина для всех народов и культур и, следовательно, более или менее полно отражена во всех языках. Это означает, что описание того или иного действия или явления на одном языке может быть выражено средствами другого языка, т.к. представители разных культур мыслят примерно одинаковыми категориями.

Вторая теория основана на идее В. фон Гумбольта, который утверждал, что каждый отдельный язык выражает «дух», свойственный только этому народу [1; 2]. Считается, что именно он ввёл понятие языковой картины мира, т.е. совокупности представлений об окружающем мире у той или иной языковой общности, преломляющихся через призму культуры.

Идею полной непереводимости поддержали Б. Уорф и Э. Сепир, которые в 30-х годах XX века разработали гипотезу лингвистической относительности (см. [3]). Главная идея этой гипотезы состояла в том, что процессы восприятия и мышления человека обусловлены категориями данного языка. Это тезис, согласно которому существующие в сознании человека системы понятий, а, следовательно, и существенные особенности его мышления определяются тем конкретным языком, носителем которого этот человек является. Другими словами то, что выражено на одном языке, не может быть передано средствами другого языка.

Обе эти концепции недостаточно полно отражают реальную ситуацию перевода. Язык перевода – это иная система, нежели язык оригинала. Объективно он не в состоянии передать полно и точно содержание оригинала без потерь. Реальная же ситуация может служить основанием концепции неполной переводимости. Эта концепция опирается на утверждение о том, что при межкультурной коммуникации информация передается лишь частично. В целом же её идея такова: языковые картины мира, присущие каждому отдельному народу, одновременно имеют и сходства, и различия.

Если говорить о факторах, которые препятствуют полной переводимости, то они бывают двух типов:

- 1) сугубо лингвистические ограничения;
- 2) ограничения, выходящие за пределы лингвистики и определяемые различиями между двумя культурами.

Пример неполной переводимости приводит А.Д. Швейцер: текст рекламы сигарет «Winston», BAD GRAMMAR, GOOD TASTE. Казалось бы, текст оригинала не представляет никаких сложностей при поиске эквивалентов в ПЯ и дальнейшем переводе. Но он, скорее всего, не будет понятен представителю другой страны (не Америки) даже при наличии

семантически точного перевода (ПЛОХАЯ ГРАММАТИКА, ХОРОШИЙ ВКУС). Посыл данного текста будет понятен только американцу, видевшему предыдущий слоган WINSTON TASTES GOOD, LIKE A CIGARETTE SHOULD, в котором вместо LIKE следовало бы употребить AS [4].

Еще один интересный пример приводит О.В. Петрова: перевод книги Л. Кэрролла “Алиса в стране чудес”, сделанный В.В. Набоковым. При переводе он адаптировал книгу для русскоязычного читателя (в том числе изменив имя английской Алисы на русское Аня).

По мнению О.В.Петровой, в плане непереводимости весьма показателен следующий диалог между Алисой (Аней) и Чепухахой:

“We had the best of educations: in fact, we went to school every day...” “I’ve been to a day-school, too”, said Alice, “you needn’t be so proud as all that”. “With extras?” asked the Mock Turtle a little a little anxiously. “Yes”, said Alice, “we learned French and music.” “And washing?” asked Mock Turtle. “Certainly not!” said Alice indignantly. “Ah! then yours wasn’t a really good school,” said the Mock Turtle in a tone of great relief. “Now at ours they had at the end of the bill, ‘French, music, and washing – extra’.” “You couldn’t have wanted it much,” said Alice; “living at the bottom of the sea.” “I couldn’t afford to learn it,” said the Mock Turtle with a sigh. “I only took the regular course.”	– Мы получали самое лучшее образование – мы ходили в школу ежедневно. – Я это тоже делала, - сказала Аня. – Нечего вам гордиться этим. – А какие были у вас предметы? – спросила Чепухаха с легкой тревогой. – Да всякие, - ответила Аня, - география, французский... – И поведенье? – осведомилась Чепухаха. – Конечно нет! – воскликнула Аня. – Ну так ваша школа была не такая хорошая, как наша, - сказала Чепухаха с видом огромного облегчения. – У нас, видите ли, на листке с отметками стояло между прочими предметами и “поведенье”. – И вы прошли это? – спросила Аня. – Плата за этот предмет была особая, слишком дорогая для меня, - вздохнула Чепухаха. – Я проходила только обычный курс.

В русском переводе недоумение у читателя вызывает буквально все: и то, что ежедневное посещение школы – это показатель высокого уровня образования; и то, что поведение попадает в число предметов; и то, что Аню удивляет сам факт оценки по поведению; и то, что поведение можно не только проходить, но и не проходить? так как оно является

дополнительным предметом. Разговор воспринимается как образец абсурда, нонсенса.

В оригинале же Алиса говорит, что она ходила в day-school (т.е. не в boarding school, она в школе не жила, а ходила туда каждый день из дома). Когда же Mock Turtle интересуется: “With extras?”, между ними возникает непонимание. Алиса воспринимает вопрос как относящийся к дополнительным, необязательным предметам (we learned French and music), тогда как Mock Turtle перечисляет все то, за что взималась отдельная плата: дополнительные предметы и дополнительные услуги – возможность сдавать белье в стирку. В переводе же полностью теряется злая ирония автора по поводу того, что дополнительные «образовательные» и «необразовательные» услуги в школах-пансионатах попадают в один ряд. И вызвано это, по мнению О.В.Петровой, не только и не столько тем, что переводчик не сумел передать языковую игру, сколько тем, что русскоязычному читателю незнаком сам предмет осмеяния, Именно в этом случае возникает подлинная непереводаемость, вызванная тем, что языковая игра имеет национально-культурную внеязыковую опору. Для понимания текста читатель должен знать стоящие за ним реалии [5].

Большое внимание изучению прагматического аспекта перевода уделил немецкий лингвист и теоретик перевода А. Нойберт. Он предложил теорию переводческой эквивалентности, в основе которой лежит принцип сохранения прагматики текста оригинала. По его мнению, прагматика включает в себя стилистику, но при этом противопоставляется грамматике и семантике. Задача перевода — сохранить прагматические отношения, даже если при этом могут потребоваться изменения в самом сообщении.

Так как А.Нойберт считает, что эквивалентность текстов ИЯ и ПЯ зависит, в первую очередь, от прагматики, а грамматика и семантика относятся уже к каждому отдельному языку, то в связи с этим возникает вопрос: возможно ли сохранение прагматики в тексте ПЯ, и, если возможно, то в какой степени?

Он выделил четыре типа текстов (и, соответственно, четыре типа прагматических отношений), различающихся по степени переводимости:

1 тип: тексты ИЯ и ПЯ, имеющие общие цели и основанные на общих потребностях. К таким текстам он относит, например, научную и техническую литературу, рекламные объявления. С прагматической точки зрения такие тексты имеют высокую степень переводимости.

2 тип: тексты, предназначенные для аудитории ИЯ. Это тексты законов, общественно-политическая литература, местная пресса, объявления. Нойберт считает, что такие тексты принципиально непереводаемы из-за специфики прагматических отношений.

3 тип: художественная литература. Как утверждает Нойберт, степень переводимости художественных текстов зависит от их жанра.

4 тип: тексты на ИЯ, которые изначально были предназначены для аудитории ПЯ. Он считает, что такой тип текстов обладает высокой степенью переводимости [6].

Таким образом, из всего вышесказанного можно сделать вывод, что сам факт вполне успешного межкультурного (межъязыкового) общения через перевод доказывает несостоятельность теории полной непереводимости, а причины неполной переводимости носят национально-культурный характер, т.к. представители той или иной языковой общности имеют присущее только им мировоззрение и мироощущение. Наличие разных в прагматическом отношении типов текстов заставляет говорить о том, что проблема переводимости должна и может решаться по-разному в применении к текстам разных типов.

Библиографический список

1. Г у м б о л ь д т В. *Избранные труды по языкознанию*. М.: Прогресс, 1984.
2. Г у м б о л ь д т В. *Язык и философия культуры*. М.: Прогресс, 1985.
3. З в е г и н ц е в В. А. *Теоретико-лингвистические предпосылки гипотезы Сепира-Уорфа* // Новое в лингвистике. Вып. I. М., 1960.
4. Ш в е й ц е р А. Д. *Перевод и лингвистика*. М., 1973.
5. П е т р о в а О. В. *Еще раз о проблеме переводимости* // Чествуя филолога. К семидесятилетию Ф.А.Литвина: Сб. статей. Орел, 2002.
6. Н о й б е р т А. *Прагматические аспекты перевода* // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике: Сб. статей. М.: Междунар. отношения, 1978.

С.В. Пшеничная³⁴

(Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород)

РЕЧЕВАЯ АГРЕССИЯ: КАК ДЕЙСТВОВАТЬ ПЕРЕВОДЧИКУ?

Словарь русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой толкует абстрактное понятие «агрессия», прежде всего, как «незаконное с точки зрения международного права применение вооружённой силы одним государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства». Второе, переносное значение этого слова, на котором и хотелось бы остановиться, фиксируется как «открытая неприязнь,

³⁴ Научный руководитель – канд. пед. наук, доцент кафедры теории и практики французского языка и перевода А.Н. Панова.

вызывающая враждебность» [1. С.18]. Атрибутом *«речевая»* достигается сужение этого денотата, выделяется его отнесённость к говорению, способности пользоваться языком слов. [2. С.690].

Согласно Ю.В. Щербининой, *«в самом общем виде»* это понятие можно определить как *«обидное общение»* и *«словесное выражение негативных эмоций, чувств или намерений в оскорбительной, грубой, неприемлемой в данной речевой ситуации форме»* [3. С.4]. Таким образом, автором разделяются агрессивное речевое поведение и агрессивная речевая деятельность – две разновидности вербальной агрессии. При этом подчёркивается, что большую угрозу несёт в себе именно второй тип, являясь осмысленным и преднамеренным [3. С.5].

Употребление ругательств и вульгаризмов, по словам автора, представляет собой, в первую очередь, проявление низкого уровня культуры человека. Также отмечается, что эти единицы речи могут сами по себе не выражать агрессии, однако создают *«грубо-неприемлемую тональность речи»* [3. С.7].

Н.С. Якимова в публикации *«Вербальная агрессия как актуальный феномен современного общества»* приходит к аналогичным выводам и добавляет, что такое поведение всегда является нарушением коммуникативной нормы. Ей выделяются следующие причины вербальной агрессии:

- 1) провокационные действия со стороны объекта агрессии, (в т.ч. – агрессивное речевое поведение);
- 2) неприемлемое для коммуникатора поведение объекта агрессии, т.е. нарушение им норм общения;
- 3) низкий уровень речевой и коммуникативной культуры автора высказывания;
- 4) изначальная враждебность к объекту в силу субъективных и ситуативных факторов [4. С.186].

Для нас не составляет особого труда смоделировать ситуацию, в которой коммуниканты сталкиваются с проявлениями речевой агрессии. Испытывая потребность дать выход накопившимся негативным эмоциям и усталости, мы можем агрессивно среагировать на кажущуюся нам бесконечной очередь в магазине, громко возмущаясь и позволяя себе нападки в адрес продавца или других покупателей. Возмущённые спортивные фанаты стремятся наиболее выразительно и вместе с тем предельно понятно передать личное сомнение в компетентности судьи. Дети и подростки достаточно часто используют подобное вербальное поведение для укрепления своего авторитета в коллективе и повышения самооценки. Яростно отстаивая в споре свою точку зрения и видя, что собеседник отнюдь не спешит соглашаться, коммуникант, за неимением иных, соответствующих нормам общения аргументов, может прибегнуть к средствам речевой агрессии.

Как видно из примеров, агрессивное поведение встречается в самых разнообразных ситуациях, и оно может быть вызвано целым рядом

причин. Одним из её вариантов может стать и коммуникативная ситуация с использованием перевода. Бесспорно, чем бы ни была вызвана вербальная агрессия, она делает ситуацию нестандартной и ставит под угрозу успех коммуникации в целом. Каким же образом это влияет на деятельность переводчика?

Чтобы дать ответ на этот вопрос, стоит, прежде всего, обратиться к тому, что подразумевается под понятием *перевод*.

Р.К. Миньяр-Белоручев описывал его как «*вид речевой деятельности*», цель которого заключалась в «*передаче сообщения в тех случаях, когда коды, которыми пользуются источник и получатель, не совпадают*» [5. С.136].

В.Н. Комиссаров определял перевод как «*вид языкового посредничества, при котором на переводящем языке создаётся текст, коммуникативно-равноценный оригиналу, причём его коммуникативная равноценность проявляется в его отождествлении Рецепторами перевода с оригиналом в функциональном, содержательном и структурном отношении*» [6]. То есть, результат перевода – текст на другом языке – должен выступить в качестве коммуникативного аналога оригинального текста.

Рассматривая перевод как вид языкового посредничества, уместно говорить о переводчике как о межкультурном посреднике, так как невозможно воспринимать язык вне контекста культуры его носителей. Переводчик как участник общения служит своеобразным «мостиком» между представителями разных культур. В работе переводчика, как отмечает Р.К. Миньяр-Белоручев, главное – найти в исходном тексте информацию, предназначенную для передачи и представить её адресату в доступном для него виде. Из этого следует основная, по мнению автора, функция переводчика – коммуникативная. Хочется отметить, что отдельно выделяется идеологическая функция. Под ней подразумевается то, как переводчик учитывает «*мировоззренческий аспект речевого произведения и лексический фон слов*». Автором приводится такой пример: «содержание слов коммунизм, капитализм, демократия и пр. интерпретируется по-разному в социалистических и капиталистических странах, среди предпринимателей и рабочих» [7. С.110]. Вместе с тем, как подчёркивает Р.К. Миньяр-Белоручев, эта функция подчинена основной, будучи как бы «вплетена в неё».

Отмечая специфичность «лексического фона слов» в каждой культуре, приходим к выводу, что замена последовательности языковых единиц в исходном тексте на языковые единицы переводящего языка не позволяет достичь передачи сообщения. Именно с такой позицией выступили Д.Селескович и М. Ледерер, сформулировав интерпретативную теорию перевода. В книге под названием «Интерпретировать для того, чтобы переводить» («*Interpreter pour traduire*», 1987) авторы утверждают, что переводчик должен осуществлять передачу не значений слов, используемых в сообщении, но смысла, стоящего за ними [8]. Таким

образом, имеет место «отстранение» от исходного языка, процесс девербализации.

Переводовед В.Н. Комиссаров выступил с критикой интерпретативного подхода, обратив внимание на его слабые стороны, в числе которых он называет: «преувеличение роли интуитивно-непосредственного в речи»; неверное представление о смысле высказывания и роли языка в его создании; а также необоснованное позиционирование устного перевода как наиболее подходящего для полной передачи содержания оригинала [7. С.249]. Тем не менее, данная концепция получила широкую поддержку у теоретиков и практиков перевода.

Обобщим вышесказанное:

- 1) Перевод – вид межкультурной коммуникации;
- 2) Главная задача переводчика как посредника – обеспечить осуществление этой коммуникации;
- 3) При переводе целесообразно ориентироваться на смысл высказывания, прибегая к девербализации исходного текста.

Как уже упоминалось ранее, речевая агрессия, возникшая по той или иной причине (или же в результате их наложения) делает переводческую ситуацию нестандартной или «экстремальной», как её называют А.В. Селяев и В.В. Сдобников. Авторы определяют её следующим образом: *«это ситуация межъязыковой коммуникации при посредничестве переводчика, экстремальный характер которой обусловлен субъективными, ситуативными факторами»* [9. С.36]. Под такого рода факторами понимаются как «своеобразные отношения между коммуникантами», эмоциональное состояние и «личностные особенности каждого из них», так и «неофициальный характер общения». Перед переводчиком, по словам авторов, в экстремальной ситуации ставятся «особые, специфические задачи». Так, стремясь передать интенцию говорящего, переводчик фильтрует и адаптирует текст, выполняет «корректировочную функцию», способствуя успеху коммуникации [9. С.37].

В качестве примера В.В. Сдобников и А.В. Селяев приводят случай того, как иностранный гость, будучи недовольным программой пребывания, «разразился бешеной тирадой и в выражениях при этом не стеснялся». Переводчик, как пишут авторы, передал основную мысль гостя, который не желал унижить и оскорбить собеседников, не заостряя внимания на явных элементах вербальной агрессии. Как итог – достигнутый коммуникативный эффект и предотвращённый скандал [9. С.36].

Экспрессивность речи иностранца, его «смелые высказывания» были вызваны потребностью в разрядке, снятии эмоционального напряжения. Во многом схожий пример можно найти в переводческой практике Р.К. Миньяр-Белоручева. На совещании руководителей коммунистических партий в 1959 году, куда съехались в Москву делегации со всего мира,

представитель Албании и её коммунистический лидер, Энвер Ходжа резко раскритиковал политику Никиты Сергеевича Хрущёва. Оратор был возмущён и недоволен сокращением помощи от компартии Советского Союза его государству, пожелавшему прокладывать самостоятельный политический курс. Когда слово перешло к Н.С. Хрущёву, тот, начав выступление с уже едва сохраняемым спокойствием, к его завершению потерял самообладание и «взорвался окончательно», обвиняя Э. Ходжу в «чёрной неблагодарности» в самых аффективных выражениях. Находившийся в этот момент в будке синхрониста Р.К. Миньяр-Белоручев после запинки произнёс вариант, по его словам, «значительно меньшей по резкости тональности». После, во время перерыва в заседании переводчика поблагодарили за работу, так как «он [Н.С. Хрущёв] не хотел, чтобы его грубые выражения звучали на всех языках» [5. С.19].

Подведём итог. Переводчик, воспринимаемый как промежуточное звено в межкультурной коммуникации, осуществляет передачу смысла, интенции высказывания от автора (носителю исходного языка) получателю (носителю переводящего языка). Для достижения своей цели, то есть, выполнения основной переводческой задачи, он при необходимости выполняет корректировку исходного текста и его адаптацию для адресата. Такая необходимость может быть продиктована речевой агрессией со стороны коммуникантов.

Библиографический список

1. *Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений* / Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. М.: ООО «А ТЕМП», 2013.
2. *Толковый словарь русского языка. Современная редакция* / Ушаков Д.Н. М.: ООО «Дом Славянской книги», 2011.
3. Щ е р б и н и н а Ю. В. *Русский язык. Речевая агрессия и пути её преодоления*. М.: Флинта, 2004.
4. Я к и м о в а Н. С. *Вербальная агрессия как актуальный феномен современного общества*. // Вестник Кемеровского государственного университета. Кемерово. – 2011. - № 1 (45).
5. М и н ь я р – Б е л о р у ч е в Р.К. *Как стать переводчиком?* М.: Стела, 1994.
6. К о м и с с а р о в В. Н. *Теория перевода (лингвистические аспекты)* // Электронный ресурс Интернет:
7. http://www.classes.ru/grammar/43.Teoriya_perevoda_Lingvicticheskiye_aspekty/html/unnamed_12.html
8. С д о б н и к о в В. В., П е т р о в а О. В. *Теория перевода (учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков)*. М.: АСТ: Восток-Запад, 2006.
9. К о м и с с а р о в В. Н. *Общая теория перевода* // Электронный ресурс Интернет:

10. http://www.classes.ru/grammar/113.komissarov_obshaya_teoriya_perevo da/html/3_2.html

11. С д о б н и к о в В. В. *Теория перевода: Учебно-методические материалы для самостоятельной работы студентов*. Н.Новгород: НГЛУ им. Н.А.Добролюбова, 2004.

Э.И. Сахратова³⁵

(Казанский Федеральный университет,
г. Казань)

ОСОБЕННОСТИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО И НАУЧНО- ПОПУЛЯРНОГО ПЕРЕВОДОВ

Французская стилевая система, в отличие от русской, характеризуется подвижностью ее элементов. В отличие от строго и логического изложения текстов научного содержания, французскому научно-профессиональному стилю характерны тенденция языкового «анимизма», наличие метафор и перенос смысла [1].

Если в русском языке есть четкое разграничение между речевыми жанрами, то во французском языке стили имеют свойство взаимопроникать друг в друга. Например, многие медицинские термины вошли со временем в лексику экономических текстов: **la sclérose** – застой, **l'amputation** – урезание, сокращение, **l'hémorragie** – утечка финансов. Часто в тех же экономических материалах присутствует олицетворение явлений: **marché en pleine euphorie, le dollar se redresse, se relève, dègringole** [2].

Однако для обеих научных стилиевых систем характерна *безличность, формально-логическое изложение, соответствие повествования нейтральной норме языка (нейтральная норма языка – нейтральный способ выражения коммуникативными единицами, лишенными стилистической окраски; она несет только нейтрально-информативную функцию), наличие преимущественно латинской и греческой терминологии*, но в последнее время прослеживается тенденция распространения терминов-англицизмов [1].

Научно-технические и научно-популярные тексты не направлены на эмоциональность. Их основная задача – точное и ясное описание и объяснение фактов. Поэтому и переводчик таких материалов должен соблюдать стилевые правила научного текста. Часто переводы научной литературы характеризуются буквализмом, в них отсутствует вольность, и переводчику нежелательно добавлять что-то от себя или удалять.

³⁵ Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент кафедры европейских языков и культур А.В. Агеева.

Это может привести к аморфности изложения и к логическим ошибкам. Например:

Гормоны гипофиза стимулируют другие железы [3].

В данном предложении отсутствует дополнение в нужном падеже, поэтому неясно, что из двух существительных гормоны или железы является подлежащим.

Рассмотрим правильный вариант:

Гормоны гипофиза стимулируют активность/работу других желез.

Винительный падеж устанавливает правильное управление и четкую логику в построении предложения.

Безусловно, эксперт в области медицины или врач поймет, что не железы регулируют гипофиз, но если данную ошибку допустить в научно-популярной статье, у которой довольно широкий круг читателей, то утвержденный факт будет неверен.

Одна из самых частых переводческих ошибок – это постановка логического ударения на первое место в предложении, от чего теряется акцентирование на главном.

Например, перевод французского предложения на русский:

La chromatographie est utilisée pour étudier les protéines [3].

Хроматографию используют при изучении пептидов.

Во французском варианте логическое ударение на слове **la chromatographie** делается с помощью употребления страдательного залога, а в русском же оно смещается на последнюю часть предложения, поэтому акцент падает на пептиды, а не на хроматографию, что неверно. Правильнее будет поменять два слова местами:

При изучении пептидов используют хроматографию.

Очень важно проверять перевод на паразитные связи, которые вводят читателя в заблуждение. Особенно часто такая ошибка допускается в причастных оборотах и при неверной постановке слов с одним управлением. Например:

Микрофотография эритроцита кролика, подвергнутого осмотическому шоку [3].

В данном случае выходит так, что кролик подвергается осмотическому шоку, а не эритроцит. Поэтому предложение будет переделано таким образом:

Эритроцит кролика, подвергнутый осмотическому шоку.

Научный перевод, как и перевод в целом, имеет свою структуру. В зависимости от способов обработки исходного текста переводчиком, различают несколько видов перевода:

- полный письменный перевод;
- адаптированный перевод – свободный перевод, в котором сложные термины заменяются на более понятные широкой аудитории слова. Данный вид применим к научно-популярным текстам;

- реферативный перевод – это сокращение оригинала до таких пределов, когда доносится лишь основная информация исходного текста;
- аннотационный перевод – краткая характеристика оригинала в форме аннотации;
- перевод заголовков;
- устный технический перевод.

Основным рабочим видом научно-технического и научно-популярного перевода является полный письменный перевод, остальные же – его производные, несущие только коммуникативную ценность.

При переводе перед переводчиком стоит основная задача – поиск нужного эквивалента, который полно и содержательно сможет передать оригинал. Лексическая трансформация не уничтожает старую форму, она воссоздает ее в другом языковом контексте. По мнению Н.К. Гарбовского, система смыслов, заключенная в одну речевую форму, обработанную переводчиком в силу его компетентности, преобразуется в более или менее аналогичную систему смыслов языка перевода [4]. Поэтому переводчику важно суметь воспроизвести подлинник как можно точнее, не потеряв смысла.

Степень обширности лексического варианта зависит от сферы перевода. В научно-технических текстах возможность синонимии ограничена или даже исключена в некоторых случаях, так как термины называют конкретный предмет или явление, которые могут быть заменены лишь одним вариантом перевода в данном научном контексте. Однако некоторые особенности французского словообразования препятствуют правильному и точному переводу на русский язык.

С помощью суффикса **-eur** называется не только агент действия, но и предмет, с помощью которого выполняется действие. Чтобы выяснить, какое из понятий обозначает человека или орудие, потребуется не только контекст и синтаксическое построение предложения, но и дополнительные знания специальности. Например, из предложения **Le soudeur assemble des pièces métallique soudées, chaudronnées ou tuyauterie par le processus de la fusion** неясно, что именно выражает слово **le soudeur**: сварщика или сварочную машину.

Трудности могут возникнуть при переводе сложных составных терминов, состоящих обычно из двух слов и предлога между ними. В таких терминах установлена определенная связь между элементами, так как за основу берется многозначное слово, а следующие за ним предлог и существительное/ прилагательное являются детерминантами для той или иной научной области. Это значительно облегчает процесс перевода.

Например, слово «**pose**» [5] здесь имеет пять значений: 1. Установка; 2. Прокладка; 3. Закладка (напр. здания); 4. Экспонирование; 5. Выдержка.

Когда слово специализировано, оно, в зависимости от определителя, может приобретать различные оттенки своего значения:

Pose de briques – кладка кирпичей.

Pose de bretelle – установка опоры.

Pose en ultraviolet – экспонирование ультрафиолетовыми лучами.

Pose de carreaux – вставка стёкол

Таким образом, чтобы верно подобрать эквивалент переводчик внимательно изучает контекст, использует иллюстрации к материалу, обращается к научно-техническим словарям, советуется со специалистом.

Исследуемый нами материал показывает, что при переводе научных текстов происходят различные лексические трансформации. Напомню, что лексическая трансформация осуществляет преобразование системы смыслов для достижения высокой эквивалентности вопреки семантическим и формальным расхождениям двух языков [4].

Разные исследователи выделяют множество лексико-грамматических трансформаций, однако не со всеми можно согласиться. Одна из самых полных классификаций переводческих преобразований была предложена Ж.-П. Вине и К. Дарбельне [6]. Они выделяют два вида трансформационных операций: *прямой* и *косвенный* перевод.

В научных текстах очень часто можно встретить примеры *калькирования* или *заимствований*. Слово **émission** на русский может переводиться как: телепередача, выпуск, эмиссия. Однако в экономических материалах оно транслитерируется: эмиссия денег – выпуск в обращении денежных средств и ценных бумаг. Данное явление связано с тем, что во французском языке *émission* относится к нейтральной норме языка, а в русском языке термином будет являться слово эмиссия, а его денотацией и стилистически не окрашенной единицей будет выпуск. Отсюда следует, что термин в русском языке не всегда является термином во французском языке. Поэтому при переводе с русского на французский научное уточнение играет немаловажную роль. Например, обиходное значение слова **saut** – прыжок, скачок, но после прибавления нужного специализированного термина, слово приобретает другую окраску: выброс мощности – **saute de puissance** [5].

Вине и Дарбельне выделяют так же способ *синонимического* перевода, который делится на два вида: *генерализация* и *конкретизация*. Второй тип широко применим в переводах с французского на русский, так как семантика французских слов чрезвычайно широка, в отличие от русского языка.

Конкретизация – это замена слова с широким значением на языке оригинала на слово с более узким значением в результате перевода. Например, конкретизацию можно проследить в словосочетании **objectif de lecture** [5] – объектив звукочитающей системы. Известное всему миру французское миндальное печенье **macaron** [5] в научно-техническом тексте приобретет значение бобышки.

Переход от абстрактного к конкретному можно наблюдать в следующем предложении:

Le T-90, dernier char russe est la 17ème modification du T-72 soviétique apparu en 1972.

Новейший российский танк Т-90 является 17-й модификацией советского Т-72, появившегося на свет в 1972 году.

«Последний» во французском языке часто принимает значение «нового», в русском же оно конкретизируется, так как из словосочетания «последний танк» будет неясно, к какому времени относится производство танка.

Генерализация же при переводах с французского на русский встречается реже, так как стилевые границы в русском языке более четкие.

Некоторые варианты *модуляции* применяются в научно-технических текстах. Например, в термине **émulsion rapide** [5] можно наблюдать различие в чувственном восприятии. **Emulsion rapide** – высокочувствительная эмульсия, то есть обладающая высокой скоростью поглощения и регистрации следов частиц с минимальной ионизацией. Или растворимый кофе во французской реалии становится мгновенным кофе – **café instantané**, а не **café soluble**.

В русском языке в словосочетании «команда, выделенная для проведения расстрела» во французском языке будет звучать как **peloton d'exécution**, то есть средство осуществления действия в одном языке превращается в результат в другом.

В июньском номере «National Geographic» за 2014 год во французском варианте статьи об исследовании человеческого мозга сеть нервных путей обозначилась автором статьи как **câblage** (прокладка кабеля). На русский же язык часть слова целое (процесс) переводится частным сеть [7; 8].

Иногда в научных текстах применяется и *антонимический перевод*, когда слово на одном языке переводится его антонимом или положительное переводится отрицательным эквивалентом. Например, в предложении **Ils se manquent les détails certains** - Они не содержат необходимых деталей – глагол **se manquer** заменяется антонимичным ему глаголом с отрицательной частицей – «не содержат».

В данной статье мы рассмотрели некоторые особенности перевода научно-технических и научно-популярных текстов, изучили типичные ошибки, которые допускают переводчики в процессе работы. Мы можем сделать выводы о специфике научной терминологии в обоих языках, об обширности терминов во французском и об узкой специализации в русском, проследить, какими лексико-грамматическими трансформациями оперирует переводчик при работе с научным текстом. Таким образом, переводчики заставляют заговорить науку на разных языках мира, способствуя коллаборации ученых друг с другом, сотрудничеству многих медико-биологических, информационных, промышленных компаний.

Библиографический список

1. Г а к В. Г. *Сравнительная типология французского и русского языков*. М., 1976.

2. Г а к В. Г. *Беседы о французском слове. Из сравнительной лексикологии французского и русского языков.* М., 1966.
3. А г е е в а А. В. *Язык прессы. Учебно-методическое пособие по французскому языку.* Казань, 2012.
4. Г а р б о в с к и й Н. К. *Теория перевода.* М., 2004.
5. *Французско-русский технический словарь* / гл. ред. А.А. Болотин и др. М., 2004.
6. В и н е Ж.-П., Д а р б е л ь н е, Ж. *Технические способы перевода / Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике.* М., 1978.
7. *National geographic*, Россия. Июнь 2014 г.
8. *National geographic*, France. Edition de Juin, 2014.

А.Ю. Семикова³⁶

(Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород)

О СЛОЖНОСТИ ТЕКСТА ОРИГИНАЛА КАК ПЕРЕВОДОВЕДЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ

В своей переводческой практике многие переводчики сталкивались с текстами, которые по той или иной причине они называли бы сложными. И, несмотря на то, что в трудах таких переводоведов, как В.Н. Комиссаров, А.Д. Швейцер и др., встречается оценка сложности текстов, никаких научных критериев такой оценки на данный момент не существует, как не существует и самой категории сложности текста оригинала, определяющей такие критерии. На данный момент сложность того или иного текста, как правило, определяется каждым переводчиком субъективно. Однако в работах таких учёных и переводчиков, как В.Н. Комиссаров, А.Д. Швейцер, К.И. Чуковский, описаны проблемы, с которыми переводчик может столкнуться в процессе работы. Поэтому мы попытались систематизировать эти проблемы, найти объективные признаки, составляющие сложность текста, а также сформулировать само понятие сложности текста. В нашем исследовании мы попытались выяснить, можно ли, учитывая наличие или отсутствие таких признаков в тексте оригинала, определить степень его сложности.

Для того чтобы определить, можно ли ввести новую категорию сложности текста, нужно, прежде всего, понять, что такое сложность и в чём она заключается. Марта Тунес [1. С.112-117] рассматривает проблему сложности с точки зрения **теории сложности вычислений**. Согласно этой теории, объём работы обычно измеряется абстрактными понятиями

³⁶ Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент кафедры теории и практики английского языка и перевода К.Е. Калинин.

времени и пространства, называемыми вычислительными ресурсами. Время определяется количеством элементарных шагов, необходимых для решения задачи, тогда как пространство определяется объёмом памяти или места на носителе данных. Таким образом, в наиболее общем смысле сложность можно представить как длину алгоритма действий, необходимых для обработки информации. Соответственно, чем длиннее алгоритм, необходимый для выполнения того или иного действия, тем оно сложнее. Если сопоставить это определение с проблемой перевода текстов, можно сделать вывод о том, что, чем больше в тексте элементов, затрудняющих его понимание, тем больше шагов потребуется для обработки этой входной информации. Такие элементы, затрудняющие понимание или перевод текста – это переводческие проблемы.

Исследовав рассмотренные в работах переводоведов переводческие проблемы, мы пришли к выводу, что их можно разделить на микро- и макроконтекстуальные. К микроконтекстуальным относятся такие проблемы, как семантическая диффузность, лакунарность, игра слов, значимые имена, использование стилистических приёмов, фразеологизмов, терминов (в художественном произведении), звукописи, а также ритмика текста. Основной макроконтекстуальной проблемой при переводе текстов является наличие в них коммуникативной неполноценности.

Основываясь на природе этих проблем, а также на классификации текстов К. Райс [2. С.202-228], можно предложить следующую классификацию сложностей текста оригинала:

1) **сложности, обусловленные культурными различиями между автором текста оригинала и получателем текста перевода:** семантическая диффузность, лакунарность, а также звукопись и игра слов, которые могут встретиться в ситуации устного перевода в текстах, ориентированных на обращение, или аудио-медиаальных текстах и в ситуации письменного перевода текстов, ориентированных на форму, обращение, и аудио-медиаальных текстов;

2) **сложности, обусловленные авторским стилем и/или жанровыми особенностями произведения:** наличие в тексте стилистических приёмов, фразеологизмов, игры слов, значимых имён, звукописи, терминов (в художественном тексте) и особой ритмической организации, которые могут встретиться в ситуации устного перевода текстов, ориентированных на обращение, и аудио-медиаальных текстов, письменного перевода текстов, ориентированных на обращение, форму, или аудио-медиаальных текстов;

3) **сложности, обусловленные коммуникативной неполноценностью текста оригинала,** которые могут встретиться в ситуациях устного и письменного перевода текстов, ориентированных на содержание или обращение.

Для проверки вышеприведённой классификации, а также гипотезы о том, что, исходя из типа текста оригинала, переводчик сможет заранее спрогнозировать, насколько сложным он будет, был проанализирован

текст интервью директора Института международных исследований Калифорнийского университета в Беркли Гарри Крайслера с японским писателем Кэндзабуро Оэ на английском языке. Поскольку интервью есть как в видео-версии, так и в виде транскрипта, были спрогнозированы и рассмотрены его сложности с точки зрения ситуаций как письменного, так и устного перевода.

Установив тип текста (текст, ориентированный на содержание с элементами ориентированности на форму) и основываясь на вышеприведённой классификации, мы создали прогноз, согласно которому в тексте должны были встретиться следующие осложняющие элементы: семантическая диффузность, стилистические приёмы, обусловленные авторским стилем, а также элементы коммуникативной неполноценности. По окончании анализа были выявлены следующие действительно присутствующие сложности: акцент, осложняющий понимание текста, элементы коммуникативной неполноценности и интерференции родного для писателя японского языка, авторский стиль и образность речи, проявившиеся в использовании метафор, повторов, инверсии, семантическая диффузность (являющаяся проблемой в ситуации письменного перевода), а также большое количество прецедентной лексики. Как мы видим, некоторые из действительно встретившихся сложностей не были учтены при создании прогноза. Что же касается проблем, которые вышеперечисленные сложности представляют собой в процессе перевода, самыми серьёзными можно назвать образность речи, коммуникативную неполноценность текста, а также большое количество ссылок на культурные, исторические явления и прецедентной лексики. Так, для осуществления перевода данного текста переводчику если не необходимо, то, как минимум, желательно знать, кто такие *Фланнери О'Коннор*, *Жак Маритен*, *Уильям Йейтс*, *Георг Гендель*, *Надин Гордимер*, *Генри Киссинджер*, и чем они знамениты, нужно понимать, в чём заключается философия *экзистенциализма* и как это философское течение проявилось в японской литературе, нужно быть знакомым с Библией и знать, что говорилось в *Послании апостола Павла к Ефессянам* о «*Новом человеке*», и как Кэндзабуро Оэ отразил это в своём творчестве.

Таким образом, несмотря на то, что прогноз во многом подтвердился и предполагаемые сложности действительно встретились в тексте оригинала, он оказался неполным, поскольку некоторые сложности, фактически присутствующие в тексте, не были в нём учтены.

На наш взгляд, такой результат говорит о том, что наличие критериев сложности, по которым можно классифицировать тексты оригинала, могут быть полезны на этапе предпереводческого анализа или подготовки к процессу перевода. Заранее оценив сложность предстоящей работы, переводчик сможет понять, сколько времени ему понадобится на её выполнение, а также какими компетенциями он должен обладать для перевода того или иного текста. Однако стоит отметить, что предложенная классификация ещё не может использоваться как готовое средство анализа

текста в силу своей незавершённости. В дальнейшем планируется расширить базу переводческих проблем, встречающихся в текстах оригинала, а также пересмотреть их классификацию с точки зрения их частотности в текстах того или иного типа и сложности их решения.

Библиографический список

1. T h u n e s Martha. *Complexity in Translation. An English-Norwegian Study of Two Text Types*. Бергенский университет, 2011.
2. Р а й с К. *Классификация текстов и методы перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике*. М.: Междунар. отношения, 1978.

С.А. Сергеева³⁷

*(Марийский государственный университет,
Г. Йошкар-Ола)*

РЕАЛИЗАЦИЯ МЕТАФОРИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ КОНЦЕПТА «СЕМЬЯ» В ПОСЛОВИЧНЫХ КАРТИНАХ МИРА ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА И АМЕРИКАНСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Пословицы, будучи уникальным явлением народного фольклора, представляют собой обширный языковой материал для анализа. В толковом словаре С. И. Ожегова пословица определяется как «краткое народное изречение с назидательным содержанием» [1]. В первую очередь пословица – это народная мудрость, своеобразное поучение. В пословичном фонде находит свое отражение менталитет народа, его культурные особенности. Пословица не только предписывает те или иные действия, но и обеспечивают понимание поведения человека и его характера. Тот факт, что пословицы вошли в обиход достаточно давно и активно используются не одно столетие, говорит о том, что в них содержится что-то важное для народа, что описываемые черты уже довольно давно характерны для народа. Автор пословиц – народ. В иных случаях пословицами могут стать изречения из художественных произведений. Также в пословичном фонде могут присутствовать пословицы иноязычного происхождения. В последних двух случаях факт того, что пословица была принята народом, свидетельствует, что она в той или иной степени соответствует менталитету народа и его картине мира [2. С.10]. Таким образом, тщательный анализ пословичного фонда языка – это шаг на пути к пониманию культурных и ментальных особенностей народа, важный этап в процессе реконструкции языковой картины мира.

³⁷ Научный руководитель – канд. пед. наук, зав. кафедрой иноязычной речевой коммуникации С.Л. Яковлева.

Совокупность пословиц формирует пословичную картину мира – когнитивную структуру, которая сочетает в себе культурные, социальные, географические данные о народе. Пословичная картина мира ярко выражает особую концептуализацию мира тем или иным народом. Концептуализация – сложный процесс, постоянно продолжающийся как в обществе, так и в сознании отдельного человека. Пословицы – живой пример концептуализации в сознании общества [3. С.85]. Концептуализация неразрывно связана с историческим процессом, на нее влияют наиболее яркие события в жизни общества. В процессе концептуализации накапливается опыт, который и передается последующим поколениям в форме пословиц.

Появление в конце XX века теории концептуальной метафоры открыло новые возможности для понимания особенностей культурного мышления и менталитета [4. С.34]. Согласно Дж. Лакоффу и М. Джонсону, основателям теории, метафора – не только образное средство, но и феномен мышления и культуры, то есть метафорично мышление. Сама языковая метафора – внешнее проявление этого феномена. Наиболее фундаментальные культурные ценности согласуются с метафорической структурой основных понятий той или иной культуры [5. С.7].

В данной статье рассматриваются пословичные картины мира французского языка и американского варианта английского языка на основе сравнения метафорической репрезентации концепта «семья» в данных пословичных фондах.

Среди всего разнообразия пословиц были выбраны единицы, в которых присутствуют термины родства и/или затронута тема родственных отношений. Собранный материал был подвергнут анализу в соответствии с когнитивно-дискурсивным подходом к метафоре. В основе этого подхода лежит комплексное изучение как когнитивных, так и дискурсивных свойств метафоры, то есть осуществляется описание метафоры как ментального и в то же время лингвосоциального феномена [6. С.11] Анализ метафорических моделей пословичного фонда позволит в дальнейшем реконструировать пословичную картину мира и сравнить особо ярко проявляющиеся черты менталитета.

В качестве основной классификации метафорических моделей была взята классификация А.П. Чудинова [7. С.11]. В результате анализа в пословичных фондах французского языка и американского варианта английского языка было выявлено четыре обширные группы метафорических моделей.

Одной из самых многочисленных групп антропоморфных метафорических моделей для обоих является группа «Семья – живой организм». Согласно этой модели, семья представляет собой человеческий организм. Особо ярко это проявляется во фрейме «Части тела». Члены семьи сопоставляются с конечностями (руки, ноги), пальцами, глазами, головой, шеей, глазами. Выражается противопоставление отца и матери посредством оппозиций «голова-сердце» и «голова-шея».

Во фрейм «Эмоции» включены такие понятия как счастье, любовь, удовлетворение, печаль, грусть, сожаление, злость. Дети тождественны счастью, их отсутствие вызывает сожаление. Дети – воплощение любви; в то же время любовь матери безгранична.

Всего в пословичном фонде французского языка концепт семья выражают 56% антропоморфных метафорических моделей, американского варианта английского языка – 63%. Для обоих языков данный тип метафоры является самым распространенным.

Натуроморфные метафоры в обоих языках широко представлены моделью «Семья – это мир животных». Поведение членов семьи сопоставляется с поведением животных. Во французском пословичном фонде также достаточно важное место занимает модель «Семья – это мир растений», которая отсутствует в американских пословицах. В процентном соотношении натуроморфные метафоры формируют 17 % пословичного фонда французского языка, в то время как доля подобных метафор в американских пословицах составляет 6 %, что делает натуроморфную метафору наименее популярной для американского пословичного фонда.

В моделях социоморфных метафор семейная жизнь сравнивается с другими явлениями социальной сферы. Модель «Семейная жизнь – это война» сопоставляет отношения между родственниками с военными действиями. Достаточно разнообразно в пословичных фондах обоих языков выражено сопоставление факторов семьи с религиозными категориями: жена сравнивается как с Богом, так и с дьяволом; дети – это райское явление. Во французском языке подобные метафоры формируют 16 % пословичного фонда, в американском варианте английского языка – 19 %.

Артефактные метафоры представлены в обоих языках. Фрейм «Домашняя утварь» представлен различной посудой. Дочь отождествляется с хрупким стеклом. Также дочь сравнивается с бриллиантом, после замужества она превращается в стекло. Фрейм «Еда и напитки» более полно представлен в пословицах французского языка. Общение с родственниками сравнивается с трапезой. Во французском пословичном фонде артефактные метафоры составляют наименьшую долю – всего 9 %. Доля подобных метафор в американском фонде – 12 %.

Сравнение метафорических моделей позволило определить некоторые отличия в мировосприятии двух культур. В американской пословичной картине мира главным условием счастливой семейной жизни является наличие у супругов противоположных черт характера (*A deaf husband and a blind wife are always a happy couple*). Жена ценится и восхваляется (*A true wife is her husband's better half*). В пословичном фонде прослеживаются трудности взаимоотношений свекрови и невестки (*A bad daughter-in-law is worse than a thousand devils; The mother-in-law remembers not that she was a daughter-in-law*). Пропагандируется уважение к родителям (*Honor your father and your mother*). В то же время большому количеству родственников дается несколько негативная оценка (*A lot of*

relatives, a lot of trouble). Кроме того, пословичный фонд американского варианта английского языка раскрывает безграничную любовь к детям, дети – это настоящее сокровище (*Children are love made visible; Children are poor men's riches; Children are the keys of paradise*); чем больше детей, тем лучше (*Children: one is one, two is fun, three is a houseful*);). Однако за аксиому принимается факт, что чем старше становится ребенок, тем больше проблем он создает (*Little children step on your toes; big children step on your heart; Little children, little troubles; big children, big troubles*).

В пословичном фонде французского языка некоторые из вышеперечисленных идей либо отсутствуют, либо представлены в противоположном значении. Согласно французской пословичной картине мира, не стоит торопиться с вступлением в брак (*Mariage prompt, regrets longs*). Жена представлена как раздражающий фактор (*Qui femme a, noise a; Ou femme y a, silence n'y a*). Брак отождествляется с проделками дьявола (*Au mariage et à la mort, le diable fait ses efforts*). Пропагандируется строгое отношение к детям (*De mère pitieuse fille teigneuse*). Если в американской картине мира условием для счастливой семейной жизни является большое количество детей, то во французской крайне нежелательно иметь много дочерей (*Une fille, assez de fille; deux filles, trop de filles; trois filles et la mère, font endiabler la père*).

Однако в пословичных картинах мира двух культур можно обнаружить некоторые общие идеи. В обоих языках приветствуется, когда отец и мать обладают разными подходами к воспитанию (*The father is the head, but the mother is the heart; Le père a la raison, la mère a la tendresse*). Отцу отводится доминирующая роль, он – самый мудрый член семьи (*No advice is like father's; Un père ne conseille qu'un fils qui n'écoute attentivement*). Обе картины мира демонстрируют преемственность черт из поколения в поколение, то, что мы называем «яблоко от яблони недалеко падает» (*Children are what their mothers are; Tel père, tel fils*).

В целом, американские пословицы характеризуются общим тоном наставлений, поучений, предписаний поведения в семье. Предполагается, что адресат будет следовать предписаниям, тем самым обеспечивая себе счастливую семейную жизнь. Французские пословицы носят иронический и саркастический характер, осмеивая уже нарушенные нормы семейного поведения; подразумевается, что адресат, уже совершив ошибку, осознает ее и предпринимает действия, чтобы его семейная жизнь складывалась хорошо. Для американской картины мира брак, семейная жизнь – это счастье, для французской картины мира – это конец покою и начало бед.

Библиографический список

1. Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова // Электронный ресурс Интернет: <http://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 3.10.2015).

2. И в а н о в а Е. В. *Пословичная концептуализация мира*: Автореф. дис. ...д-ра филол. наук. СПб, 2003.
3. П о п о в а З. Д., С т е р н и н И. А. *Когнитивная лингвистика*. М.: АСТ «Восток-Запад», 2007.
4. С к р е б ц о в а Т. Г. *Когнитивная лингвистика: Курс лекций*. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011.
5. L a k o f f G, J o h n s o n M. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 2003.
6. Б у д а е в Э. В., Ч у д и н о в А. П. *Когнитивная теория метафоры: новые горизонты* // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. – 2013. - №1 (110).
7. Ч у д и н о в А. П. *Когнитивно-дискурсивное описание метафорической модели* // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург, 2004. – Т.13.
8. *Новый французско-русский фразеологический словарь* // Сост. В.Г.Гак, К.А. Ганшина. М.: ДРОФА, Русский язык-медиа, 2010.
9. *A Dictionary of English Proverbs* / Wolfgang Meider, Stewart A. Kingsbury, Kelsie B. Harder. USA: Oxford University Press, 1992.

А.Ю. Соколова³⁸

*(Тольяттинский государственный университет,
г. Тольятти)*

КОНСТРУИРОВАНИЕ АНГЛО-РУССКОГО ТЕЗАУРУСА ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ В ЛИНГВИСТИКЕ

Словари тезаурусы нередко выступают в роли источника специальных знаний в узкой или широкой предметной области, способ описания и упорядочения терминологии предметной области. Владение терминологией той или иной сферы деятельности также обуславливает профессиональный рост. Юридическая терминология является уникальным объектом исследования, так как характеризуется большим разнообразием сфер применения по сравнению с другими терминосистемами. Юридический термин, как знак лингвистической системы, представляет собой слово (словосочетание), которое употребляется в законодательстве, является обобщенными наименованиями юридических понятий, имеющих точный и определенный смысл, и отличается смысловой однозначностью, функциональной устойчивостью [1. С.21]. Или же «словесные обозначения государственно-

³⁸ Научный руководитель – д-р филол. наук, профессор кафедры «Перевод и переводоведение» Ю.И. Горбунов.

правовых понятий, с помощью которых выражается и закрепляется содержание нормативно-правовых предписаний государства» [2. С.24].

В научно-технической терминологии встречается большое количество терминов, состоящих из нескольких компонентов. Многокомпонентные термины могут представлять собой:

а) словосочетания, в которых смысловая связь между компонентами выражена путем примыкания. Например: law system – правовая система;

б) словосочетания, компоненты которых оформлены грамматически с помощью предлога или наличия окончаний. Например: law of merchant shipping – закон о торговом судоходстве [3. С.121].

Терминологические словосочетания подразделяются на три типа.

К первому типу относятся термины-словосочетания, оба компонента которых являются словами специального словаря. Они самостоятельны и могут употребляться вне данного словосочетания, сохраняя присущее каждому из них в отдельности значение. Но они приобретают новое значение, обладающее известной смысловой самостоятельностью, например, law agent (работник юстиции). Ко второму типу относятся словосочетания, в которых лишь один из компонентов представляет собой юридический термин, например: family law (семейное право), law suit (судебный иск). Этот способ образования научно – технических терминов считается более продуктивным, чем первый. К третьему типу относятся термины – словосочетания, оба компонента которых представляют собой слова общеупотребительной лексики, и только сочетание этих слов является термином. Данный способ образования научно – технических терминов считается наименее продуктивным.

Термин law характеризуется наличием широкого семантического поля и представляет собой вершину словообразовательного гнезда, в которое входят такие понятия, как: law-abiding (законопослушный), law-breaker (нарушитель закона), lawful (законный), lawless (беззаконный), lawmaker (законодатель), lawman (хранитель правопорядка), lawsuit (судебный иск), law book (свод законов), law monger (подпольный адвокат), lawyer (юрист), law-term (период судебной сессии), которое в свою очередь имеет гипонимы, характеризующие деятельность юриста: trial lawyer (адвокат, выступающий в суде первой инстанции), defense lawyer (защитник подсудимого), prosecution lawyer (государственный обвинитель). Термин law (право) имеет два основных значения: право — совокупность законов (law), право - права и свободы человека и гражданина (the rights and liberties of an individual and a citizen). Таким образом, можно увидеть, что семантическое поле термина law может быть подразделено на два основных семантических субполя: law (право, закон) и rights (права (человека, общества)). Семантическое поле термина law (право — совокупность законов) можно разделить на пять частей. К первой части будут относиться гипонимические словосочетания, образованные по модели А+N (прилагательное + существительное) и обозначающие ту или иную отрасль права, например: **criminal law** (уголовное право), **civil law**

(гражданское право), **contract law** (договорное право), **property law** (право собственности), **trust law** (трастовое право), **tort law** (деликтное право), **constitutional law** (конституционное право), **administrative law** (административное право), **international law** (международное право), **procedural law** (процессуальное право), **industrial law** (трудовое право). Ко второй части семантического поля будут относиться гипонимические словосочетания, образованные по модели V+N, обозначающие соответственно действия по отношению к закону. В качестве примеров можно привести такие словосочетания, как **break the law** (нарушить закон), **pass a law** (принять закон), **enforce the law** (обеспечить соблюдение закона), **become law** (вступить в силу (о постановлении)), **introduce or issue a law** (издать закон), **flout a law** (намеренно нарушать закон) и т.д. К третьей части относятся термины, служащие для обозначения отрасли права, образованные по модели N of N, например: **law of the sea** (морское право) а также по модели N+N, например, **family law** (семейное право).

Сюда же можно отнести термин **maxim of law** (юридическая максима или другими словами основные общеупотребительные термины). Кроме гиперо-гипонимических отношений, термины данного семантического поля связаны отношениями синонимии. К примеру, термин **industrial law** (трудовое право) имеет синоним, образованный по модели N of N: **law of employment**, термин **procedural law** (процессуальное право) имеет синоним **law of procedure** и т.д. К тому же, термин **procedural law**, в свою очередь имеет гипонимы: **civil procedure law** (гражданско-процессуальное право) и **administrative procedure law** (административно-процессуальное право). Термин право (**law**) также входит в ряд фразеологических сочетаний, которые интересны с точки зрения их перевода на русский язык и тем или иным образом отражают отношение людей к законодательным актам. К примеру, выражение **the law of the jungle** обладает отрицательной коннотацией и на русский язык переводится соответствующей калькой «закон джунглей». Применение такого приёма как калькирование в данном случае обусловлено тем, что это устойчивое выражение принадлежит перу Киплинга.

Немало также устойчивых словосочетаний с термином «закон», которые передаются на русский язык при помощи эквивалента. Например: **sb's word is law** (слово — закон) или образованное по модели N+N's гипонимическое устойчивое словосочетание **draconian's laws** (драконовские законы), которое было изначально заимствовано с греческого, а также **necessity knows no laws** (у нужды нет закона).

Имеющее английское происхождение фразеологизм **every law has a loophole** можно перевести двумя способами, не исказив его смысл: при помощи калькирования (в каждом законе можно найти лазейку) и при помощи аналога (закон что дышло, куда повернул туда и вышло). Употребление аналога характерно для художественных произведений. Выражение пришло из английского языка. Фразеологизмы, построенные на разных ассоциациях, передают одну и ту же мысль. (**Shaft** – дышло:

оглобля в парной упряжке). При случае, образ можно несколько дополнить.

При помощи аналога переводится такое выражение, как: **Possession is nine points of the law** (Что упало, то пропало)

Говоря об описательном переводе, можно вспомнить такое устойчивое словосочетание, образованное по третьей модели N of N, как: **Law of the land** (право, действующее на территории страны).

Семантическое поле термина law (закон) также характеризуется наличием эпонимов, например: **Merphy's law** (закон подлости), **the Rotenberg law** (закон Ротенберга). Эпоним Merphy's law используется в переносном значении, и переводится при помощи описательного перевода, в то время как для перевода эпонима Rotenberg law с русского на английский нужно применить калькирование, в отсутствие эквивалента или аналога. Это переводческое решение объясняется также наличием имени собственного [4. С.129] Субполе (rights and liberties of citizens – права и свободы граждан) также характеризуется наличием словосочетаний, связанных гипонимическими и синонимическими отношениями и образованных по модели N+N (Human rights committee, human rights department), а также по модели N of N (rights of absolute property – права абсолютной собственности) и т.д.

Таким образом, опираясь на проведённое исследование, можно заключить, что владение английской терминологией в судебной практике способствует достижению успехов в профессиональной деятельности. Это касается не только юристов, но и переводчиков, работающих в правовых структурах.

В ходе работы было выявлено, что при составлении тезауруса необходимо учитывать следующие положения:

1. Точное и недвусмысленное отражение содержания правового понятия, недопустимость использования неясных, двусмысленных, расплывчатых выражений.

2. Употребление терминов в своем прямом, общеизвестном, а не в переносном значении.

3. Простота и доступность в понимании терминов. Не следует употреблять термин, хотя и получивший распространение среди узких специалистов, но непонятный гражданам (а иногда и должностным лицам).

4. Отказ от употребления устаревших и активно не используемых слов и выражений.

5. Отказ от канцеляризмов, слов и оборотов бюрократического стиля.

6. Употребление, как правило, общепризнанных и устоявшихся в литературном языке терминов.

7. Устойчивость, стабильность в употреблении юридической терминологии.

8. Благозвучность и стилистическая правильность юридических терминов.

9. Очень осторожно законодатель должен относиться к аббревиатуре.

10. Следует обращать внимание на соотношение терминов, применяемых в заголовках статей и в самом тексте нормативного акта: они должны быть одинаковы по смыслу и содержанию.

Тезаурусное моделирование юридических терминов английского языка при сопоставлении с русским представляет собой сложный процесс, включающий определение семантической области языка юриспруденции, характеристику терминополья, предполагающее описание гиперонимических и синонимических отношений, а также определение основных и коннотационных значений термина [5. С.51] К тому же, следует упомянуть о том, что юридические термины английского и русского языков целесообразно рассматривать в аспекте их семантической значимости, которая представляет собой совокупность семантических отношений юридического термина, поскольку они определяют место и статус термина в пределах терминологической системы права. Англо-русский юридический тезаурус обеспечит представление терминологии права в формализованном виде, с четкими дефинициями заглавных терминов и наглядными семантическими отношениями, что является необходимым условием для успешного изучения юридической терминологии английского и русского языков.

Библиографический список

1. П и г о л к и н А. С., Ч е р н о б е л ь Г. Т. *Язык закона*. М., 1990.
2. Х и ж н я к С. П. *Юридическая терминология: формирование и состав*. Саратов, 1997.
3. З а й ц е в а С. Е., Т я н и г и н а Л. А. *English for Students of Law*. М., 2008.
4. Г о р б у н о в Ю. И. *Тезаурусное моделирование французской грамматической терминологии*. Тольятти, 2004.
5. П и о т р о в с к и й Р. Г. *Лингвистический автомат*. СПб., 1999.

Использованные словари:

1. *A Dictionary of Law* / Ed. by Elizabeth A. Martin, Jonathan Law. Oxford University Press, 2006.

ПЕРЕВОДЧИК – ГАРАНТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ?

Что мы готовы сделать, чтобы сохранить свой родной язык? Готовы ли мы отказаться от употребления в своей речи англицизмов и сленга, жаргонизмов и просторечий? Говорить «сейчас» вместо «ща»? А писать сообщения без сокращений и со знаками препинания? Мы гордо называем себя носителями «великого и могучего русского языка», а между тем, интересуемся у друзей, «лайкнули» ли они нашу «фотку». Но есть и те, кто остается непоколебимым под напором тенденции к упрощению и заимствованию. Кто не боится сражаться за чистоту нашего языка. И это, конечно, гаранты «лингвистической безопасности». Прежде всего, нужно начать с определения слова «гарант». Это слово является заимствованным, образовано от французского глагола «garantir» – обеспечивать, ручаться. В словаре С. И. Ожегова мы можем найти похожее определение русского слова «гарант» – «это физическое или юридическое лицо, а также государство, дающее гарантию кому-либо, ручательство за кого-либо» [1]. За что же «ручается» гарант лингвистической безопасности?

Согласно 1 Закону РФ от 5 марта 1992 безопасность – «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз» [2. С.2]. Язык, несомненно, вписывается и в интересы и личности, и общества, и государства, а следовательно, нуждается в безопасности. Активная защита языковой среды, или «лингвистическая безопасность», является важнейшим аспектом национальной безопасности Российской Федерации. Ю.В.Крупнов считает, «что уникальность данного типа безопасности задается ее особым предметом, удерживаемым правильным русским языком. Этот предмет – национальная или народная идентичность, т. е. сама способность народа правильно воспринимать и продолжать свою историю, сохранять и защищать собственную самобытность и самостоятельность, не допускать увлечения чужими словами» [3]. То есть от обеспечения безопасности языка зависит национальная идентичность государства, его самобытность.

Каждый язык выступает для народа достоянием, его святыней, которая сопровождает любого носителя языка на протяжении жизни. Зачастую, мы не задумываемся, какую роль играет язык в нашей жизни, мы принимаем его как должное. Мы распоряжаемся с ним, как с личной собственностью, пачкая его американизмами, нецензурной лексикой,

¹ Научный руководитель – канд. пед. наук, заведующая кафедрой теории и практики французского языка и перевода И. Р. Абдулмянова.

неологизмами и словами-паразитами. Мы порой не замечаем, как на наших глазах происходит процесс разложения литературного чистого языка, доставшегося нам по наследству от А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В.Гоголя. Как любое наследство, язык должен нести свою ценность через века, из поколения в поколение, от отца к сыну, от внука к правнуку. Наш язык достоин того, чтобы с ним обращались, как с драгоценным камнем, который постоянно подвергается шлифовке, оттого и становится все ярче и привлекательнее.

Но что происходит? Глобализация пронесется ураганом сквозь языки, разрушая сложившиеся и устоявшиеся веками языковые нормы грамматики, фонетики, лексики. И.И. Халеева отмечает, что «у лингвистов вызывает обоснованное беспокойство расшатывание норм русского литературного языка, отступления от правильного произношения и орфографии, нарочитое использование на каналах телевидения, в СМИ, радиоэфире стилистически сниженной лексики, грубо просторечных выражений, нарушение языковых этических норм, открытое пренебрежение к социальному вето на бранную лексику, лексику уголовного жаргона, молодежного сленга, а то и явную матерщину» [4]. И.И. Халеева вводит понятие культурно-речевого «нудизма», который разлагает наш язык, «становится модой, ничего общего не имеет с демократизацией языка, свободой слова». «Культурно-речевой нудизм» разлагает национальный язык точно так же, как «лингвистическая экспансия извне», к которой относятся: сфера информационных технологий, компьютерных средств обработки информации и их использования в науке, образовании и быту; Интернет, в котором язык не просто замусорен жаргонными словами, но все больше превращается в некий гибрид, в котором слова типа «спам» часто несут более важную смысловую нагрузку, чем слова обычного нормативного языка» [4]. Действительно, во время глобализации людьми начинает управляться Интернет. Нас охватывает бесконечный поток информации из любых уголков мира. Социальные сети переносят нас в мир безграничного общения... Безграничного... и безграмотного. По результатам социологического опроса, проведенного в 2014 году, 90% населения пользуются социальными сетями и проводят в них более 5 часов в сутки. Что происходит за этот промежуток времени? Сокращения, молодежный сленг, американизмы, отсутствие знаков препинания, все это нарушает нормы языка. Например, такие слова как «лайкать», «коммент», «френд» пришли в наш язык из английского языка именно через социальные сети. Следовательно, глобализация открыла дверь как информационному потоку, который держит нас в курсе событий, так и ручьям, которые размывают наш язык изнутри, расшатывая наш язык, язык великих классиков.

Все перечисленные факты составляют угрозу для чистоты нашего языка. Эта ситуация доказывает катастрофичность отношения к нему современного общества. Государство не может оставить эту ситуацию без

внимания. Происходит снижение роли национального языка в политической, экономической, культурной жизни страны, что не способствует укреплению ее целостности. Популярность английского языка продвигает его на место всемирного языка. Английский становится первым мировым универсальным языком. Вследствие чего, внутри каждой страны неизбежно возникает противостояние национального литературного языка языку мировому, защитником первого является государство, его главным оружием является «языковая политика». Н.С.Кузнецов дает следующее определение «языковой политике»: «Это система мер, осуществляемых государством, объединением государств, влиятельными общественными институтами и деятелями культуры для сохранения или изменения языка, группы языков, языковой или коммуникативной ситуации» [5]. Есть опасность; есть государство, заинтересованное в ее снижении; следовательно, есть и те, кто играет роль посредника, то есть непосредственно сталкивается и противостоит ей самостоятельно. Такой движущей силой и являются гаранты лингвистической безопасности. По Н.С. Кузнецову, к гарантам можно отнести: «государственную власть. К исключительному ведению государства относится языковое законодательство. Другие субъекты языковой политики: общественные организации, движения и партии; языковые учреждения различного профиля (например, языковые академии), лингвистические направления и школы; влиятельные деятели национальной культуры» [5].

Законодательное собрание. Законодательство в области защиты русского языка основывается на Конституции Российской Федерации, общепризнанных принципах и нормах международного права, международных договорах Российской Федерации и состоит из настоящего Федерального закона, Федерального закона от 01.06.2005 № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации», других федеральных законов, Закона Российской Федерации от 25 октября 1991 года № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, регулирующих проблемы языка. Согласно этим законам, «не допускается использование слов, искажающих облик русского литературного языка, в том числе жаргонизмов, бранных слов, сетевого сленга Интернета, вульгарных слов и выражений, унижающих человеческое достоинство; искажение ударения. Необоснованное использование в средствах массовой информации, а также в рекламе иностранных слов, у которых есть соответствующие по смыслу русские слова, недопустимо и является основанием для привлечения виновных лиц к административной ответственности. Частота употребления слов, заимствованных из иностранных языков, в средствах массовой информации подлежит обязательному контролю» [6]. Заинтересованность в защите языка местных законодательств подтверждают проекты, подготовка к ним во многих городах России. Примером является проект Закона «О

дополнительных мерах по защите, использованию и развитию государственного языка Российской Федерации на территории Санкт-Петербурга», в котором депутаты выступают «за увеличение защиты прав граждан на пользование государственным языком», и выражают идею, что «языковая культура может быть признана предметом совместного ведения федеральных и региональных властей». Вопрос о необходимости регулирования языка с помощью законотворческого процесса встает не только в России. Например, во Франции так же разрабатываются постановления, предназначенные для защиты французского языка от иноязычного влияния и сохранения его самобытности. Среди них особое место занимает закон от 4 августа 1994 г., вошедший в историю французского законодательства под именем его разработчика – бывшего министра культуры Франции Ж. Тубона [7].

Министерство образования вносит огромный вклад в борьбу за безопасность языка, примером может послужить строгий контроль школьной литературы, четкое планирование образовательной программы. В приказе Министерства образования и науки РФ от 5 сентября 2013 г. № 1047 «Об утверждении Порядка формирования федерального перечня учебников» обозначены критерии выбора учебной литературы для российских школьников: «они должны развивать критическое мышление и способность аргументировано высказывать свою точку зрения. Формировать патриотизм, любовь и уважение к семье, своему народу, краю. Учить межнациональному и межконфессиональному диалогу. Язык изложения должен быть понятен и соответствовать возрастной группе, для которой предназначен учебник. Недопустимы ошибки и опечатки» [8]. Министерство образования и науки Российской Федерации стремится заинтересовать общество в изучении русского языка различными мероприятиями, конкурсами и акциями. Так, в январе 2015 года была проведена Всероссийская студенческая акция «Я знаю русский язык». Мероприятие было направлено на повышение качества владения русским языком и культуры речи у студентов и выпускников вузов России. Координатором акции выступил Государственный институт русского языка им. А.С.Пушкина. С каждым годом набирает все большую популярность всероссийская акция «Тотальный диктант», в котором участвуют все – от школьников до представителей старшего поколения.

Школа – незаменимый хранитель литературного языка. Именно в школе начинается формирование человека как личности. Именно в школе ребенок учится читать, писать, формулировать свои мысли. Качество этих знаний напрямую зависит от компетенции преподавателей. Согласно Федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации», особое внимание уделяется «дополнительным профессиональным программам – программам повышения квалификации, программам профессиональной переподготовки» [9]. А.А. Усачева сообщает, что повышение квалификации учителей – «это ключевой фактор качества школьного образования». В.В. Путин утверждает: «Государство должно постоянно

повышать качество обучения наших детей русскому языку, независимо от их местожительства и специализации школы» [10]. Следовательно, государство отдаст судьбу национального языка в руки высококвалифицированных учителей.

СМИ и телевидение также играют важную роль в формировании культуры народа, в формировании национального языка. Кто как не журналисты, актеры, телеведущие находятся в тесном визуальном контакте со своими читателями и зрителями изо дня в день, навязывая им свою манеру говорить, писать, а порой и думать. Лингвисты и филологи подтверждают этот факт. В.И. Аннушкин обеспокоен тем фактом, что «современная молодежь подвержена влиянию новых речевых технологий: это и телемания, и Интернет, и мобильная связь, и вставленные в уши провода...» [11]. Однако влияние СМИ на судьбу языка может быть и позитивным. По мнению Е.Н. Басовской, воздействуя на язык главным образом не тем, что одобряют или осуждают те или иные речевые факты, а многократно повторяя на страницах газет и журналах, в теле- и радиоэфире образцы определенного речевого поведения, СМИ способны выступать защитниками литературного языка [12]. Например журнал «Русский мир.ру» активно привлекает внимание к проблеме ослабления лингвистической безопасности русского языка. Так, в *Госдуме под председательством главы комитета по образованию, председателя правления фонда «Русский мир» В.А. Никонова состоялся круглый стол на тему «Законодательное обеспечение развития русского языка в современном информационном пространстве», организованный совместно комитетами по образованию и по делам СНГ, а также фондом «Русский мир». В то же время на радио («Эхо Москвы», Радио России) и на телевидении (НТВ) есть специальные программы, ориентированные на воспитание правильной культуры речи. Это – «Говорите правильно!» («Эхо Москвы», «НТВ»).*

И наконец, еще одним важным гарантом лингвистической безопасности является переводчик. Языковая политика государства активно вовлекает представителей этой профессии в борьбу за сохранение языка. Согласно Государственному образовательному стандарту высшего профессионального образования, переводчик- это специалист, владеющий орфографической, орфоэпической, лексической и грамматической нормами как изучаемого иностранного языка, так и русского литературного языка [13]. Кто как не переводчик должен являться носителем литературного языка и активно защищать его. По мнению А.А.Смирнова, «лишь хорошо вооруженный лингвистически и историко-культурно переводчик может удовлетворительно разрешить задачу адекватного художественного перевода, состоящую в передаче смыслового содержания, эмоциональной выразительности и словесно-структурного оформления подлинника» [14]. Действительно, чтобы получить перевод, достойный гаранта «лингвистической безопасности», нужно сделать его, вызывая у читателя интерес к иностранному языку, не забывая при этом

про индивидуальность своего национального языка. Охрана своеобразия языка находится под особым контролем в XXI веке. Такой принцип официально закреплён в Хартии переводчика, в своде его обязанностей и прав. Сам документ был принят ещё в 1963 году, но не потерял своей актуальности. Согласно своду, «переводчик должен хорошо знать язык, с которого переводит, и, что ещё важнее, в совершенстве владеть языком, на который переводит» [15]. Часто перед переводчиком и встает вопрос «быть или не быть?»: либо придерживаться разговорного, доступного для публики языка, либо использовать нормативный язык, избегая употребления американизмов, и тем самым следовать по тернистому пути непонимания, но оставаться верным своей прямой обязанности – передаче смысла без разрушения структуры языка. Но переводчик просто обязан справиться с этой задачей. Даже в непредвиденных ситуациях, при устном переводе, когда речь оратора содержит ненормативную лексику, по мнению Н.К.Дупленского, профессиональный переводчик обязан придерживаться «срединного пути», то есть говорить – грамматически и лексически правильно. Следовательно, переводчику необходимо искать нейтральные эквиваленты такой лексики, тем самым сохраняя и защищая чистоту национального языка. Чтобы выпускаемый из стен высшего учебного заведения переводчик не испытывал трудностей, следуя этим требованиям. Разрабатывается специальная система подготовки специалистов. Неоценимый вклад в исследование и разработку такой системы вносят преподаватели высших учебных заведений по всему миру, и, конечно, Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Понять основную концепцию преподавания языков на переводческом факультете мне помогли статьи Е.Р. Поршневой и И.Ю.Зиновьевой. Оказалось, что «подготовка профессиональных переводчиков в свете нового государственного стандарта» - довольно кропотливый труд, целью которого является «обучение студентов стратегиям освоения иностранных языков, методологическим основам текстовой деятельности, профессионально значимым действиям на родном и иностранных языках» [16. С.63-69]. То есть в равной степени должно уделяться внимание изучению как родного языка, так и иностранного. Г.М. Литвинова считает, что «будущий переводчик должен не только хорошо разбираться в особенностях современного стиля изложения, предложенного ему материала, но и уметь быстро переключаться с одного стилистического регистра на другой, при этом контролируя свою речь как на русском, так и на иностранном языке» [17]. Поэтому для Г.М.Литвиновой, главным при обучении будущего переводчика является формирование его языковой личности, что подразумевает «владение нормами литературного языка, владение этическими и коммуникативными нормами, богатство активного и пассивного словарного запаса» [17]. По мнению Г.М.Литвиновой, «в процессе подготовки будущих специалистов в области перевода преподаватели русского языка должны стремиться заложить основы для

развития подобного рода личности, дать интеллектуальный инструмент, который учащимся поможет в дальнейшем качественно осуществлять профессиональную деятельность» [17]. Это значит, что благодаря таким системам обучения будущие переводчики смогут сохранить как самобытность своего языка, так и не разрушить своеобразие иностранного. Благодаря разработке таких программ, благодаря знаниям, которые нам дают в стенах ВУЗов, мы, будущие переводчики, с гордостью сможем носить звание гаранта лингвистической безопасности. Исходя из всего вышеперечисленного, мы понимаем, что проводится кропотливая работа по обеспечению защиты нашего родного языка. Я считаю, что если есть проблема, если есть план действий, направленный против нее, если есть люди, организации, социальные институты, готовые бороться с ней, дело остается за малым... только действовать всем заодно!

Библиографический список

1. О ж е г о в С. И *Толковый словарь русского языка / Под общ. ред. Л. И. Скворцова. М: Оникс, Мир и Образование, 2007.*
2. *О безопасности: Закон РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-I // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ, №15.М., 1992.*
3. К р у п н о в Ю. В. *О необходимости разработки Доктрины Европейско-Азиатского Союза // Электронный ресурс Интернет: <http://www.kroupnov.ru/pubs/2006/11/13/10490/>*
4. Х а л е е в а И. И. *Лингвистическая безопасность России // Вестник РАН. – 2006. - Т.76. - №2. М., 2006.*
5. К у з н е ц о в С. Н. *Языковая политика и языковое планирование // Электронный ресурс Интернет: http://genhis.philol.msu.ru/article_195.shtml*
6. *О государственном языке Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 1 июня 2005 г. N 53-ФЗ // Российская газета. М., 2007.*
7. *Об употреблении французского языка: закон Франции № 94-665 от 04.08.1994 // Понкин И.В. Законы Франции и Польши о защите языков // Нравственные императивы в праве. № 3. М., 2012.*
8. *Об утверждении Порядка формирования федерального перечня учебников: приказ Министерства образования и науки РФ от 5 сентября 2013 г. № 1047 // Собрание законодательства РФ. М., 2013.*
9. *Об образовании в РФ: Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ // Российская газета. М., 2012.*
10. П у т и н В. В. *К вопросу об образовании в России // Электронный ресурс Интернет: <http://www.vz.ru/society/2015/5/19/746097.html>*
11. А н н у ш к и н В. И. *Как говорим, так и живем: русский язык и духовное состояние общества // Электронный ресурс Интернет: <http://old.glinkie.ru/common/mpublic.php?num=106>*

12. Б а с о в с к а я Е. Н. *Пресса в борьбе за «чистоту языка»: проблема эффективности* // Электронный ресурс Интернет: <http://www.mediascope.ru/node/752>
13. *Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки (специальности) 035701 – Перевод и переводоведение: приказ Министерства образования и науки РФ от 24 декабря 2010 № 2048* // Собр. Законодательства Российской Федерации, № 21., ст. 2603., М., 2010.
14. С м и р н о в А. А. *Перевод. Теория литературного перевода* // Литературная энциклопедия. М., 1929-1939.
15. С т а н е в а Л. *Хартия переводчика* // Электронный ресурс Интернет: <http://www.stihi.ru/diary/martamihailova/2015-07-07>
16. П о р ш н е в а Е. Р., З и н о в ь е в а И. Ю. *Подготовка профессиональных переводчиков в свете нового государственного стандарта* // Высшее образование в России. – 2011. - №3. М., 2011.
17. Л и т в и н о в а Г. М. *К вопросу о родном языке как основе формирования языковой личности переводчика* // Русский язык и культура в зеркале перевода. Тезисы докладов междунар. науч. конф-ции. М.: МГУ им.М.В. Ломоносова, 2014.

Т.Д. Солодянкина⁴⁰

(Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород)

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ ПЕРЕВОДА ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

В последнее время чрезвычайно актуальными стали исследования языка в плане его взаимодействия с культурой. По мнению доктора филологических наук Александра Давыдовича Швейцера, «развитие лингвокультурологического направления обуславливается стремлением к осмыслению феномена культуры как специфической формы существования человека и общества в мире» [1. С.14]. Именно перевод является посредником в процессе постижения разных культур, в осуществлении контактов и достижении взаимопонимания между ними. Как отмечают чешские лингвисты В. Матезиус и В. Прохазки, перевод – это не только замена языка, но и функциональная замена элементов культуры [1. С.183]. Такая замена, нужно добавить, не может быть полной, поскольку требование, в соответствии с которым перевод должен читаться

⁴⁰ Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент кафедры теории и практики английского языка и перевода И.В. Никитина.

как оригинал едва ли выполнимо, так как оно подразумевает полную адаптацию текста к нормам другой культуры.

Само понятие взаимодействия культур подразумевает наличие как общих, так и специфических элементов, и совпадений и несовпадений, которое позволяет отличить одну лингвокультурную общность от другой. «Любой переводчик, – подчеркивает И. Г. Федотова, – работая с юридическим текстом, должен учитывать требования узуса – языковые привычки носителей языка перевода, не нарушая привычное восприятие правового документа» [2. С.58]. Расхождения лингвоэтнического характера между носителями иностранного языка и языка перевода могут носить как культурно-исторический, так и актуально-событийный характер.

Подход, учитывающий это, позволяет выявить новую точку зрения на решение практических задач, связанных с проблемами перевода, в частности юридического текста. Главенствующую роль в этой связи играют не только знание правовых норм, юридической терминологии, судебной-процессуальных систем, личностные качества переводчика, но и умение принимать в расчет множество лингвокультурных факторов, так как перевод любого текста предполагает не только взаимодействие суверенных национальных языков, но и культурных систем [1. С.24].

В этой связи представляется необходимым дать описание основных лингвокультурных факторов перевода, под которыми мы понимаем сферы и феномены культуры разных обществ, наций и цивилизационных регионов, которые оказывают мощное влияние на состав языка и значение языковых единиц.

1. Несомненно, главенствующую роль в этом списке занимает история народа, события которой определяют содержание его культурного кода и, соответственно, языка как его носителя. Переводчик должен обладать ясным и полным представлением о культурно-исторических реалиях народа, как уходящих корнями в далекое прошлое, так и о современных, в противном случае он не сумеет отразить в своем переводе все смыслы и акценты оригинального текста, столь сильно зависящие от культурного наследия и современной исторической ситуации.

2. Далее, принципиальное значение имеет совокупность устойчивых выражений и специфических терминов языка. Как подчеркивает Л.К. Латышев, нередко требуются поправки на норму и узус и преинформационный запас носителей языка перевода [3. С.17]. Тогда переводчик прибегает к трансформациям. При выполнении перевода правовых документов особое внимание должно уделяться лексической безэквивалентности, так как во всех языках существуют слова и устойчивые словосочетания иностранного языка, не имеющие более или менее полных соответствий в виде лексических единиц. Переводчику необходимо иметь ясное представление о такого рода явлениях.

Например, большинству русскоязычных не известны такие явления, как *primaries* – предварительные выборы, определяющие кандидатов в президенты от двух политических партий в США.

Backbencher – член парламента в Великобритании, который сидит на задних рядах.

Impeachment – процедура судебного обвинения, в том числе и уголовного, лиц муниципального или государственного исполнения, чиновников, вплоть до главы государства, с последующим их отстранением от должности. Данный термин в России принято переводить транскрипцией – импичмент.

В английском языке наряду со словом *lawyer* – «юрист, адвокат», есть еще несколько слов для обозначения разновидностей адвокатской профессии, которым в русском языке нет соответствующего однословного эквивалента: *barrister* (имеющий право выступать в судах), *solicitor* (подготавливает дела для барристера), *counsel* (консультирует клиентов), *counsellor* (советник по разным юридическим вопросам), *advocate* (адвокат высшей квалификации).

3. В-третьих, хотя это частично было затронуто выше, принципиальную важность имеет знание лингвокультурных традиций той сферы, переводами текстов в которой занимается переводчик, в противном случае могут быть упущены не только важные смысловые нюансы, но и неверно переданы и его основные смыслы. Во время перевода юридического текста достижение адекватности возможно лишь, когда сам переводчик владеет «юридической грамотностью», причем как на иностранном, так и на родном языке. Знание основ законодательства и особенно соответствующей правовой терминологии должны соответствовать уровню сложности переводимых текстов. Перевод юридических текстов является особенно ответственной деятельностью, поскольку его недостаточное качество может снизить эффективность правоприменения и регламентации конкретных правовых отношений [4. С.96].

4. В-четвертых, при переводе текста требуется отдавать себе отчет в культурно-исторически обусловленных особенностях его жанра и стилистики, которые могут различаться от одной культуры к другой, что необходимо учитывать. Юридический текст имеет своеобразное языковое выражение, а именно: ровный и спокойный стиль, не вызывающий дополнительных ассоциаций и не отвлекающий от сути документа, что повышает эффективность правового регулирования.

5. Наконец, несмотря на оговорки, сделанные выше при рассмотрении безэквивалентных лексических единиц, в практике перевода юридических текстов с английского на русский используется неоправданно много заимствованных терминов, для которых эквиваленты в родном языке имеются. Это ставит вопрос о таком важнейшем лингвокультурном факторе переводческой деятельности, и последнем в нашем списке, как принцип лингвистической безопасности.

Лингвистическая безопасность – сравнительно новое понятие, не получившее пока системного описания в научной литературе, и последним в нашем перечислении оно стоит по той причине, что именно оно реже всего принимается в расчёт. Наиболее часто понятие языковой безопасности обсуждается в контексте проблем национальной безопасности, информационной безопасности, языкового суверенитета и языковой политики. Под лингвистической безопасностью предлагается понимать такое состояние политических, социальных и личностных отношений в государстве, при котором максимально обеспечивается безопасное существование, равноправное развитие и взаимодействие государственного и национальных языков [5. С.9].

Угроза, опасность, которую не следует недооценивать, – это лингвистическая экспансия извне, когда общегосударственный язык подвергается внешним деформациям, влияющим на социально-коммуникативные стороны жизни граждан. Яркий пример такого внешнего воздействия – сфера информационных технологий, компьютерных средств обработки информации и их использование в науке, образовании и быту. Это может привести к снижению духовного, нравственного и творческого потенциала населения.

Основное применение принципы лингвистической безопасности в области переводов текстов юридической тематики находят в предпочтении по мере возможности терминов, давно входящих в состав русского языка и имеющих преимущественно славянские корни. Может показаться, что засилье заимствований из латыни и английского в правоведческой сфере является необходимостью, обусловленной отсутствием аналогов в нашем языке. Однако анализ показывает, что это не так – или, по крайней мере, масштабы данной проблемы совсем не столь значительны. Вот лишь некоторые примеры заимствованных специально-юридических терминов и терминов общего словаря, часто используемых в юридических текстах, с иностранными корнями, которые могут быть заменены русскими: *jurisprudence* – юриспруденция – правоведение; *corrections* – коррективы – поправки; *creditor* – кредитор – заимодавец; *criminal* – криминальный – преступный; *congress* – конгресс – (международный) съезд; *constitution* – конституция – основной закон государства; *mandate* – мандат – поручение, задание; *original* – оригинал – подлинник; *publication* – публикация – обнародование; *revision* – ревизия – проверка, пересмотр; *resolution* – резолюция – решение; *symposium* – симпозиум – заседание; *sponsor* – спонсор – благотворитель.

В заключение следует сказать, что переводчик, принимая в своей деятельности во внимание все множество лингвокультурных факторов, влияющих на её результаты, должен проявить также ответственность и заботу о сохранении и развитии лексического богатства его собственного языка. Разумеется, это не всегда возможно и подчас выбор, казалось бы, эквивалентного термина из русского языка при переводе английского термина может привести к узуальной ошибке, особенно в столь

чувствительной к нюансам значений сфере, как юридическая, однако ситуаций, когда такая замена была бы оправданна, намного больше, чем принято считать, и их нельзя игнорировать.

Библиографический список

1. Ш в е й ц е р А. Д. *Перевод в контексте культурной традиции* // Литературный язык и культурная традиция. М., 1994.
2. Ф е д о т о в а И. Г. *Юридические понятия и категории в английском языке*. Обнинск. 2000.
3. Л а т ы ш е в Л. К. *Технология перевода*. М., 2001.
4. Г а м з а т о в М. Г. *Техника и специфика юридического перевода: Сб. статей*. СПб., 2004.
5. Г р и ц е н к о Е. С. *Язык и безопасность в контексте глобализации* // Власть. – 2011. - № 11.

К.А. Удре⁴¹

(Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород)

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УСТНОГО ПЕРЕВОДА

Переводчик сталкивается с существенными прагматическими проблемами, когда выступает в роли Рецептора оригинала и пытается извлечь из него как можно больше информации. Для того, чтобы более точно и полно извлечь информацию из исходного сообщения, переводчик должен обладать теми же фоновыми знаниями, что и Отправитель сообщения. Например, переводчику могут встретиться описания фактов и событий, которые связаны с историей, традициями и обычаями данного народа, говорящего на ИЯ, а также названиями национальных блюд, предметов одежды и т.д. Для адекватной передачи таких реалий требуется внесение поправок на прагматические различия между фоновыми знаниями получателей оригинала и получателей перевода. Например, переводчику следует добавлять поясняющие элементы, чтобы Рецепторам были понятны некоторые географические названия, названия штатов, названия журналов и т.п. Переводчик должен обладать необходимым запасом фоновых знаний из области истории и культуры, литературы и другими реалиями народа, говорящего на исходном языке. Данный запас знаний поможет адаптировать данное сообщение для Рецептора перевода.

⁴¹ Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент кафедры теории и практики английского языка и перевода В.В Сдобников.

Поскольку у Рецептора перевода не всегда имеются необходимые фоновые знания, то переводчику следует использовать такие способы прагматической адаптации, как добавление, разъяснение, конкретизация или генерализация [1. С.211-214].

Также важную роль при передаче содержания исходного сообщения играют и социолингвистические факторы, которые обуславливают различия в речи отдельных групп носителей языка. В данном случае переводчик может столкнуться с такими трудностями, как отклонения от общенародной нормы исходного языка. Например, использование в речи таких субстандартных форм, как территориально-диалектальные, социально-диалектальные. При переводе переводчики могут пренебречь диалектом и перевести слова носителя исходного языка, используя стандартные, литературные формы переводящего языка.

В случае перевода научно-технических конференций переводчик значительно реже сталкивается с прагматическими проблемами, так как специалисты в этой области обладают практически одинаковым объемом фоновой информации. Но и в этом случае переводчик должен давать некую добавочную информацию, например, пояснения относительно названия фирм, национальных единиц измерения, специфических номенклатурных наименований и т.д.

В процессе одностороннего перевода у переводчика могут возникнуть проблемы, связанные с передачей образных, эмоциональных, оценочных и регистрово-маркированных элементов текста. Все они свидетельствуют о том, *как* оратор хотел донести свою мысль до слушателя, какое отношение к описываемым предметам и событиям он хотел высказать, какие выразительные средства нашел. Первым тактическим приемом устного переводчика, имеющего дело с текстом, насыщенным образными и идиоматическими элементами – это *упрощение* образного рисунка текста, использование более нейтральной знаменательной лексики, в том числе замена устойчивых оборотов свободными словосочетаниями или отдельными словами. В синхронном переводе можно заменить исходную образность какими-либо устойчивыми английскими выражениями, несущими подобную же смысловую нагрузку. Также можно воспользоваться приемом мысленного разделения образного или идиоматического выражения на *денотативный компонент* и «*то, что сверх денотативного*» (а это может быть образность, контрастный регистр, культурно-ассоциативное значение, оценка, уменьшительность / увеличительность и т.п.) [2].

В целом, в отличие от письменного перевода, в устном переводе форма исходного сообщения не несет коммуникативно-релевантную информацию и может быть передана в иной форме. Таким образом, форма переведенного сообщения может сильно отличаться от формы оригинала. Однако в некоторых случаях сама тональность текста (поздравление, выражение соболезнования и т.п.), которая определяется ролевыми отношениями между участниками коммуникации, бывает значима.

Предполагается, что средства массовой информации моделируют речевое поведение человека, выбирающего те или иные языковые средства в зависимости от ролевых отношений. Следовательно, перевод должен быть создан в соответствующей тональности, чтобы сообщение смогло оказать необходимое воздействие на получателя.

В дополнение ко всему, устному переводчику следует учитывать возраст, образование аудитории и т.д. Что касается возраста Рецепторов, то в переводе для детей необходимо употреблять более простые слова и речевые обороты, так как дети не смогут понять грамматически-сложные конструкции. Для взрослых же нет необходимости выбирать наипростейший вариант перевода, так как они способны воспринимать тексты любой сложности. Также важную роль играет фактор времени. Поскольку дети являются неусидчивыми Рецепторами, то очень важно выбрать такой способ перевода, который не будет их утомлять (например, перевод с перерывами).

Люди с высшим образованием не нуждаются в пояснении сложных терминов в переводе. А людям, не имеющим образования, необходимо пояснять некоторые из них.

Все вышеуказанные способы переводчик может использовать в соответствии с определенным типом Рецептора и его индивидуальными особенностями для передачи смысла исходного сообщения и оказания необходимого прагматического воздействия.

Рассмотрим способы решения прагматических проблем на примере выступления В.П.Шанцева во время урока истории в доме Рукавишников в Нижнем Новгороде. В предложении «*В 1439 году казанцы разгромили только что основанный нижегородцем Макарием монастырь в устье реки Керженец*» получатель перевода может не знать, кем является нижегородец Макарий из-за отсутствия у него фоновых знаний. При переводе данного словосочетания следует использовать прием добавления, пояснив кем был нижегородец Макарий: *Nizhny Novgorod monk Macarius*.

В предложении «*В годы Смутного времени, Нижний Новгород стал основным центром организации борьбы с интервентами*» из-за отсутствия фоновых знаний получатель скорее всего не знает, что такое «Смутное время». В данном случае лучше воспользоваться описательный перевод: *a difficult period of Russian history from 1598 to 1613*.

В предложении «*Праху великому освободителю Отечества — Кузьме Минину поклонился Петр Первый в один их своих приездов в Нижний*» получатель перевода, вероятно, не знает, кто такой Пётр Первый. При переводе данного имени необходимо использовать прием добавления: *Russian Emperor and Tsar Peter the Great*. С такой же проблемой получатель перевода может столкнуться в предложении «*Продолжила административные преобразования Петра Великого Екатерина II*». Здесь также следует использовать прием добавления: *Russian Empress Catherine the Great*.

Прием добавления также следует использовать в предложении «Город Горький становится крупным промышленным, научным и культурным центром, с населением более миллиона человек». Получатель перевода может не понять бывшее название Нижнего Новгорода Горький и поэтому данное название следует перевести как «former name of Nizhny Novgorod».

Необходимо использовать прием пояснения при переводе данного предложения «Одним из величественных памятников периода индустриализации в Нижнем Новгороде становится Автозавод»: автозавод– Avtozavod Automobile Plant.

В предложении «Завод начал серийный выпуск грузовых автомобилей ГАЗ — АА, знаменитых «полупторок», а через год — легковых ГАЗ — А» присутствует коммуникативно– нерелевантная информация и ее необходимо опустить при переводе, так как она не важна для получателя перевода: *грузовые автомобили ГАЗ — АА, знаменитых «полупторок» — lorries.*

Получатель перевода может не знать, что производит завод «Красное Сормово» в предложении «Одновременно с Автозаводом в Н.Новгороде шло строительство крупного авиационного предприятия и завода «Красное Сормово» и поэтому тут необходимо дать пояснения: *ship-building plant “Krasnoye Sormovo”.*

Из-за отсутствия фоновых знаний получатель перевода может не знать, что такое «Могучая кучка» в предложении «Это и великий поэт А.С.Пушкин, декабристы: Бестужев-Рюмин, Трубецкой, Анненков, Шаховской, Муравьев; музыковед Улыбышев, поэт Т.Г.Шевченко, композитор, основатель знаменитой «Могучей кучки» М.А.Балакирев, составитель «Словаря живого великорусского языка» В.И.Даль». В данном случае следует использовать описательный перевод: *founder of the association of musicians M. A. Balakirev.* В этом же предложении присутствует коммуникативно-нерелевантная информация: составитель «Словаря живого великорусского языка» В.И.Даль. Для получателя перевода данная информация не является столь важной и существенной, поэтому ее можно опустить: *famous lexicographer V.I. Dahl.*

В предложении «И, наконец, Максим Горький, именем, которого и был назван Нижний Новгород в 1932» следует пояснить профессию Максима Горького, так как получатель перевода не знает этого. В этом предложении необходимо использовать прием добавления: *writer Maxim Gorky.*

Библиографический список

1. Комиссаров В. Н. *Теория перевода (лингвистические аспекты)*. М.: Высшая школа, 1990.

2. Зубанова И. В. *Нелегкий труд стрекозы. О передаче образных и идиоматических выражений в устном переводе* // Мосты. Журнал переводчиков. – 2014. - № 1(41). – М.: Р.Валент, 2014.

Ю. В. Фенина⁴²

(Тверской государственной университет,
г. Тверь)

**ЭФФЕКТ РЕАЛЬНОСТИ В ЛИТЕРАТУРЕ. ПЕРЕВОД РЕАЛИЙ,
СЛУЖАЩИХ СОЗДАНИЮ ЭФФЕКТА РЕАЛЬНОСТИ
(на материале произведений Ф.Бегбедера «Каникулы в коме» и
«Рассказики под экстази»)**

В центре внимания настоящей статьи — рассмотрение понятия «эффект реальности», введённого Ролланом Бартом в одноименной работе (1968), посвящённой рассмотрению литературных приёмов, служащих созданию эффекта достоверности или «эффекта реальности» (*effet de réel*).

Свою статью Р. Барт начинает с рассуждений о легитимности введения в литературный и исторический текст «ненужных», «лишних» деталей, элементов, кажущихся неоправданно включёнными в структуру произведения, но которые мы неизбежно найдём в любом западном повествовательном тексте обычного типа. Подобные «повествовательные излишества», «незаслуживающие упоминания» элементы Барт условно приравнивает к описаниям и в качестве оных цитирует фрагменты текстов, принадлежащих литературе и историографии (перу Флобера и Мишле соответственно).

Далее автор анализирует феномен литературного описания в западной культуре начиная от античности с выделившимся тогда особым эпидейктическим жанром красноречия и экфрасиса (античного жанра дескриптивного отрывка, обособленного внутри целостного произведения), посвящённого «описанию места, времени, тех или иных лиц или произведений искусства», и доказывает, что «эстетическая функция» издревле присуща описанию, на всем протяжении средних веков «описание не подчиняется никакому реалистическому заданию; мало существенна его правдивость, даже правдоподобие; львов и оливы можно с лёгкостью помещать в страны Севера — существенны одни лишь нормы описательного жанра»[1. С.394].

Таким образом, по мнению Р. Барта, литературное описание — явление чисто дискурсивного, не референциального, плана, т.к. применительно к нему даже сам феномен правдоподобия как таковой «имеет... не референциальный, а открыто дискурсивный характер», поскольку «определяется правилами данного типа речи». Иными словами,

⁴² Научный руководитель – д-р. филол. наук, профессор В.А.Миловидов.

«эстетические правила вбирают в себя правила референциальные». Чтобы проиллюстрировать силу эстетической направленности описания, Р. Барт приводит описание Г. Флобером Руана (роман «Госпожа Бовари»), в котором писателю важен отнюдь не реально существующий город Руан, Руан как онтологический объект вовсе не оказывается предметом этого описания: «ткань описания, где, казалось бы, первостепенное значение ... уделяется Руану как объекту, — в действительности лишь основа, на которую нашиваются жемчужины редких метафор, нейтрально-прозаический наполнитель, которым разбавлено драгоценное вещество символики; словно во всем Руане писателю важны только риторические фигуры, которыми он описывается, словно Руан достоин упоминания только в виде замещающих его образов. Все описание Руана выстроено таким образом, чтобы уподобить Руан живописному полотну, — средствами языка воссоздаётся картина, словно уже написанная на холсте» [там же].

Создаётся впечатление, что сама возможность и необходимость описания, а по сути «наименования референта» обеспечивается вовсе не фактическим наличием этого референта (объекта описания), но задаётся самими правилами описания, достаточными для создания «референциальной иллюзии», соотносящей в целом иллюзорный мир с реальностью, что в современной лингвистике называется *anchoring*, «якорение» – как якорь, привязывает корабль ко дну, так подобного рода описания (мелкие жесты, мимолётные позы, незначительные предметы, избыточные реплики) привязывает художественный мир к реальности.

Проиллюстрируем это положение примерами, выделенными нами при анализе текстов оригиналов и переводов автора нашумевших бесцеллеров Ф.Бегбедера. Ещё на стадии первичного анализа текстов, становится ясно, что они перенасыщены реалиями разного рода: топонимами современного Парижа, антропонимами, отсылающими к современным деятелям политики, культуры, искусства и спорта, реалиями, обозначающими гастрономические изыски или же привычные для француза блюда... Эти элементы составляют внушительный корпус в каждом из произведений Бегбедера.

Обилие данных лексических единиц, которыми автор не скупясь пересыпает страницы своих книг, будто бы отсылают к реальному Парижу, к реальным его улицам и известным заведениям, читатель может пройтись вместе главным героем по местам его «боевой славы», славных гулянок, знатных увеселений: *rue des Beaux-Arts, l'Arc, la Cigale, chez Denise, l'Elysée...*[2]. Но ночной клуб, место возведения которого прописано географически ясно: «*в бывшем общественном туалете*», «*на площади Мадлен*» - никогда не существовал, наряду с ныне здравствующими или бывшими таковыми на момент написания романа (*Борис Ельцин, Саддам Хуссейн, Ванесса Паради, Мадонна*) главный герой встречает на светских вечеринках откровенно вымышленных персонажей [3]. Подобное соседство вымышленного и «реального» сближает повествование с

жизнью, реалии, имеющие «реальные», отнологически представленные референты создают пресловутый эффект реальности, о котором мы ведём речь.

В анализируемом романе «Каникулы в коме» и новеллах «Рассказики под экстази» нами были выделены как реалии внешние для языков оригинала и перевода, так и реалии внутренние для ЯИ и внешние для ЯП. Для передачи обоих типов реалий широко использовалась транскрипция, зачастую в сочетании с транслитерацией, т.е. фактически имел место отказ от перевода. При передаче же названий телеканалов или некоторых клубов и музыкальных групп переводчик и вовсе сохраняет текст на латинице. Впрочем, не всегда понятно, какими соображениями руководствуется переводчик сохраняя оригинальное написание названия одной музыкальной группы и транскрибируя другое («*Эй-Си-Ди-Си*», «*Софт Селл*», «*Визаж*» и «*Зиг Зиг Спутник*», но «*Led Zeppelin*», «*The Beach Boys*» и «*Lords of Acid*»), тот же вопрос возникает и в случае передачи названий печатных изданий или названий ночных клубов, в одних случаях переводчик избирает транскрипцию, в других прибегает к калькированию («*Вэнити феър*», «*Вог*» и «*Гламур*», но «*Глаз*» для журнала «*L'Œil*», клубы «*Бэби-О*» в Акапулько, «*Бэши*» в Майами, «*May-May*» в Буэнос-Айресе, но клуб «*Семь*» в Париже) [4; 5].

Поскольку большая часть антропонимов и топонимов неизвестны для русскоязычного читателя, переводчик часто прибегает к примечаниям, что несколько облегчает читателю интерпретацию текста, однако, поскольку примечания носят крайне сжатый характер, и обыкновенно лишь дают представление о том, в какой области проявил себя тот или иной деятель, читатель перевода все равно остаётся в менее выигрышной позиции, чем читатель оригинала, и вынужден обращаться к дополнительной информации.

Особую остроту приобретает проблема эффекта реальности в сравнении текстов литературной традиции и текстов исторического характера, Барт говорит о том, что реализм в европейской литературе неслучайно сложился примерно в те же десятилетия, когда получила распространение «объективная» историография», и отмечает, что в историческом повествовании, по определению обязанном излагать «то, что реально произошло», отсылка к реальности становится основной, и функциональность или нефункциональность детали принципиально не важны, «главное, чтобы она прямо указывала на «то, что имело место»; «конкретная реальность» сама по себе является достаточной причиной, чтобы о ней говорить» [1. С. 396].

И именно исторический дискурс послужил образцом для классической литературы, с её неуёмным стремлением к как можно более полному воссозданию реальности, имея в распоряжении лишь средства для создания эффекта реальности, и с этим стремлением связано её повышенное внимание к отточенности в описании деталей, которые призваны продекларировать, главным образом, следующее: «мы

реальность», задавая, таким образом, вышеупомянутую «референциальную иллюзию», сущность которой заключается в том, что «реальность», будучи изгнана из реалистического высказывания как денотативное означаемое, входит в него уже как означаемое коннотативное стоит только признать, что известного рода детали непосредственно отсылают к реальности, как они тут же начинают неявным образом означать её» [там же]. Фактически литература приходит к тому, что «само отсутствие означаемого, поглощённого референтом, становится означающим понятия «реализм», — тогда и возникает «эффект реальности» как «основа того скрытого правдоподобия, которое и формирует эстетику ... новой литературы» [там же]. Один из выводов, к которым приходит Барт состоит в том, что «это новое правдоподобие ... есть не что иное, как сам реализм». Кажется возможным предположить, что Ф. Бегбедер, известный пересмешник, постмодернист, перенасыщая тексты своих произведений топонимами, атропонимами, бытовыми реалиями ведёт с читателем игру совершенно в духе постмодернизма, пародирует и доводит до абсурда схему, которой с величайшим тщанием следовал реализм.

Как Р. Барт отмечает в другой своей статье «Дискурс истории» (1966), «вся наша цивилизация питает пристрастие к эффекту реальности, что подтверждается развитием таких специфических жанров, как роман, дневник, документальная литература, хроника происшествий, исторический музей, выставка старинных вещей, а в особенности массовое развитие фотографии, чья единственная отличительная черта (по сравнению с рисунком) – именно обозначение того, что изображённое событие действительно имело место» [6. С.441].

В связи с новой волной интереса к историографии, наблюдаемой в последние десятилетия, отечественные и зарубежные исследователи обращаются в своих работах к бартовскому «эффекту реальности» в историческом тексте, задаются вопросом, являются ли идентичными механизмы создания эффекта реальности в историописании и в реалистической литературе. Ф. Анкермит в своей небезызвестной работе «История и тропология: взлёт и падение метафоры» после тщательного рассмотрения этого вопроса не находит «очевидных возражений против бартовской эквивалентности эффекта реальности в реалистическом романе и в историописании», по его мнению, их объединяет общая ментальность [7. С.287].

Библиографический список

1. Б а р т Р. *Избранные работы: Семиотика. Поэтика*. М.: 1994.
2. В e i g b e d e r F. *Vacances dans le coma*. Paris: Grasset, 1997.
3. Б e г б e д e р Ф. *Каникулы в коме* / Пер. с фр. И. Кормильцева. М: Иностранка, 2002.
4. В e i g b e d e r F. *Nouvelles sous Ecstasy*. Paris: Gallimard, 1999.

5. Б е г б е д е р Ф. *Рассказики под экстази* / Пер. с фр. И. Васюченко. СПб.: Симпозиум, 2003.
6. Б а р т Р. *Система моды. Статьи по семиотике культуры*. М.: 2003.
7. А н к е р с м и т Ф. Р. *История и тропология: взлет и падение метафоры*. М.: Прогресс-Традиция, 2003.

Е.А. Филилеева⁴³

(Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород)

ЕДИНЫЙ ЯЗЫК НАУКИ

Язык науки, технический язык и язык прогресса — сейчас мы все чаще слышим эти понятия, встречаем их на страницах изданий. В чем особенность этого научного языка?

Язык как инструмент используется для достижения различных целей. В связи с широким спектром задач, к языку предъявляются разные требования, к примеру, особая выразительность, эмоциональность, яркость передачи. Для языка науки важнейшими характеристиками являются точность и ясность, а также полнота и однозначность.

Стоит отметить, что на основе языка каждого отдельного народа существует свой язык науки. В каждой стране делаются открытия, ведутся исследования, публикуются научные работы. Но наука не может развиваться ограниченно, используя средства и возможности только внутри одной страны. Однако при встрече ученых из разных стран возникает проблема: как передать с помощью одного национального языка терминологию, язык науки, присущий другому? Как избежать искажений при переводе понятий, разночтений и неточностей? Из-за большого числа существующих в мире национальных языков и возникла проблема языка науки, рассматриваемая в данной работе: нужен ли в мире единый научный язык и даст ли это новый толчок развитию наук или, напротив, станет барьером для широкого распространения научной мысли.

Единый научный язык — реальность или плод фантазии?

Некоторые лингвисты и ученые полагают, что введение единого языка науки может помочь решить проблему международного обмена знаниями. К тому же в истории уже есть примеры использования международного научного языка. Основным языком науки долгое время

⁴³ Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент кафедры теории и практики немецкого языка и перевода И.С. Парина.

был древнегреческий язык. Далее значение международного языка науки приобрел латинский язык.

Но в конце XVIII в. латинский язык в науке начал вытесняться национальными языками; ярче этот процесс проявляется в XIX и XX вв. Причиной тому стал рост национальных движений, который нанес ущерб интенсивности научного общения, а впоследствии – научной работе в целом.

В настоящее время приоритетное значение при написании работ и ведении научной переписки имеет английский язык, особенно в гуманитарных и естественных науках. На нем написано 82% научных публикаций (по данным Scopus, библиографической и реферативной базы данных, за 2014 год [1]), второе место занимает немецкий язык (3,4%), третье – французский (2,4%), далее китайский (2,2%), русский (2%) и другие языки (8%). Причиной этому видится желание исследователей получить наиболее широкий отклик в международных кругах; к тому же при подсчете индекса цитирования, так значимого для любого научного деятеля в его карьере (ведь чаще всего под ним подразумевают показатель, указывающий на значимость какой-либо публикации) учитываются лишь издания международного уровня, которые изначально являются англоязычными. Большое число изначально неанглоязычных журналов также отказались в последнее время от своего национального языка.

Так, по результатам опроса среди немецких научных деятелей о значимости немецкого языка в сфере науки, почти 60% историков отметили, что немецкий потерял свои позиции и проигрывает по частоте использования в выступлениях и докладах английскому; среди обществоведов так ответили 90% респондентов, а среди германистов – одна пятая [2].

Во многих ВУЗах мира появилась возможность проходить обучение на английском языке. В Германии такую возможность предоставляют 60 из 108 университетов страны, в общей сложности существует более 800 направлений с обучением на английском [3]. И с каждым годом растет число таких направлений. В странах Европы хороший толчок к этому дает программа студенческого обмена «Эразмус».

В России же на данный момент существует лишь 20 таких направлений: к ним относятся зарубежная лингвистика, лечебное дело, фармацевтика [4]. Но ведущие российские ВУЗы уже разрабатывают новые учебные программы, переведенные на английский.

В некоторых ВУЗах мира и вовсе отказываются от преподавания на национальном языке. К примеру, в миланском политехническом университете 80% магистерских программ предлагаются только на английском языке. В будущем университет и вовсе хочет отказаться от обучения на итальянском языке.

Общие проблемы единого языка науки

К чему приводит такой стремительный общий «переход» науки на английский язык?

С одной стороны, единый язык открывает большие возможности для обучения. Больше не нужно тратить время на изучение определенного иностранного языка, а можно сразу приступить к изучению интересующей дисциплины. Единый язык ускоряет и удешевляет процесс обмена знаниями между учеными – при широком распространении одного языка науки почти исключаются временные и денежные затраты на перевод материала. К тому же минимизируется возможность разночтения при изучении научного труда, т. к. терминология существует и будет развиваться в рамках одного английского языка.

С другой стороны, такое языковое ограничение в рамках науки придает ей некую закрытость, элитарность — возможность поделиться результатами исследований, ознакомиться с трудами ученых, обучаться на интересующем направлении в университете будет лишь у тех, кто владеет английским языком на достаточно высоком уровне. Наука становится недоступной для широкой публики, что может затормозить ее развитие.

К примеру, все чаще в европейских странах авторы учебников, приводя цитату из англоязычного источника или некий научный термин, не утруждают себя переводом их на свой национальный язык либо лишь частично передают смысл цитируемого материала в последующих нескольких предложениях. К примеру, ведущая австрийская социолог Гертрауде Микл-Хорке (Gertraude Mikl-Horke) в своем учебнике «Historische Soziologie der Wirtschaft: Wirtschaft und Wirtschaftsdenken in Geschichte und Gegenwart» («Историческая социология экономики: понимание экономики в прошлом и настоящем»), лишь ссылается на источник цитаты, но не добавляет перевода исходного текста. А зачастую и вовсе подменяет немецкий термин английским.

*„Da Vorstellungen eng mit Handlungsweisen verbunden sind, führte das Marktdenken einerseits zur Veränderung der Kultur, baute andererseits aber seinerseits auf Werten und Verhaltensmustern auf: **“In the absence of certain values and practices a market economy cannot come into existence. Once a market economy does exist, its very presence seems to encourage some ways of life and discourage others.”**“⁴⁴. Der Markt selbst beruht demzufolge auf Werten. Verhaltensmustern und Beziehungsgefügen, weshalb es auch keine **“single culture of the market”** geben kann. Nicht immer waren dieselben kulturellen Formen mit dem Markt verbunden, auch sind nicht alle Kultur Aspekte mit diesem kompatibel“ [5. С. 456].*

⁴⁴Thomas L. Haskell/Richard F. Teichgraber III. Introduction, in: Dies. (eds.), The Culture of the Market. Historical Essays, Cambridge 1993, S. 1-42, S. 2 (прим. авт.)

*„Die Identifikation von Wirtschaft mit Markt wurde begleitet von der **“commodity fiction”**, der Übertragung des Warenbegriffs auf Arbeit und Land und transformierte solcherart nicht nur die Wirtschaft, sondern die ganze Gesellschaft. Sie wurde zur Marktgesellschaft **“embedded in the mechanism of its own economy.”**“⁴⁵ Polanyi sah solcherart einen gewaltsamen Bruch mit früheren Formen von Wirtschaft und Kultur. Die Herauslösung des Marktes ließ auch die **“Gesellschaft”** entstehen, die Polanyi mit dem Marktsystem identifizierte“ [5. С. 662].*

Кроме того, обучение на иностранном языке оказывается менее результативным, чем на родном. Это показало исследование группы шведских ученых под руководством Джона Эйри и Цедерика Линдера о влиянии языка обучения на процесс получения и уровень знаний у студентов, проведенное среди 22 учащихся в двух университетах Швеции [6]. В других источниках указывается, что обучающийся теряет около 25% информации из источника, написанного на иностранном языке [4].

В связи с распространением английского как главенствующего языка науки для того, чтобы донести результаты своих работ до умов широкой публики, ученые вынуждены или переводить свои труды и выступления с родного языка на единый, или изначально писать на нем. Нередко при этом возникают трудности, связанные с недостаточным уровнем владения языком: ученый не может точно и правильно выразить свои мысли при помощи английского либо возможный вариант изложения, по мнению автора, далек от варианта того же материала на его родном языке. С последней проблемой особенно часто сталкиваются социологи и философы.

Плохой уровень владения языком часто становится также причиной отказа публиковать материал [7].

Выводы

Так нужен ли единый научный язык и помогает ли он в развитии науки? Можно сказать, на примере английского языка, что он помогает общению ученых всего мира и ускоряет процесс обмена знаниями. Но он должен быть лишь вспомогательным инструментом, и ни в коем случае не единственно возможным способом донести до окружающих научную информацию.

Наука должна быть «полиязычной». Это необходимо для более широкого распространения науки. Как было уже сказано, введение лишь одного языка науки закрывает свободный доступ к ее достижениям. Каждый народ, каждая страна заинтересована в собственном развитии, в развитии науки и своего языка, что невозможно без международного обмена информацией, ее осмысления и развития полученных научных мыслей, а также передачи следующим поколениям. Как показывает опыт и

⁴⁵Karl Polanyi, *The Great Transformation*, Wien 1977 (urspr. engl. 1944), S. 9. (прим. авт.)

результаты исследований, подготовка новых профессиональных кадров успешна, если проводится именно на родном языке обучающихся.

В связи с этим во многих странах проходят конференции лингвистов и представителей других научных отраслей, где обсуждаются вопросы о значимости национального языка в науке, его распространении в мире и защите его на международной арене. К примеру, в ноябре 2011 года в Немецком культурном центре им. Гёте (Goethe-Institut) прошла конференция на тему «Deutsch in den Wissenschaften» («Немецкий язык в науках»). Известные германисты, переводчики и публицисты представили свое видение проблемы и поделились мнениями о путях решения проблемы единого языка науки.

Вопрос о распространении русского языка в науке был затронут на российском форуме «Русский язык в диалоге культур», который прошел в онлайн-режиме 8-9 июня 2015 года при поддержке Российского центра науки и культуры.

Библиографический список

1. К и р и л л о в а О. В. *Критерии отбора и рекомендации по подготовке журнала в индекс цитирования SCOPUS* // Электронный ресурс Интернет: http://fano.gov.ru/common/upload/library/2014/12/main/kriterii_journals.pdf
2. s e l J. *Wer Leser will, muss auf Englisch schreiben* // Электронный ресурс Интернет: <http://www.sueddeutsche.de/bildung/streit-in-der-wissenschaft-pflichtsprache-englisch-1.2018594>
3. V i t z t h u m T. S. *Warum Deutsch als Forschungssprache verschwindet* // Электронный ресурс Интернет: <http://www.welt.de/politik/deutschland/article113150770/Warum-Deutsch-als-Forschungssprache-verschwindet.html>
4. *Высшее образование в России* // Электронный ресурс Интернет: <http://www.edurussia.ru/ru/about/about-edu-in-russia/>
5. М i k l – Н о r k e G. *Historische Soziologie der Wissenschaft: Wissenschaft und Wissenschaftsdenken in Geschichte und Gegenwart*. München; Wien: Oldenbourg, 1999.
6. A i r e y J., L i n d e r C. *Language and the experience of learning university physics in Sweden* // Eur. J. Phys. – 2006. - № 27.
7. К и р и л л о в а О. В. *Редакционная подготовка журналов по международным стандартам и требованиям глобальных индексов цитирования* // Электронный ресурс Интернет: http://www.mgsu.ru/science/N-Issled_i_innovac_deyat/UNP/naukometriya/redakcionnaya_podgotovka_zhurnalov.pdf

ВЫБОР ПЕРЕВОДЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ И ФАКТОР АДРЕСАТА ПРИ ПЕРЕВОДЕ ФИЛОСОФСКИХ ТЕКСТОВ

Как отмечает И.С. Алексеева, особая сложность в переводе философских текстов заключается в том, что наряду с терминами-неологизмами, придуманными автором, в систему входят переосмысленные общефилософские термины, которым в контексте данного философского построения придается новое значение [1. С.265, 280]. В свою очередь Ш. Вальтер считает, что в отличие от сугубо научных текстов, в философском тексте лексика переполнена «внутренними, невидимыми денотатами» [2. С.221], то есть одна лексическая единица может обозначать множество объектов действительности, так как он является «открытым для интерпретации» [ibidem]. При этом необходимо также учитывать данные потенциального адресата текста перевода, чтобы достичь успешной коммуникации [3. С.22].

В данной статье речь пойдет о сравнении стратегий перевода широкозначных понятий в философском тексте на русский и английский языки и роли адресата, определяющей выбор тех или иных переводческих решений. Данная проблема предполагает следующие шаги:

1. Изучение особенностей специальных текстов (в частности философских).
2. Классификация выявленных через анализ текста оригинала и его переводов переводческие стратегии.
3. Сопоставление принятых переводчиком решений при переводе абстрактной лексики.

Источником эмпирического материала для анализа переводческих решений при переводе философских терминов с немецкого языка на русский является глава произведения М. Хайдеггера «Sein und Zeit». §27 “Das alltägliche Selbstsein und das Man“. „Das In-der-Welt-sein als Mit- und Selbstsein. Das „Man“, 1927, (ИТ) и ее два перевода. Перевод на русский язык был выполнен В.В Бибихиным («Бытие и время». «Повседневное бытие самости и люди». «Бытие-в-мире как событие и бытие самости. Люди») в 1997 году (ПТ1). Перевод на английский был осуществлен философами Эдвардом Робинсоном и Джоном Маккуорри (“Being and Time” 27. Everyday Being-one's-Self and the "They") в 1962 году (ПТ2).

Было выявлено 52 философских термина, которые можно разделить на 3 группы и при сопоставлении переводов данных групп терминов на

⁴⁶ Научный руководитель – д-р. филол. наук, профессор кафедры немецкой филологии Л.И. Гришаева.

русский и английский языки, были выявлены следующие стратегии перевода [1. С.280; 4. С.197]:

1. Поиск существующих эквивалентов для общепринятых философских терминов (см. примеры ниже):

ИТ	ПТ1	ПТ2
<i>Dem unvoreingenommenen ontisch-ontologischen »Sehen« enthüllt es sich als das »realste Subjekt« der Alltäglichkeit [5. С.128].</i>	<i>Непредвзятому онтически-онтологическому «видению» они приоткрываются как «реальнейший субъект» повседневности [6. С.128].</i>	<i>If we 'see' it ontico-ontologically with an unprejudiced eye, it reveals itself as the 'Realest subject' of everydayness [7. С.166].</i>

2. Авторский подбор эквивалентов для узкоспециальных терминов на основе их анализа либо однозначными эквивалентами, которые уже есть в словарях, либо описательным способом (см. примеры ниже):

ИТ	ПТ1	ПТ2
<i>Entscheidend ist nur die unauffällige, vom Dasein als Mitsein unversehens schon übernommene Herrschaft der Anderen [5. С.126].</i>	<i>Единственно решает незаметное, присутствием как событием невзначай уже принятое господство других [6. С.126].</i>	<i>What is decisive is just that inconspicuous domination by Others which has already been taken over unawares from Dasein as Being-with [7. С.163].</i>

3. Авторский подбор эквивалентов для авторских неологизмов – неологизмами, созданными на языке перевода (см. примеры ниже):

ИТ	ПТ1	ПТ2
<i>Das alltägliche Selbstsein und das Man [5. С.126].</i>	<i>Повседневное бытие самоти и люди [6. С.126].</i>	<i>Everyday Being-one's-Self and the "They". [7. С.163].</i>

Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы: при переводе первых двух групп терминов были подобраны одинаковые эквиваленты для каждого термина в русском и в английском переводах. Однако анализ переводческих решений третьей группы терминов, в

частности лексических единиц *das Man* и *das Dasein* требует особого внимания.

При переводе существительного *das Man* на русский язык было выявлено 4 разных варианта перевода (более подробный анализ см. [4. С.199-200]):

1. *Люди* – 16 (53%).
2. *Человек* – 8 (23%).
3. *Человеко-самость* (для существительного *das Man-selbst*) – 4 (14%)
4. *Человек людей* – 10 (6%).

При анализе перевода лексической единицы *das Man* наблюдаются наибольшие различия, где доминируют авторские (переводчика) неологизмы. Данные результаты дают нам право полагать, что русский переводчик стремился передать своеобразие авторской системы терминов и показать уникальность новообразования, ориентируясь на реципиента-философа.

При анализе перевода существительного *das Man* на английский язык было обнаружено 2 группы эквивалентов для данной лексической единицы:

Das Man ist auch nicht so etwas wie ein »allgemeines Subjekt«, das über mehreren schwebt [5. С.128].

Furthermore, the "they" is not something like a 'universal subject' which a plurality of subjects have hovering above them [7. С.166].

The they. Данный выбор эквивалента объясняется тем, что существительное *das Man* в работе М. Хайдеггера имеет значение безличного существования и образовано от неопределенно-личного местоимения *man* [8. С.1065; 9. С.13] в результате конверсии. Конверсия - переход любой части речи в существительное [10. С.71]. В английском языке существительное *the they* образовано в результате конверсии от местоимения *they*, которое также, как и в немецком может быть неопределенно личным местоимением [11].

Вторая группа предложений, в которых существительное *das Man-selbst* и местоимения имеет эквивалент *the they-self*:

Als Man-selbst ist das jeweilige Dasein in das Man zerstreut und muß sich erst finden [6. С.128].

As they-self, the particular Dasein has been dispersed into the "they", and must first find itself [8. С.167].

The they-self. Данный эквивалент получен в результате калькирования существительного *das Man-selbst*.

При анализе перевода лексической единицы *das Man* было установлено, английские переводчики обращаются к конвенциональным средствам.

Рассмотрим переводы предложений с существительным *das Dasein* с немецкого языка на русский и английский языки (см. примеры ниже):

ИТ	ПТ1	ПТ2
...daß das eigene Dasein – gegen die Anderen zurückbleibend – im Verhältnis zu ihnen aufholen will, sei es, daß das Dasein im Vorrang über die Anderen darauf aus ist, sie niederzuhalten [5. С.126].	...будь <i>то</i> потому что <i>свое</i> присутствие – отставая от других – хочет относительно них подтянуться, будь <i>то</i> потому что присутствие в превосходстве над другими <i>замахнулось</i> их подавить [6. С.126].	...whether one's own Dasein has lagged behind the Others and wants to catch up in relationship to them, or whether one's Dasein already has some priority over them and sets out to keep them suppressed [7. С.163-164].

Русский переводчик подобрал новый эквивалент для термина *das Dasein* – *присутствие*, скорее всего пытаясь подчеркнуть новообразования данного термина [12], в то время как английские – прибегли к транслитерации, тем самым создав новый философский термин в английском языке [13; 14].

Результаты сопоставления переводов терминов широкозначной семантики с немецкого на русский и английский языки позволяют выявить следующие особенности: английские переводчики для передачи авторских неологизмов предпочитают конвенциональные средства с множеством уточнений, в то время как русский переводчик передает авторские неологизмы одного и того же типа и одной и той же семантики всякий раз по-разному, акцентируя словообразовательную специфику данного типа терминов.

Библиографический список

1. А л е к с е е в а И. С. *Введение в переводоведение: учеб. пособие для студ. филол. и лингв., фак. высш. учеб. заведений*. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2004.
2. S t e p h a n W. *Fachübersetzen: Zur Syntax in geisteswissenschaftlichen Texten am Beispiel von Feuerbachs «Wesen der Religion»*. Germanistisches Jahrbuch der GUS «Das Wort», 2002.
3. Л а т ы ш е в Л. К. *Технология перевода: учеб. пособие по подготовке переводчиков (с немецким языком)*. М.: НВИ-Тезаурус, 2000.
4. Ч е р н я в с к и й С. А. *Проблема перевода абстрактной лексики философских текстов // Проблемы языка и перевода в трудах молодых ученых: Сборник научных трудов. Вып. 13. Том 2*. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2014.

5. Heidegger M. *Sein und Zeit. 18 Aufl, unveränd.* Tübingen: Niemeyer Verlag, 2001.
6. Хайдеггер М. *Бытие и время. Перевод с немецкого В.В.Бибихин.* М.: Издательство «Ad Marginem», 2001.
7. Heidegger M. *Being and Time. Translated by John Macquarrie & Edward Robinson,* Blackwell Publishers Ltd, 1962.
8. *Философия: Энциклопедический словарь* / Под рук. А.А. Ивина. М: Гардарини, 2004.
9. Schöpfung E. *Die Sprache Heideggers.* Pfullingen: Neske, 1962.
10. Смирницкий А. И. *Морфология английского языка.* М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1959.
11. <http://de-en.dict.cc/?s=man>
12. <http://www.phildic.ru/dasein/>
13. <http://www.oxforddictionaries.com/definition/english/dasein?q=Dasein&searchDictCode=all>
14. <http://www.dict.cc/?s=Dasein>

Я.С. Чистякова⁴⁷

*(Челябинский государственный университет,
г. Челябинск)*

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ПРОЗВИЩ ЛЮДЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ МЕДИЙНЫХ ТЕКСТОВ)

В то время, когда общество ещё находилось на первых стадиях своего развития, люди при общении ограничивались одними лишь именами. По мере того, как они начали расширять круги своих знакомств, а социальные, материальные и другого рода неравенства становились всё заметнее, люди испытали необходимость в дополнительных названиях для того, чтобы выделять одних индивидуумов среди других. Одними из таких названий стали прозвища. Более того, используя прозвища, люди смогли выражать свои эмоции, чувства и отношения к наделяемому прозвищем человеку.

Сегодня в культуре любого народа существуют самые разнообразные прозвища, и у каждого народа прозвища имеют свои уникальные, присущие только им черты и особенности, причины появления, фиксирования и существования.

В современной переводческой практике перевод прозвищ с одного языка на другой с одной стороны уже не вызывает вопросов, с другой стороны, каждый раз заставляет переводчика задуматься об адекватной его

⁴⁷ Научный руководитель – канд. филол. наук, заведующая кафедрой теории и практики перевода О.Р.Абдрахманова.

– прозвища – передаче, поскольку, как правило, в прозвище заключена информация о его обладателе или же отношении к нему того человека, который создает прозвище. Особенно важной поэтому является передача прагматического потенциала прозвища, так как именно через него осуществляется воздействие на реципиента и является возможным вызвать у него когнитивную и/или эмоциональную реакцию.

Д. И. Ермолович в своей работе отмечает, что в англоязычной лингвистике понятие прозвища истолковывается различно, отсутствует единое понимание этой лексической категории [1. С.87].

Западный лингвист Э. Партридж определяет прозвище как «дополнение или замещение имени» [2. Р.76].

Редакторы посвященного ономастике американского научного журнала «Names» описывают прозвище следующим образом: «...a name which is added to or which replaces a real name or it may be a short form or pet form of the real name»⁴⁸ [3. Р.253].

Частично схожее толкование дает и отечественная исследовательница Н. В. Подольская в «Словаре русской ономастической терминологии», где прозвище – «дополнительное имя, данное человеку окружающими в соответствии с его характерной чертой, сопутствующим его жизни обстоятельствам или по какой-либо аналогии» [4. С.115].

Д.И. Ермолович характеризует прозвище как «неофициальное экспрессивно-образное или эмоционально-оценочное имя, употребляемое в дополнение к антропониму или вместо него» [1. С.89].

В ходе изучения затронутой темы, мы выяснили, что исследователи распределяют прозвища в группы по следующим признакам: структурно-грамматическим [5. С.281-297; 6. С.68–93], семантическим [7. Р.266], [8. С.43-50; 9. С.173–179], [10. С.406-417], а также в соответствии со следующими критериями: зависимость прозвища от ситуации, состав прозвища, характер коммуникативной сферы, в которой прозвища становятся индивидуальными, степень характеристики референта [1. С.89-95].

Говоря о сфере функционирования прозвищ, стоит отметить, что она не ограничивается лишь художественными текстами. Исходя из проанализированных нами научных работ, посвященных прозвищам людей, и нашего собственного опыта, нами было отмечено, что прозвища наиболее часто употребляются не только авторами художественной литературы, но и, главным образом, в неофициальной сфере, в сфере политики, спорта, шоу-бизнеса. Прозвища зачастую образуются внутри определенного коллектива, например, в кругу семьи самими членами этой семьи, а также внутри какого-либо ограниченного круга людей, которые довольно тесно связаны и нередко контактируют друг с другом, однако за

⁴⁸ «...имя, добавляемое к реальному имени человека или же заменяющее его, оно также может являться его сокращенной или уменьшительно-ласкательной формой» (перевод мой. – Я.Ч.).

пределами таких узких коллективов прозвища прекращают действовать [11. С.44].

Как отмечают некоторые ученые, прозвища употребляются в «бытовом и непринужденном общении» [12. С.52], «функционируют в диалектной, сленговой и жаргонно-просторечной среде» [13. С.32], «привязаны к определенным коммуникативным обстоятельствам, прежде всего, – к неформальному межличностному типу общения со сниженной, фамильярной или упрощенной тональностью» [14. С.18].

Ранее уже было упомянута важность сохранения при переводе прагматики прозвища. В. Н. Комиссаров в своей работе пишет о прагматическом потенциале текста, называя его «способностью текста производить коммуникативный эффект, вызвать у Рецептора прагматические отношения к сообщаемому, иначе говоря, осуществить прагматическое воздействие на получателя информации» [15. С.210].

Одним из способов формирования прагматического потенциала текста является употребление в нём таких лексических единиц (к их числу мы относим прозвища), которые содержат в себе способность передавать личное отношение говорящего к окружающему его миру.

Ученый также говорит об условиях появления прагматического потенциала текста: «...прагматический потенциал текста является результатом выбора адресантом содержания сообщения и способа его языкового выражения. В соответствии со своим коммуникативным намерением адресант отбирает для передачи информации языковые единицы, обладающие необходимым значением, как предметно-логическим, так и коннотативным, и организует их в высказывании таким образом, чтобы установить между ними необходимые смысловые связи» [15. С.209-210].

Поэтому, тщательно отобранные автором текста для создания его прагматического потенциала лексические единицы, по сути, также должны обладать прагматическим потенциалом. В прагматическом потенциале прозвищ, как мы считаем, опираясь на мнения исследователей, заложены их эмоциональность, экспрессивность, иначе говоря, информация о том, как автор, создающий то или иное прозвище, оценивает или относится к наделенному им (этим прозвищем) человеку.

Изучив работы различных исследователей, посвященные передаче прагматической составляющей прозвищ, мы пришли к выводу о том, что для адекватной передачи прагматического потенциала текста или его единиц (в том числе и прозвищ), переводчику необходимо определить коммуникативную интенцию автора текста или прозвища, установить доминантную функцию текста, в котором употребляется прозвище. Кроме того, при передаче прагматического потенциала прозвища можно пользоваться необходимыми способами прагматической адаптации (добавление, опущение, генерализация, конкретизация и комментарии) [16. С.28].

Более того, при переводе прозвища важно определить, к какому типу оно относится, поскольку соответствие должно быть функциональным. Некоторые ученые советуют при передаче прозвищ учитывать тот факт, что каждый язык обладает стандартными способами номинации, что ограничивает возможные варианты передачи прозвища [1. С. 99].

Предметом нашего рассмотрения являются прозвища, встречающиеся в медийных текстах. Цель исследования сводится к выявлению, исследованию и описанию особенностей передачи прозвищ людей с учётом прагматического аспекта.

Анализ работ, посвященных сущности медийных текстов, позволяет говорить о том, что медийный текст – это сообщение, рассчитанное на массовую аудиторию, изложенное в любом виде и жанре медиа [17. С.39]. Он обладает рядом особенностей: динамичностью, идеологическим плюрализмом, связностью и цельностью, логичностью, понятностью, доступностью, правильностью, чистотой и культурой речи, а также диалогичностью, популярностью, актуальностью, релевантностью и др. [18. С.15; 19. С.28; 20. С.179-181].

Разнообразие медийных текстов позволяет, тем не менее, увидеть в них унифицирующие признаки, на основании которых эти тексты относятся к разным классам в зависимости от категории автора, формы создания и формы воспроизведения, канала распространения, функционально-жанровых признаков и тематической отнесенности [21. С.266; 22. С.32].

В ходе предпринятого нами исследования мы использовали переводные новостные, информационные и публицистические онлайн-статьи различных газет и журналов, в которых встречаются прозвища. Наш выбор вышеназванного жанра обусловлен частотой его переводимости.

Анализ прозвищ в медийных текстах показывает, что за ними закреплена преимущественно информативная функция. Однако некоторые исследователи считают, что в медийных текстах прозвища нередко эмоционально окрашены, обладают экспрессивностью и имеют оценочную коннотацию. Например, прозвища могут быть использованы с целью выражения интолерантности для снижения статуса личности, которой данное прозвище присваивается (министр пропаганды нацистской Германии Йозеф Геббельс – *Злобный карлик*, криминальный авторитет Максим Курочкин – *Бешеный Макс*, английский король Этельред II – *Этельред Неразумный*). Основанием для наделения ими личностей, а именно, политических деятелей, является какая-либо информация, которая отличает их от других лиц: фамилия или имя, род деятельности, выдающиеся черты характера, внешности, поведения, привычки, возраст, национальность и прочее [23. URL].

О том, что прозвища в медийных текстах зачастую являются не нейтральными, говорится и в работе Н. И. Клушиной: «Обыгрывание собственных имен известных политиков также выходит за рамки языковой

игры в область политтехнологий, поскольку прозвища политиков в языке СМИ не нейтральны, а оценочны» [24. URL].

В рамках нашего исследования нами был осуществлен анализ прагматических особенностей 100 прозвищ из отобранных нами 88 онлайн-статей различных англоязычных новостных журналов и газет («The Guardian», «The Telegraph», «The Times», «The Washington Post» и другие). При этом общее количество рассмотренных нами статей составило 1630. Данный факт позволяет предположить низкую частотность использования прозвищ в медиатекстах (в нашем случае – онлайн-статьях): они встретились лишь в 5% от общего числа статей. Возможно, это объясняется тем, что прозвища – онимы говорящие, т.к. характеризуют их носителей и имеют свою историю появления, которая может быть известна не всем читателям аналитики (по преимуществу именно такого рода онлайн-статьи были подвергнуты анализу). А поскольку медиатексты отличаются тем, что нацелены на массового реципиента, то, вероятно, каждый автор-журналист понимает, что если его статья будет содержать солидное количество прозвищ, требующих специальных интеллектуальных усилий и знаний – зачастую глубоких и из разных сфер деятельности человека – от реципиента, то такая статья потенциально может остаться без своего читателя.

В ходе сравнительного анализа оригинальных и переводных вариантов прозвищ, мы выяснили, что реализации прагматического потенциала прозвища могут способствовать узкий и широкий его контекст в оригинальном варианте конкретной статьи.

В рассмотренных нами случаях передачи прозвищ на русский язык переводчики пользовались смысловым переводом (*Broken Tooth* – *Сломанный зуб*, *Samurai in a Skirt* – *Самурай в юбке*), транскрипцией (*Scoop* – *Скуп*, *Gorby* – *Горбу*), транслитерацией (*Dubya* – *Дубя*, *Bubba* – *Бубба*), переводческим комментарием (*Puti-put* – *Путинум* (*Puti-put* – *ласкательное прозвище, которое дал российскому руководителю Буш-младший*)), а также применяли уже существующие и устоявшиеся варианты передачи прозвищ (*Harald Finehair* – *Харальд Прекрасноволосый*, *Iron Lady* – *Железная леди*).

Прозвища в онлайн статьях выполняют не только информативную, но и, как в художественном произведении, эмоциональную, оценочную, экспрессивную. Кроме того, как нами было отмечено, прозвища известных личностей могут использоваться авторами онлайн-статей с целью вызвать у реципиента положительную или отрицательную эмоциональную реакцию.

Используемые в отобранных нами статьях прозвища в зависимости от их семантики можно отнести к разнообразным группам, среди которых мы выделили 7 основных: прозвища, содержащие информацию о привычках и хобби человека (*Dead-Eye* – *Меткий глаз*, *King Playstation* – *Король Playstation*); прозвища, содержащие информацию о месте происхождения человека или месте, с которым связано выдающееся

событие в жизни человека (*Beast of Baku – Бакинский людоед, Dmitry Donskoy – Дмитрий Донской*); прозвища, образованные от настоящего имени человека (*Puti-put – Путьинут, Ike – Айк*); прозвища, содержащие информацию о внешних характеристиках человека (*Harald Bluetooth – Харальд Синезубый, Big Moustache – Большие усы*); прозвища, содержащие информацию о роде деятельности человека (*The last dictator of Europe – Последний диктатор Европы, Merchant of death – Торговец смертью*); прозвища, содержащие информацию о личностных характеристиках человека (*Bloody Mary – Кровавая Мэри, Cardinal Rottweiler – Кардинал Ротвейлер*); прозвища, содержащие информацию о выдающихся событиях в жизни человека (*Butcher of Budapest – Палач венгерского народа, Corncob Nikita – Никита-кукурузник*).

Для сохранения прагматического потенциала переводчиками применялись разнообразные приемы, однако не все они были удачными, поскольку, к сожалению, не всегда могли способствовать его адекватной транслируемости в переводной текст. Среди используемых переводческих приемов мы отметили использование следующих:

1. собственно перевод (смысловой перевод) – 46% от общего числа примененных приемов;
2. собственно перевод (смысловой перевод) по традиции – 20% от общего числа примененных приемов;
3. собственно перевод (смысловой перевод) + транскрипция – 8% от общего числа примененных приемов
4. транскрипция и переводческий комментарий (развернутый или краткий) – 6% от общего числа примененных приемов;
5. транскрипция – 4% от общего числа примененных приемов;
6. собственно перевод (смысловой перевод) по традиции + оригинальное написание прозвища – 2% от общего числа примененных приемов;
7. собственно перевод (смысловой перевод) и оригинальное написание прозвища + переводческий комментарий – 2% от общего числа примененных приемов;
8. собственно перевод (смысловой перевод) и оригинальное написание прозвища – 2% от общего числа примененных приемов;
9. транслитерация и переводческий комментарий (развернутый или краткий) – 2% от общего числа примененных приемов
10. собственно перевод (смысловой перевод) + переводческий комментарий – 2% от общего числа примененных приемов
11. замена исходной реалии на реалию языка перевода – 1% от общего числа примененных приемов;
12. лексическая замена + переводческий комментарий – 1% от общего числа примененных приемов;
13. оригинальное написание + переводческий комментарий – 1% от общего числа примененных приемов;

14. собственно перевод (смысловой перевод) части прозвища + оригинальное написание другой части прозвища + переводческий комментарий – 1% от общего числа примененных приемов

15. транскрипция + смысловой перевод + переводческий комментарий – 1% от общего числа примененных приемов

16. не было передано – 1% от общего числа примененных приемов

В ходе сравнительного анализа оригинала с переводом нами было установлено, что в 38% случаев при передаче прозвищ переводчиком была учтена их прагматическая составляющая, т.к. переведенные прозвища сохранили, с нашей точки зрения, способность производить на их реципиента прагматический эффект в той же степени, что и их оригинальные варианты. Например, прозвище российского предпринимателя Виктора Бута *The Merchant of Death* было передано как *Торговец смертью*, что, на наш взгляд, является удачным, поскольку в этом случае сохраняется задуманный автором оригинального прозвища прагматический потенциал, при помощи которого прозвище способно оказывать воздействие на реципиента, вызывая у него отвращение к данному предпринимателю и его преступной деятельности, в частности нелегальной торговлей оружием, поставляемым террористическим группировкам.

В 33% случаев удачной реализации прагматического потенциала прозвищ способствовал как узкий, так и широкий контекст прозвища в статье, поэтому переводчик не предпринял дополнительные переводческие трансформации. Например, прозвища кардинала Йозефа Ратцингера *Cardinal Rottweiler* и *Cardinal No* были переданы на русский язык как *Кардинал Ромвейлер* и *Кардинал «Нет»*. На наш взгляд, такой перевод является удачным, поскольку он способен создавать у реципиента впечатление об этой личности, как о не приветствующей никакие изменения и отклонения от норм, предписанных церковью, тем самым вызывая осуждение и неодобрение реципиентом высказываний и действий данной личности. Переводчик не использует никаких дополнительных трансформаций, поскольку реализации прагматического потенциала данных прозвищ также способствуют их широкий и узкий контекст.

В 10% же случаев вариант передачи прозвища являлся, на наш взгляд, не вполне удачным, потому что не способен произвести на реципиента переводного текста тот же прагматический эффект, что и оригинальное прозвище. В таких случаях переводчику мог помешать тот факт, что он, возможно, недостаточно тщательно ознакомился с экстралингвистическим контекстом определенного прозвища, а также не посчитал нужным рассмотреть параллельные тексты на языке перевода о тех личностях, о которых сообщалось в онлайн-статье, и в которых могут встречаться уже выполненные удачным образом переводы. Кроме того, причиной этому может служить и сжатость сроков выполнения перевода, так как зачастую даты создания оригинала и перевода совпадают.

Например, прозвище бывшего американского президента Джорджа Буша младшего – *The Decider* было передано на русский язык как *Компетентный орган*. С нашей точки зрения, такой вариант передачи является не вполне удачным, поскольку, в полной мере не передает иронического и насмешливого характера оригинального прозвища. Слово «*decider*» бывший президент использовал в отношении самого себя, однако, согласно англоязычным толковым словарям, например, *Oxford Dictionaries*, *Macmillan*, *Collins* и др., такое слово не имеет значения «лицо, принимающее решения», а, значит, оно является грамматически некорректным. Чтобы передать реципиенту тот факт, что это прозвище закрепилось за американским политическим деятелем, вероятно, для того, чтобы высмеять не вполне грамотные заявления бывшего американского президента, в данном случае, по нашему мнению, можно передать это прозвище как *Решатель*. Такое слово в русском языке также является грамматически некорректным, поскольку не имеет значения «лицо, принимающее решения», и, следовательно, такой вариант передачи этого прозвища способен, с нашей точки зрения, сохранить прагматический потенциал оригинала прозвища.

В 19% случаев, переводчиком, с нашей точки зрения, была довольно удачно передана семантическая составляющая определенного прозвища, но этого было не вполне достаточно для передачи его прагматического потенциала. В этих случаях, возможно, более адекватным было бы использование такого способа прагматической адаптации, как переводческий комментарий, в котором лаконично излагалась бы идея и причина появления конкретного прозвища. Например, прозвище бегуна на короткие дистанции, являющегося инвалидом, Оскара Писториуса *Blade Runner* было передано как *Бегающий по лезвию бритвы*. Такой вариант передачи данного прозвища представляется нам довольно удачным, потому как является семантически корректным. Однако, по нашему предположению, прагматический потенциал оригинального прозвища в данном случае не может быть в полной мере реализован, поскольку русскоязычный реципиент, возможно, не обладает информацией о причине появления данного прозвища. Поэтому в данном случае мы посчитали, что было бы целесообразно добавить и переводческий комментарий, в котором лаконично бы излагался смысл данного прозвища, а именно то, что оно появилось в результате необычной изогнутой формы протезов нижних конечностей бегуна, которые внешне напоминают лезвие, следовательно, прагматический потенциал оригинального прозвища, по нашему мнению, сохранился бы в переводе.

Таким образом, в результате проведенного исследования, мы установили, что, несмотря на то, что в медийных текстах прозвища употребляются редко, они также требуют внимательного изучения и адекватного перевода. Особенно необходимым при переводе является определение прагматического потенциала и функции прозвища в тексте,

что в дальнейшем поможет переводчику определиться с необходимыми действиями.

Библиографический список

1. Е р м о л о в и ч Д. И. *Имена собственные на стыке языков и культур*. М.: Р.Валент, 2001.
2. P a r t r i d g e E. *Proper Names that Have Become Common Property*. London, 1970.
3. *Names: The American Name Society* / Ed. by Thomas J. Gasque. PC Publishing, Vermillion, SD, 1990.
4. П о д о л ь с к а я Н. В. *Словарь русской ономастической терминологии*. М.: Наука, 1978.
5. Д а н и л и н а Е. Ф. *Прозвища в современном русском языке // Восточнославянская ономастика: Исследования и материалы*. М.: Наука, 1979.
6. К л ю е в а Н. П. *Структура и орфография прозвищ // Русский язык в школе*. – 1979. – № 4.
7. Н o l l a n d Т. J. (Jnr.) *The many faces of nicknames // Names*. – 1990. – №38(4).
8. С у п е р а н с к а я А. В. *Современные русские прозвища // Хабарши вестник*. – Филология сериясы. – № 6 (78). – Серия филологическая. Алма-ты: Казак университет, 2004.
9. Н и к у л и н а З. П. *Из наблюдений над группой прозвищ по внешнему признаку // Имя нарицательное и собственное*. М.: Наука, 1978.
10. С е л и щ е в А. М. *Труды по русскому языку // Т.1. Язык и общество / Сост. Б.А. Успенский, О.В. Никитин*. М.: Языки славянской культуры, 2003.
11. А р д е е в а Н. В. *Принципы номинации в современных прозвищах лиц // Русская ономастика: Респ. сб. / Отв. ред. В. Д. Бондалетов*. Рязань, 1977.
12. В а л ь т е р Х. *Русские прозвища как объект лексикографии / Х.Вальтер, В. М. Мокиенко // Вопросы ономастики*. – 2005. – № 2.
13. С у п р у н И. В. *Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: дис. ... д-ра филол. наук*. Волгоград, 2000.
14. Г о л о м и д о в а М. В. *Русская антропонимическая система на рубеже веков // Вопросы ономастики*. – 2005. – № 2.
15. К о м и с с а р о в В. Н. *Теория перевода (лингвистические аспекты)*. М.: Высш. школа, 1990.
16. А к а ш Бадр Абдуллах. *Прагматический аспект перевода // Язык, сознание, коммуникация*. Вып. 39. Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2009.

17. Ф е д о р о в А. В. *Словарь терминов по медиаобразованию, медиапедагогике, медиаграмотности, медиакомпетентности*. Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та, 2010.
18. Л е д е н ё в а В. В. *Современный медиатекст: учеб. программа*. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова; Высшая школа (факультет) телевидения, 2009.
19. М е л ь н и к Г. С. *Медиатекст как объект лингвистических исследований* // Массовая коммуникация. Журналистика. Средства массовой информации. – 2012. – №1.
20. К р а с н о я р о в а О. В. *Медийный текст: его особенности и виды* // Массовая коммуникация. Журналистика. Средства массовой информации. – 2010. – №3.
21. П а л и е н к о А. М. *Типология медиатекстов* // Педагогика формирования творческой личности в высшей и общеобразовательной школе. – 2013. – Вып. 28.
22. Д о б р о с к л о н с к а я Т. Г. *Медиатекст: теория и методы изучения* // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. — 2005. — № 2.
23. К у д р я в ц е в а Л. А., П р и х о д ь к о И. Г., Ф и л а т е н к о И. А., Д у б ч а к И. Е. *Языковые изменения дискурса интолерантности в украинском массмедийном пространстве* // Электронный ресурс Интернет: <http://goo.gl/t6bMUJ>
24. К л у ш и н а Н. И. *Общие особенности публицистического стиля* // Электронный ресурс Интернет: <http://goo.gl/MH7nmS>

А.Ю. Шестопа́л⁴⁹

(Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород)

ЯЗЫКОВОЕ МАНИПУЛИРОВАНИЕ И ЯЗЫК ВРАЖДЫ
(на примере освещения конфликта на Украине в российских, украинских и немецкоязычных СМИ и социальных сетях)

В настоящее время феномен языковой манипуляции и языка вражды (*eng. Hate speech, dt. Hassrede, Hasssprache*) широко обсуждается как в научной, так и в научно-популярной литературе, а также в публицистике.

Единого определения понятия «язык вражды» не существует. Согласно Рекомендации № 97 Комитета министров Совета Европы, язык вражды – это любые формы выражения, которые пропагандируют расизм, ксенофобию, антисемитизм или другие формы ненависти, основанные на

⁴⁹ Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент кафедры теории и практики немецкого языка и перевода И.Ю. Зиновьева.

нетерпимости, призывающие к ней или ее оправдывающие, в том числе способствующие возникновению нетерпимости, выражающейся в форме агрессивного национализма, дискриминации или враждебности по отношению к меньшинствам и мигрантам. При вынесении приговоров Европейский суд по правам человека исходит из следующего толкования понятия «язык вражды»: «язык вражды – это любые формы выражения, основанные на нетерпимости (в том числе религиозной), призывающие к ней или ее оправдывающие». С юридической точки зрения общепризнанным является то, что данные радикальные выражения могут быть вербализованы или воплощены в графической форме, а также то, что объектом ненависти могут становиться различные качества: цвет кожи, национальность, происхождение, религиозная принадлежность, пол, сексуальная ориентация, социальный статус, состояние здоровья, внешность или совокупность нескольких вышеперечисленных факторов [1].

Создаваемый в СМИ и социальных сетях дискурс ненависти представляет серьезную опасность, что объясняется чрезвычайно сложным характером взаимовлияния средств массовой информации и действительности, настолько сложным, что открытым остается вопрос, отражают ли СМИ реальность или же сами конструируют ее. Моделируя реальность в соответствии с определенным социальным заказом, журналисты создают язык вражды.

Пораженные злобой, люди перестают ощущать сложность окружающей действительности, неоднозначность любого суждения и становятся способны мыслить только полярными категориями «хорошо» / «плохо», «черное» / «белое», «свой» / «чужой», «друг» / «враг». Под влиянием такой деформированной логики, знающие только язык вражды, массы – а речь идет именно о средствах *массовой* информации – могут рассуждать только в духе «Кто не с нами, тот против нас». В такой царящей в обществе отравленной атмосфере неизбежным становится насилие в отношении некоего врага, образ которого насаждается в СМИ и социальных сетях.

Все это справедливо и в отношении освещения конфликта на Украине в российской, украинской и немецкоязычной публицистике, а также высказываний Интернет-пользователей. Создается впечатление, что объективной действительности не существует, а есть только сконструированные в прессе и социальных сетях реальность X и реальность Y, которые не имеют между собой ничего общего. Анализируя газетные и журнальные статьи, а также сделанные онлайн записи можно выявить несколько тактик создания образа врага, возвращивания ненависти к «чужим».

Первую тактику можно назвать стигматизацией, навешиванием ярлыков [2]. Для какого-то события или явления действительности подбирается слово с негативным элементом значения или отрицательной эмоциональной или экспрессивной коннотацией, это клеймо подменяет

настоящее понятие. Например, жители восточнoукраинских районов противниками федеративного устройства Украины называются исключительно «сепаратистами» и «повстанцами», кроме того, в разговорной речи бытует и обозначение «сепары». Действия правоохранительных органов на востоке Украины носят название «Антитеррористическая операция», в новостных сообщениях о ее проведении фигурируют «российско-террористические группировки», «незаконные вооруженные формирования», «российские боевики». Всегда подчеркивается пророссийская ориентация востока Украины, что дает основание представить происходящее как угрозу государственному суверенитету Украины. Обозначения Донецкая и Луганская народные республики, а также их правительств неизменно дополняются компонентами «самопровозглашенный». В немецкоязычной печати, на наш взгляд, дискурс вражды не создается самостоятельно, а транслируется, обозначения для сторон конфликта калькируются с аналогичной западной позиции украинской перспективы. Силы на юго-востоке Украины носят название «*Rebellen*», «*Separatisten*», для правительств ДНР и ЛНР приняты обозначения «*De-facto-Regierungen*», *фактические* правительства, что подчеркивает нелегитимность требований антагонистической стороны в конфликте. Любопытно, что в российской печати о тех же самых силах пишут как о «народном ополчении», «ополченцах».

Для и категоризации и стигматизации как тактики языкового манипулирования определяющим признаком часто является «болезнь», «инвалидность», потому что по существующему предубеждению, в физически неполноценном теле столь же неполноценны и интеллект, и душевно-духовный склад [3]. Так, в российском Интернете для сторонников Евромайдана появилось обозначение «евромайдауны», а само протестное движение в целом, впрочем, как и ориентация украинских либеральных сил на Евросоюз, получило диагноз «майдан головного мозга». Этот же признак для того, чтобы заклеить противника, используется и в украинских социальных сетях и блогах: жители Донбасса становятся жителями Даунбасса. Таким образом, подчеркивается несостоятельность подобных политических устремлений, неспособность сторонников этой линии принимать здравые, взвешенные решения.

С целью стигматизации задействуется весь багаж исторических и общекультурных знаний. Так, по бытующему мнению, уровень жизни ниже всего в молодых государствах Африки, которые то и дело потрясают беспорядки, перерастающие в гражданские войны. Поэтому антироссийски настроенные украинские Интернет-пользователи создают такие неологизмы как «Донбабве» (от Донбасс и Зимбабве) и «Луганда» (от Луганск и Уганда). От последнего пейротивного топонима образован еще и этноним «лугандоны», который напрямую связан с разговорным названием средства контрацепции, что делает оскорбление еще более обидным.

Не менее действенным является включение события в общеисторический контекст, соположение происходящего сегодня с трагическим событием из прошлого, оставившего глубочайший след в национальной и культурной памяти народа [2]. Для граждан нашей страны, особенно для пожилых людей и людей среднего возраста, таким событием, безусловно, является Великая Отечественная Война, воспоминания о нечеловеческих ужасах которой еще свежи. Потребность в безопасности, защищенности, стабильности, порядке, отсутствии страха и хаоса относится к базовым потребностям человека, поэтому все, что препятствует удовлетворению этой потребности, нами безусловно отвергается. Поэтому Киевское правительство детерминируется как правительство фашистское, называется «фашистской хунтой», ведь одно только слово «фашисты» способно вызвать страх.

Не только для нашей страны, но и для всей Европы 1939-1945 года стали тяжелейшим этапом истории, поэтому конфликт на Украине с событиями Второй мировой войны соотносят также западные журналисты и политические деятели. Вспомним, например, выступление ключевой фигуры германской оппозиции, лидера Левой партии Грегора Гизи в марте 2013 г., в котором он называет новые киевские власти «фашистами», усиливая экспрессию высказывания многочисленными повторами. «...вице-премьер-министр, министр обороны, министр аграрной политики и продовольствия, министр экологии и природных ресурсов, генеральный прокурор – фашисты. Руководитель Национального совета безопасности – основатель фашистской партии «Свобода». Фашисты занимают ключевые посты и доминируют в секторе безопасности. Еще никогда, после того когда фашисты захватывали власть, они никогда добровольно не сдавали своих позиций» [4]. Таким образом, номинация «фашисты» позволяет политику воспользоваться приемом генерализации и сделать своеобразный прогноз на будущее.

В западной прессе журналисты, также апеллируя к исторической памяти, зачастую актуализируют неоднозначную параллель Путин – Гитлер, примером чего могут служить эти обложки журналов, где дискурс вражды воплощается и в изображениях.

Еще в конце XIX века известный французский социолог, автор работы «Психология народов и масс» Густав Лебонн, анализирувавший кровавые события Великой французской революции, пришел к следующему выводу: «Голпа думает только картинками. Только картинками на нее можно оказывать влияние. Именно изображения пугают и вводят в заблуждения и становятся причинами поступков» [5]. Действительно, изображения более заряжены эмоциями, напрямую ведут к действиям, с изображениями нельзя поспорить, увиденное нельзя «развидеть», оно оставляет свой все равно что неизгладимый отпечаток в нашей памяти. Также обращает на себя и цветовая гамма этих журнальных обложек: используется красный цвет, который, по мнению психологов, привлекает внимание, доминирует, провоцирует агрессию, за счет ассоциативной связи с огнем, кровью подает сигнал «Стоп – Внимание – Опасность». Создает напряжение и ярко выраженный контраст черный – белый – красный.

Еще один прием создания дискурса вражды заключается в лишении объекта ненависти человеческих черт, отождествлении его с животным или растением. Подобная анимализация действует, например, при создании такого тавро, как «укропы» - сокращения от словосочетания «украинские патриоты» или, по второй версии, от этнонима-самоназвания «укры», могучего древнего народа, от которого, по мнению радикально настроенных украинцев, берет свое начало народ украинский, – или «колорады» для обозначения антагонистической стороны в конфликте. Дело в том, что противники новой киевской власти в знак протеста носили георгиевские ленточки – символ победы над нацистской Германией, сочетание цветов на которых было интерпретировано как аналогичное окраске сельскохозяйственного вредителя – колорадского жука. Каков эффект подобных переходов от человеческого общества к царству животных и растений, ведь ни укроп, ни колорадский жук сами по себе ни как объекты материальной действительности, ни как единицы словарного запаса не несут ничего негативного? Дело в том, что при подобном уподоблении закономерности, действующие в мире природы, переносятся на социум и анимализации подвергаются человеческие ценности сострадания, милосердия. Истребление паразитов и сорняков – а чаще всего враждебная сторона представляется именно так – не вызывает никакого чувства вины.

В завершении краткого обзора средств языковой манипуляции на примере освещения конфликте на Украине возникает закономерный вопрос: Какова же роль переводчика в этом дискурсе вражды? Здесь возможны представляются два подхода. С одной стороны, это концепция прагматической нейтральности языкового посредника, который, подобно чисто вымытому стеклу, свободно пропускает свет (то есть информацию), сам никак не реагирует на воздействие света и не изменяет количество пропускаемого света [6]. И с другой стороны,

концепция переводческой сверхзадачи, по которой переводчик оказывает влияние на развитие акта коммуникации, направляя ход дискуссии, стремясь сгладить острые углы или, наоборот, обострить конфликт. Эти подходы являются взаимоисключающими, универсального рецепта предложить, к сожалению, или, к счастью, невозможно, поэтому решение будет зависеть от каждой конкретной ситуации коммуникации и активного в ней переводчика.

Библиографический список

1. W e b e r A. *Handbuch zur Frage der Hassrede* // Generaldirektion für Menschenrechte und Rechtangelegenheiten Europarat. – 2009, URL: [http://www.coe.int/t/dghl/standardsetting/hrpolicy/Publications/\(HateSpeech\)Handbuch_hassrede.DE.pdf](http://www.coe.int/t/dghl/standardsetting/hrpolicy/Publications/(HateSpeech)Handbuch_hassrede.DE.pdf)
2. Ш м е л е в а Е. Я. *Речевое манипулирование: как формируется язык вражды?*: доклад в институте переводоведения Инсбрукского Университета им. Леопольда и Франца (Institut für Translationswissenschaft der Leopold-Franzens-Universität Innsbruck)
3. *Hassrede / Hate Speech* // Interdisziplinäre Beiträge zu einer aktuellen Diskussion (Meibauer J. (Hg.)). Gießener Elektronische Bibliothek, 2013.
4. Stenografischer Bericht der 20. Sitzung des Bundestages, 13. März 2013: URL: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btp/18/18020.pdf>
5. Н а у б л Р., С а у с а V. *Hass und Gewaltbereitschaft* // Vandenhoeck & Ruprecht, 2007. URL: https://books.google.at/books?id=VcCJWOBvRqcC&dq=Die+Massen+können+nur+in+Bildern+denken+und+lassen+sich+nur+durch+Bilder+beeinflussen.+Nur+diese+schrecken+und+verführen+sie+und+werden+zu+Ursachen+ihrer+Taten&hl=de&source=gbs_navlinks_s
6. С д о б н и к о в В.В., П е т р о в а О. В. *Теория перевода: учебник для студентов лингвист. вузов и фак-тов иностр. яз. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. (Лингвистика и межкультурная коммуникация: Золотая серия).*

КОГЕЗИЯ В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДА АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СОЮЗОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ УСТУПКИ)

В настоящее время лингвистика текста является одним из наиболее перспективных направлений лингвистических исследований. Особое внимание здесь уделяется изучению основных признаков текста как сложносистемного образования, а именно целостности и связности.

По мнению исследователей, связность – это «первое, с чем имеет дело получатель, воспринимая готовый текст». Это категория, характеризуемая повторяемостью в тексте различных знаков, форм, а также смыслов [1. С.22]. Повторяясь, эти знаки, формы и смыслы обеспечивают единство глубинной и поверхностной структур и образуют глобальную структуру текста.

Изучая особенности языковых отношений между предложениями текста, обеспечивающими его целостность и связность, лингвисты используют термины «когезия» (от лат. *cohaesi* «быть связанным») и «когерентность» (от лат. *cohaerentia* «сцепление, связь»), введенные австрийским лингвистом В.Дресслером. В его понимании, когезия, или *локальная связность* [1. С.38], предполагает особые виды формально-грамматических связей, в то время как когерентность, или *глобальная связность* [1. С.39], включает семантико-прагматические аспекты связей в тексте.

В научной литературе существуют различные классификации видов связности в тексте. В своих работах лингвисты, занимающиеся данной тематикой [1; 2; 3; 4], выделяют следующие разновидности:

1. Лексико-семантическая связность:

- синонимы («There is a boy climbing that tree. The lad's going to fall if he doesn't care».);
- пресуппозиции (из предложения «Вахтер отпер дверь и вышел к арестантам» следует, что речь идет о тюрьме);
- тема-рематические отношения («Alice opened the door and found that it led into a small passage (тема)...she knelt down and looked along the passage (рема)...» *L. Carroll «Alice in Wonderland»*);

2. Грамматическая связность:

- союзы (соединительные *and, or*; противительные *but, however*; уступительные *though, although, even though*; временные *next, soon*);
- эллипсис («Four other Oysters followed them, and yet another four».);

⁵⁰ Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент кафедры теории перевода и межкультурной коммуникации С.Л.Лукина.

- дейктические средства (личные и притяжательные местоимения: «'I'm sure those are not the right words, ' said poor Alice, and her eyes filled with tears again as she went on...» *L.Carroll «Alice in Wonderland»*);

3. Интонационная и ритмообразующая связность:

- анжамбман (явление, при котором начало и окончание более-менее законченных по смыслу отрезков предложения, не совпадают с началом и концом строф: «Тобой одной тобой... Унынья моего / Ничто не мучит, не тревожит...» *А. С. Пушкин*);

- рифма («Hold fast to dreams/For if dreams die / Life is a broken-winged bird / That cannot fly...» *Langston Hughes*);

4. Ассоциативная связность:

- вводящие речения («on second thoughts», «in reflection», etc.: «...she thought at first she would get up and leave the court; but on second thoughts she decided to remain where she was as long as there was room for her». *L.Carroll «Alice in Wonderland»*);

- уподобление природных явлений человеческим отношениям и наоборот в народной поэзии («То не ветер ветку клонит, не дубравушка шумит, то мое сердечко стонет, как осенний лист дрожит...»);

5. Логическая связность:

- формы перечисления («first», «to start with»: «First, because I'm on the same side of the door as you are; secondly, because they're making such a noise inside, no one could possibly hear you». *L.Carroll «Alice in Wonderland»*);

- графические средства («a), b), c)»);

- выделение частей высказывания цифрами («1), 2), 3)»);

6. Образная связность:

- развернутая метафора («From my wings are shaken the dews that waken / The sweet buds every one...» *P.B.Shelley «The Cloud»* - конкретное воплощение абстрактного понятия облака в образе летящей птицы);

7.Композиционно-структурная связность:

- вставки («'It is a very good height indeed! ' said the Caterpillar angrily, rearing itself upright as it spoke (it was exactly three inches high) ...» *L.Carroll «Alice in Wonderland»*);

8.Стилистическая связность:

- параллелизм («...and if it makes me larger, I can reach the key; and if it makes me smaller, I can creep under the door...» *L.Carroll «Alice in Wonderland»*);

9. Связность знаковых элементов текста:

- звуковые повторы в поэтическом тексте («...Tell me what thy lordly name is on the Night's Plutonian shore!» / Quoth the Raven "Nevermore." ...» *E.A.Poe «The Raven»*).

Вопрос связности в тексте является актуальным не только для текстологов, но и для переводчиков, так как, анализируя отношения

связности в тексте, они нередко сталкиваются с рядом трудностей. В ряд основных переводческих трудностей входят следующие явления:

1. Кореференция: грамотная передача отношений между компонентами высказывания, имеющими один и тот же референт (например, перевод кореферентной цепочки John – he – his – him в английском языке на русский язык путем замены местоимения *он (ego)* соответствующими ему именными эквивалентами типа *этот человек / старик / и т.д.* из-за недопустимости многократного повторения местоимения *он / ego*).

2. Изотопия: необходимость адекватного отражения изотопических плоскостей (например, перевод цепочки глаголов разрушения «*tear, strike, smash, crash*» на русский язык глаголами «*крушить, наносить удары, врезаться, протаранить*») [5. С.180].

3. Автосемантия и синсемантия отрезков текста: перевод обладающих высокой степенью автосемантии вводных абзацев в английских и американских статьях. Например, выделенную курсивом фразу в предложении «The continuing rise in the global sea level...can be stemmed through large-scale storage of water on land, *according to two geologists*» необходимо перевести фразой «*Как утверждают американские геологи У.С.Ньюмен и Р.У.Фэрбридж...*», а не фразами «*как утверждают два геолога*» или «*по мнению двух геологов*» [5. С.181].

4. Пресуппозиции: необходимость учета контекста при смысловой интерпретации элементов (например, опора на контекст при выборе русского эквивалента слову *congestion* («перегруженность») в предложении «Today's opening of Terminal 4, of course, improves the *congestion* problem somewhat. It is the airport's most dramatic change in the past quarter of a century» [5. С.182].

Безусловно, анализ всех или большинства типов связности, упомянутых выше, является задачей очень фундаментальной и громоздкой в силу своей многогранности. В рамках нашего практического исследования ставилась задача проанализировать грамматическую связность на примере союзов уступки (*although, though, even though, however*). В качестве материала были взяты художественный текст (романа У.С. Моэма «Узорный покров» (W. Somerset Maugham «The Painted Veil» [6]; перевод на русский язык М.Ф. Лорие [7]), а также статьи из британской газеты The Guardian [8] (переводы на русский язык были взяты с интернет-сайта <http://inosmi.ru/> [9]).

На начальном этапе были рассмотрены основные значения английских союзов *although, though* и *even though*. Мы использовали метод сравнительного анализа словарных дефиниций. Анализ проводился с использованием ряда англоязычных толковых словарей [10; 11; 12; 13] и позволил сформулировать следующие общие, сводные определения изучаемых связующих слов:

Although: 1) used to introduce a statement that makes you main statement seen surprising or unlikely;

2) used to add a statement that balances or reduces the effect of what you have just said.

Though: 1) used to introduce a statement that makes the main statement coming after it seem surprising, unlikely or unexpected;

2) used to introduce something opposed to or to qualify what has just been said;

3) used to introduce a possibility.

Even though: used for introducing the fact that makes the main statement very surprising.

However: 1) used when you are adding a fact or piece of information that seems surprising, or seems very different from what you have just said;

2) used to say that it does not matter how big, good serious etc. something is because it will not change a situation in any way.

Далее была проанализирована частотность словоупотреблений данных единиц, а также проведено сопоставление их значений с вариантами перевода. В итоге были получены следующие результаты:

1. Самую высокую частотность в художественном тексте обнаруживает коннектор *though*, частота употребления которого составляет 76%. Его синонимы *even though*, *however* и *although* встречаются значительно реже – 11%, 7,4% и 5,6% соответственно. Низкая частотность объясняется тем, что *even though* является эмфатическим вариантом *though*, в то время как *although* и *however* в основном используются в более официальных текстах, а не в художественных произведениях. Так, в текстах публицистического характера союзы *though* и *although* употребляются с частотой 28% и 21 % соответственно, а самую высокую частотность обнаруживает как раз коннектор *however* (45%). Эмфатический вариант *though – even though* в публицистических текстах используется так же редко, как и в художественном тексте (6%).

2. Было установлено, что варианты перевода рассматриваемых единиц, употреблявшиеся в тексте с большей частотностью, в основном совпадали с эквивалентами из англо-русских словарей [12; 14; 15]. Однако в некоторых случаях перевод осуществлялся с опорой на контекст.

Союз «although» и его русскоязычные корреляты

Значение	Словарный эквивалент	Перевод в худ. тексте (частота употребления, %)	Перевод в публ. текстах (частота употребления, %)
1	хотя; если бы даже; несмотря на то, что	хотя (33,3)	хотя (52,4); <i>нулевой перевод</i> (9,5); несмотря на (4,8); хотя и (4,8); <i>поскольку</i> *(4,8);
2	хотя; но	но (33,3); <i>не</i> (33,3)	хотя (19); но (4,8)

* - Курсивом выделены корреляты, данные в тексте перевода, но не отраженные в словаре.

Союз «though» и его русскоязычные корреляты

Значение	Словарный эквивалент	Перевод в худ. тексте (частота употребления, %)	Перевод в публ. текстах (частота употребления, %)
1	несмотря на; хотя	хотя (24,4); хоть и (12,2); нулевой перевод (9,8); хотя и (2,4); хоть (2,4); несмотря на (2,4); только (2,4); притом что (2,4); пусть и (2,4); как ни(2,4); и не (2,4); же (2,4)	хотя (42,9 %); хоть и (3,6)
2	но; тем не менее; однако; все-таки	но (19,5); правда (2,4); не то чтобы (2,4)	однако (21,4); но (17,9); правда (7,1); между тем (3,6); нулевой перевод (3,6)
3	даже если бы; хотя бы	даже если (2,4)	-

Союз «even though» и его русскоязычные корреляты

Значение	Словарный эквивалент	Перевод в худ. тексте (частота употребления, %)	Перевод в публ. текстах (частота употребления, %)
1	даже если; хотя; несмотря на то, что	хоть (33,3); пусть (33,3); хоть и (16,7); и (16,7)	хотя (83,3); несмотря на то, что (16,7)

Союз «however» и его русскоязычные корреляты

Значение	Словарный эквивалент	Перевод в худ. тексте (частота употребления, %)	Перевод в публ. текстах (частота употребления, %)
1	однако; тем не менее; несмотря на (э)то	впрочем, ... (25); и вот... (25)	но (35,6); однако (33,3); тем не менее (4,4); между тем (4,4); вместе с тем (4,4); нулевой перевод (4,4); при этом(2,2); впрочем (2,2);

			а (2,2); правда (2,2);
2	как бы ни; какой бы ни	даже если (25); нулевой перевод (25)	пусть и (2,2); какой бы ни (2,2);

Итак, нами были выявлены некоторые русские эквиваленты для перевода союзов *although*, *though*, *even though* и *however*, которые не зафиксированы в англо-русских словарях, но могут оказаться более удачными в определенных контекстах.

Союз	Русские эквиваленты
although	1) поскольку; 2) не
though	1) хоть (и); только; притом что; пусть и; как ни; и не; же; 2) правда; не то чтобы; между тем
even though	хоть (и); пусть; и
however	1) впрочем; и вот; но; между тем; вместе с тем; при этом; а; правда. 2) даже если; пусть и

В заключение еще раз стоит отметить, что для достижения качественного, адекватного перевода необходимо учитывать специфику связующих слов. Текст – это сложное и многоплановое единство. Именно таким его должен воспринимать переводчик, который профессионально интерпретирует или создает новый текст. И в этом отношении основными атрибутами выступают когезия и когерентность.

Библиографический список

1. Л у к и н В. А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа. М.: Издательство «Ось-89», 1999.
2. С е в б о И. П. Структура связного текста и автоматизация реферирования. М.: Наука, 1969.
3. Г а л ь п е р и н И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981.
4. H a l l i d a y M.A.K., H a s a n R. *Cohesion in English*. London, 1976.
5. Ш в е й ц е р А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988.
6. Maugham W. Somerset. *The Painted Veil*. М.: Издательство «Менеджер», 2000.
7. Моэм Уильям Сомерсет. *Узорный покров*. Перевод на русский язык: М.Ф. Лорие. М.: АСТ, Астрель, 2010.
8. <http://www.theguardian.com/>
9. http://inosmi.ru/guardian_co_uk/
10. *Longman Exams Dictionary*. Longman, 2009.
11. <http://www.oxforddictionaries.com/>

12. <http://dictionary.cambridge.org/>
13. <http://www.macmillandictionary.com/>
14. <http://www.lingvo-online.ru/>
15. *Большой англо-русский и русско-английский словарь. 200000 слов и выражений* / В.К. Мюллер. М.: Эксмо, 2007.

Ю.А. Штонда⁵¹

*(Воронежский государственный университет,
г. Воронеж)*

АЛЛЮЗИВНЫЕ БИБЛЕИЗМЫ В ТЕКСТАХ ПРОПОВЕДЕЙ МИТРОПОЛИТА АНТОНИЯ СУРОЖСКОГО И СПОСОБЫ ИХ ПЕРЕВОДА НА НЕМЕЦКИЙ И АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫКИ

Такое явление, как библеизмы, широко изучаются учеными под разными углами зрения – в художественной литературе, политическом дискурсе и т.д. [1; 2; 3; 4]. Особое место библеизмы занимают в религиозном дискурсе, и в частности в проповеди. В широком смысле церковная проповедь опирается на библейские и евангельские события. Тем не менее, темы конкретных проповедей, произнесенных с церковного амвона, могут различаться от осмысления прочитанного на богослужении отрывка из Евангелия, церковных молитв, таинств и праздников до конкретных ситуаций, связанных с жизнью прихода, например, рукоположение члена прихода во дьяконы или в священники.

Для проповеди характерно наличие библеизмов. В настоящем исследовании под библеизмами, вслед за другими учеными [3; 4; 5; 6], понимаются слова, устойчивые выражения и цитаты из Библии, а также библейские аллюзии и реминисценции, которые потенциально легко распознаются носителями соответствующей культуры, но, тем не менее, могут представлять сложность при переводе.

Аллюзивные библеизмы – рабочий термин, которым мы обозначаем выражения, имеющие в своей смысловой основе ассоциацию с каким-либо библейским сюжетом, притчей, персонажем из Библии.

Библеизмы маркируют тесную связь проповеди с текстом Библии, часто играют ключевую роль в формировании темы проповеди, маркируют переход от одной темы проповеди к другой. С их помощью проповедник задает вопросы аудитории и актуализирует библейский текст для своей паствы.

Проповедь произносится во время богослужения и имеет свои лингвистические и стилистические особенности. Для христианской проповеди характерно широкое использование библейского наследия.

⁵¹ Научный руководитель – д-р филол. наук, профессор кафедры немецкой филологии Л.И. Гришаева.

Проповедь погружается в определенный контекст. Библизмы содержатся в богослужебных текстах на церковнославянском языке.

Богатый аллюзивный потенциал библизмов разного типа сложен для интерпретации и тем более для перевода на другой язык.

Выбор языковых средств при переводе зависит от контекста, в котором произносится проповедь, и незнание этого контекста очень затрудняет выбор соответствующих единиц. Каждый проповедник руководствуется общими признаками проповеди, но имеет индивидуальный стиль, на что также следует обращать внимание при переводе.

Перечисленные особенности проповеди свойственны текстам известного христианского проповедника, митрополита Антония Сурожского (Блума) (1914-2003 гг.). Всю свою жизнь он отдал служению православной церкви, будучи более 50 лет епископом Сурожской епархии, объединяющей православные приходы Великобритании и Ирландии. Его беседы и проповеди представляют собой образец ораторского искусства вообще и церковной проповеди в частности. Митрополит Антоний говорил на русском, английском, французском языках, при его жизни его проповеди уже переводились на многие языки мира, и на сегодняшний день продолжается работа по переводу его текстов.

По свидетельству людей, знавших митр. Антония, он не готовил проповедь письменно, его большое письменное наследие существует благодаря магнитофонным и видеозаписям, сохранившимся усилиями его прихожан. Его проповеди распространялись при его жизни. Их публикация и обработка продолжается на сегодняшний день. В скриптах его проповедей сохраняется устный характер проповеди, проявляющийся на разных уровнях.

Митр. Антоний учитывал особенности реципиента. Как отмечают знавшие его люди, во время богослужения он внутренне готовился к проповеди, чувствовал, какая духовная атмосфера в храме.

В рамках данного исследования были проанализированы 15 проповедей на русском языке и их переводы на английский, 15 проповедей на английском языке и их переводы на русский, 15 проповедей на русском языке и их переводы на немецкий, немецкие оригиналы не имеются в наличии. Автор переводов с русского на английский и с английского на русский языки – Татьяна Львовна Майданович (1935-2013 гг.). Материалы для анализа были любезно предоставлены её сестрой Еленой Львовной Майданович, президентом фонда «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского». Автор переводов с русского на немецкий язык – Генрих Хансен, тексты которого опубликованы на сайте «bogoslov.ru» и изданы в книге под названием «*Durch das Kirchenjahr mit Metropolit Anthonij (Bloom) von Sourozh*».

Владыка Антоний чаще всего говорит в проповедях о воплощении, жизни, смерти и воскресении Христа, и не просто ссылается на текст Писания как литературный прецедентный текст, а свидетельствует об этом

из собственного переживания встречи со Христом⁵². Он часто затрагивает тему христианской любви по примеру Самого Христа и призывает свою паству «носить немощи и бремена друг друга». На основе аллюзий на библейские сюжеты можно увидеть, какие вопросы владыка Антоний ставил перед собой и слушателями, какие темы его особенно волновали. При помощи аллюзивных библеизмов он заострял внимание слушателей на том или ином вопросе христианской веры и жизни.

Аллюзивные библеизмы составляют от 5 до 10% текста проповеди, т.е. они занимают небольшую часть текста, но играют важную роль в формировании структуры и темы проповеди.

При помощи аллюзий митр. Антоний раскрывает смысл библейских притч, обращаясь к аудитории. Например:

Рус. оригинал: *...Видя веру окружающих, Господь совершил исцеление больного. Мы можем принести Богу ту веру, которой не хватает у окружающих нас людей, понести их на нашей вере, как на носилках* (чудо о пяти хлебах и двух рыбок);

нем. перевод: *Der Herr hat, weil Er den Glauben der um Ihn Versammelten sah, einen Kranken geheilt. Wir können Gott jenen Glauben bringen, der den Menschen um uns herum fehlt, wir können sie auf unseren Glauben hin wie auf einer Trage zu Gott bringen* (das Wunder mit den fünf Broten und zwei Fischen).

В данном примере содержится аллюзия на притчу из 2-й главы Евангелия от Марка, где говорится о расслабленном, которого четверо принесли ко Христу, раскрыв кровлю дома из-за многолюдства, и по их вере Христос исцелил его. Интересно, что в евангельском тексте слова «носилки» нет, но на ситуацию указывает первое предложение: *видя веру окружающих, Господь исцелил больного*. В 5-м стихе говорится: *Иисус, видя веру их, говорит расслабленному: чадо! Прощаются тебе грехи твои* (Мк 2:5). При переводе данного отрывка меняется структура второго предложения, а именно два раза употребляется *wir können*, что усиливает эмоциональное воздействие проповеди. Переводчик уловил особенность идиостиля митр. Антония, который часто использовал в своих проповедях такие стилистические приемы, как лексические повторы и параллелизмы, поэтому при изменении структуры переводчику удаётся сохранить особенности оригинала.

Ещё один пример. В «Слове при наречении во епископа» митр. Антоний говорил:

Рус. оригинал: *Ты оставил всё, чем ты не дорожил, – настойчиво говорила мне совесть, – ради единственного, чего ты хотел; ты отрекся от ненужного тебе с тем чтобы завладеть вожделенным тобою.*

⁵² Митр. Антоний часто рассказывал о том, как в 14 лет, будучи неверующим подростком, попал на лекцию свящ. Сергия Булгакова в лагере во Франции, и, придя домой, решил раз и навсегда убедиться, что всё это неправда. Но, по его свидетельству, где-то между 3 и 4 главами Евангелия от Марка он явно почувствовал, что Христос стоит за другим концом стола (Труды. С.256-257).

Подобно евангельскому юноше, ты не хочешь расстаться с богатством твоим (Слово при наречении во епископа);

Англ. перевод: *“You have left everything you did not value”, my conscience persistently told me, “for the sake of the one thing that you desired; you have renounced what you had not need of in order to gain what you longed for. Like the Gospel youth you do not want to part with your riches”* (Address of metropolitan Anthony of Sourozh at his consecration as bishop of Sergievo).

В данном примере митр. Антоний говорит о богатом юноше, который упоминается в Евангелии от Матфея (19:16-22) и задавший Христу вопрос: *«Что сделать мне доброго, чтобы иметь жизнь вечную?»*. Христос ответил ему: *Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною”*. Услышав слово сие, юноша отошел с печалью, потому что у него было большое имение. Митр. Антоний не повторяет грамматическую структуру евангельского оригинала, но он раскрывает смысл этого сюжета на личном примере.

Помимо аллюзий на библейский сюжеты, в проповедях владыки Антония были обнаружены аллюзии на богослужебные тексты, например литургии св. Иоанна Златоуста:

Рус. оригинал: *едиными устами и единым сердцем всем без остатка воспеть Богу победную песнь* (Слово при наречении во епископа);

Англ. перевод: *with one heart and with one mind we may all, all without exception, raise the triumphal song to God* (Address of metropolitan Anthony of Sourozh at his consecration as bishop of Sergievo).

На литургии священник возглашает в конце анафоры⁵³: *И дай нам едиными устами и единым сердцем прославлять и воспевать вседостойное и прекрасное имя Твое...* (Православное богослужение, Т.2, с. 69). В английском тексте служебника используется выражение *with one mouth and one heart* (Divine Liturgy of St. John Chrysostom, с.43). Слова *воспеть Богу победную песнь* также являются аллюзией на другое место литургического канона, когда священник возглашает: *Победную песнь воспевая, восклицая, возглашая и говоря...* (Православное богослужение Т.2, с. 69). В английском тексте литургии *победная песнь – the triumphal hymn* (Divine Liturgy of St. John Chrysostom, с.43). Таким образом, при переводе с русского на английский язык сохраняется аллюзивный характер высказывания митр. Антония, переводчик отходит от богослужебного текста даже дальше, чем в оригинале. Переводчик использует синтаксический приём «композиционный стык», характерный для многих русских проповедей владыки Антония, что усиливает эмоциональное воздействие текста.

В своих проповедях митр. Антоний часто употребляет библейские выражения, например, *нести свой крест, отречься себя, уверенность в*

⁵³ В богослужебных текстах «анафора» означает важнейшую часть Литургии – Евхаристический канон или святое возношение.

вещах невидимых, коснуться края ризы Христовой и др. Подобные выражения в контексте проповеди не маркируются как таковые, поэтому выявить их в тексте – подчас непростая задача для слушателя, читателя и для переводчика.

Распознать библеизм в тексте проповеди можно по устойчивым выражениям, происходящим из текста Библии: *Посылать как овец среди волков, как овца заблудшая, носить бремена друг друга*. Например:

Англ. оригинал: *because we have sent him like a lamb among wolves* (On Palm Sunday 16 April 1995);

рус. перевод: *потому что мы послали его как овцу посреди волков* (Вербное воскресенье, 16 апреля).

При переводе проповедей на русский язык для обозначения понятий могут использоваться церковнославянизмы в связи с тем, что в русском теологическом дискурсе существует возможность использовать и церковнославянскую лексику, и русскую, а в современном английском такой возможности нет. Таким образом, в английских и русских текстах имеются разные стилистические рефлексy. Например:

англ. оригинал: *And only then, as we are taught in the Parable of the Sheep and Goats, when we become truly human can we grow to the measure of being divine in Christ*; (Newsletter №264, 1993, September);

рус. перевод: *И только тогда, как сказано в притче об овцах и козлицах, только тогда, когда мы станем подлинно человеческими, мы сможем вырасти в меру божественную, во Христе* (о молитве Господней).

В данном примере владыка Антоний ссылается на притчу об овцах и козлицах из Евангелия от Матфея 25-я глава 31-46 стихи, в которой повествуется о праведниках, которые приняли Христа в образе голодных, страждущих людей. При переводе слова *Goats* на русский язык употребляется церковнославянизм – *козлицы*.

В проповеди на Рукоположение во священника дьякона Дэвида Гилла, произнесенной 15 октября 1995 на английском языке митр. Антоний использует выражение *The Burning Bush – Купина Неопалимая*. на русском *купина* – устаревший вариант слова *куст*. В богослужебных текстах оно употребляется часто, а поскольку богослужение совершается на церковнославянском, то в церковном обиходе часто говорят именно *купина неопалимая*, а не *горящий куст*. Переводчик использует стилистически более подходящий вариант.

При переводе на немецкий язык переводческую трудность также представляют церковнославянизмы:

Рус. оригинал: *...И воды омовения стали добрым вином Царства Божия* (Успение Божией Матери 28 августа 1981);

Нем. перевод: *...Und das Wasser, was zum Waschen gedacht war, wurde zu Wein des Gottesreiches* (Das Entschlafen der Gottesmutter).

В данном примере переводчик объясняет устаревшее слово *омовение*.

Таким образом, при переводе с русского языка сложность представляют церковнославянизмы, которые часто употребляются в русском теологическом дискурсе. В подобных случаях в английских и немецких текстах переводчики прибегают к трансформациям. При переводе на русский язык, напротив, использование переводчиком церковнославянизмов большую стилистическую свободу. При этом в целом при переводе аллюзивных библеизмов переводчики используют конвенциональные средства, которые можно оценить как удачные.

Библиографический список

1. Назарова И. П. *Функционирование библеизмов в русском и немецком языках и лингвопрагматические особенности вариантов перевода: дис... канд. филол. наук.* Краснодар, 2001.
2. Кислякова Е. Ю. *Варьирование эмотивных смыслов английских библеизмов (на материале текстов художественной литературы): Автореф... дис. канд. фил. наук.* Волгоград, 2004.
3. Боллигер Е. И. *Сопоставление использования библеизмов в институциональном дискурсе разных культур: дис. канд. фил. наук.* Тверь, 2005.
4. Климович Н. В. *Библеизмы в художественном тексте: типологический, функциональный и переводческий аспекты: дис... канд. фил. наук.* Красноярск, 2010.
5. Ключкина Т. П. *Особенности употребления и перевода библеизмов [электронный ресурс] // Столпотворение. - №№ 8,9. URL: http://samlib.ru/w/wagarow_a_s/klyuk-bible-phrases.shtml (дата обращения 11.11.2015).*
6. Худякова Е. С. *О функциях религиозной лексики и библеизмов в текстах современных печатных СМИ // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2008. – Вып. 49.*

Список источников примеров

1. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. М.: Российское библейское общество, 2002.
2. Святое Евангелие на церковнославянском языке. Клин: Христианская жизнь, 2011.
3. Православное богослужение Т. 2. Последование таинства Евхаристии: литургия св. Иоанна Златоуста. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2010.
4. Divine Liturgy of St. John Chrysostom. Oxford: Oxford University Press, 1995.
5. Митрополит Антоний Сурожский. Труды. М.: Практика, 2002.
6. Чудо о пяти хлебах и двух рыбках // Проповеди из архива фонда «Духовное наследие митр. Антония Сурожского».

7. Das Wunder mit den fünf Broten und zwei Fischen [Электронный ресурс] // URL: <http://de.bogoslov.ru/text/2711044.html> (дата обращения 1.11.2015)
8. Слово при наречении во епископа // Проповеди из архива фонда «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского».
9. Address of metropolitan Anthony of Sourozh at his consecration as bishop of Sergievo on 29 November 1957 // Проповеди из архива фонда «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского».
10. On Palm Sunday 16 April 1995. Metropolitan Anthony ordained Toby Platt as Deacon Stephen, to serve the London Parish, and spoke the following words // Проповеди из архива фонда «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского».
11. Вербное воскресенье, 16 апреля. Рукоположение в сан дьякона Стефана (Тоби) Платта // Проповеди из архива фонда «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского».
12. On prayers (or: Communion of Saints and sinners) // Проповеди из архива фонда «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского».
13. О молитве Господней 13 мая 1973 // Проповеди из архива фонда «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского».
14. Успение Божией Матери 28 августа 1981 // Проповеди из архива фонда «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского»
15. Das Entschlafen der Gottesmutter [электронный ресурс] // URL: <http://de.bogoslov.ru/text/2782518.html> (дата обращения 11.11.2015)

В.А. Шушарина⁵⁴

*(Челябинский государственный университет,
г. Челябинск)*

РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИИ ЗАПУГИВАНИЯ В АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В связи со сложившейся в мире нестабильной политической ситуацией остро встаёт вопрос о её бесконфликтном урегулировании при помощи дипломатических переговоров. Основным инструментом любого политика и дипломата является речевое воздействие на сознание человека, основная цель которого – повлиять на посткоммуникативное поведение реципиента в интересах оратора, прибегая к различным коммуникативным стратегиям и тактикам.

⁵⁴ Научный руководитель – канд. филол. наук, зав. кафедрой теории и практики английского языка Г.Р. Власян.

Вслед за О.С. Иссерс под **речевым воздействием** мы понимаем речевое общение, взятое в аспекте его целенаправленности, мотивационной обусловленности [1. С.21]. Речевое воздействие – понятие комплексное, включающее в себя как вербальный, так и невербальный компоненты, которые в совокупности побуждают реципиента совершить определенные действия. Эффективное речевое воздействие, в том числе его агрессивная форма, может радикально изменить взгляды адресата, но для того чтобы речевое воздействие было действительно эффективным необходимо владеть определенными приемами. Речевая коммуникация – это стратегический процесс, базисом для него является выбор оптимальных языковых ресурсов [2. С.34].

Речевое воздействие всегда ориентировано на достижение целей субъекта коммуникации. В рамках политического дискурса можно выделить следующие цели: сформировать положительный имидж, одержать победу на политических выборах, урегулировать конфликт, спровоцировать конфликт, удержаться у власти и прочее. В зависимости от цели коммуникации ее субъект будет использовать различные коммуникативные стратегии и тактики.

Коммуникативная стратегия и коммуникативная тактика – не тождественные понятия. Понятие «стратегия» шире, так как стратегия представляет собой общий план действий, направленный на достижение конкретной цели, а тактика – способы поэтапного осуществления этого плана. Коммуникативную тактику можно охарактеризовать как инструмент реализации стратегии. В рамках политического дискурса **коммуникативную стратегию** можно трактовать как определенную направленность речевого поведения в данной ситуации в интересах достижения целей коммуникации, а **коммуникативную тактику** как использование приемов, способов достижения какой-либо цели, линию поведения кого-либо [3. С.12]. В составе каждой из стратегий речевого воздействия можно выделить набор тактик, при этом одни и те же тактики могут входить в разные стратегии.

В качестве материала исследования мы выбрали скрипты речей ведущих политиков США, выступающих на заседаниях Совета Безопасности ООН в 2015 году. Особенность такого вида коммуникации заключается в том, что реципиентом является узкий круг лиц, имеющих специальные знания в области политики и дипломатии. Официально-деловой стиль речи предполагает монологичность, преобладание императивных конструкций, четкую структурированность текста, отсутствие эмоционально-оценочной лексики, что существенно ограничивает участникам коммуникации выбор речевых средств.

Проанализировав материал исследования, мы выяснили, что одной из стратегий, к использованию которых прибегает оратор, является стратегия запугивания.

Коммуникативная стратегия запугивания представляет собой агрессивную форму речевого воздействия и предполагает внушение кому-либо чувства страха или испуга.

Используя стратегию запугивания, оратор старается показать серьезность своих намерений, заставить оппонента сделать так, как требуется оратору, а в случае отказа выполнить действия, направленные на то, чтобы навредить оппоненту. При этом оратор понимает, что использование данной стратегии сопряжено с определенной ответственностью, так как при чрезмерном употреблении стратегии запугивания реципиент может посчитать взгляды оратора слишком радикальными, вследствие чего данная стратегия используется довольно редко.

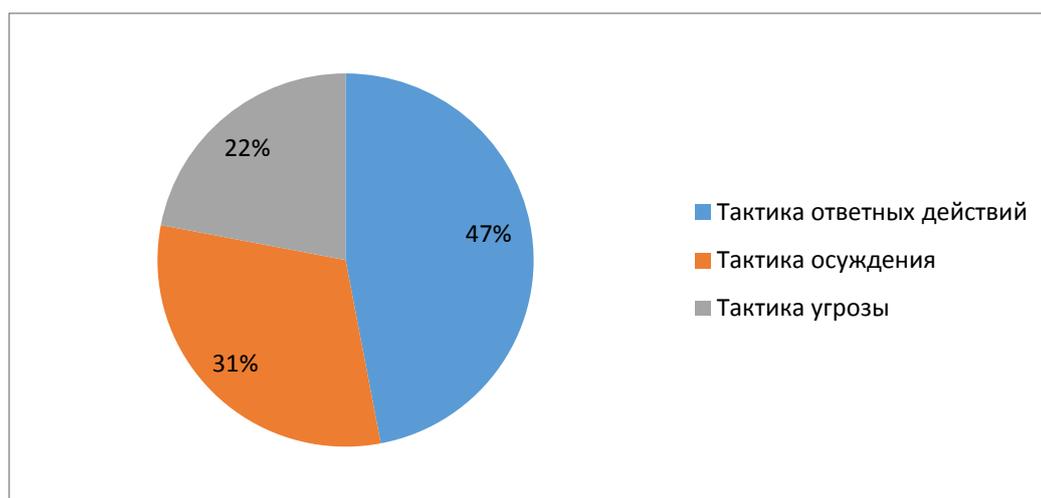
В ходе исследования в рамках стратегии запугивания нами были выделены следующие **коммуникативные тактики**:

- 1) Тактика ответных действий;
- 2) Тактика осуждения;
- 3) Тактика угрозы.

Частотность употребления данных тактик представлена на следующей диаграмме:

Мы можем наблюдать, что основной тактикой, к которой прибегают ораторы, является тактика ответных действий (47%). Вторая по частотности употребления тактика – тактика осуждения (31%), третья – тактика угрозы (22%).

Диаграмма 1. Коммуникативные тактики стратегии запугивания

Используя **коммуникативную тактику ответных действий**, оратор для начала обозначает некоторую конфликтную ситуацию, а затем предоставляет реципиенту информацию о том, какие меры были или будут приняты для её предотвращения. Используя данную тактику, политики стремятся показать, что их обещания подкрепляются действиями, и что

они с большой ответственностью относятся к выполнению обязательств перед населением.

На заседании Совета Безопасности ООН по борьбе с террористической угрозой на Ближнем Востоке и в Северной Африке государственный секретарь Соединённых Штатов Америки Джон Керри следующим образом использует тактику ответных действий:

...the United States and the coalition will continue our ongoing air operations, as we have from the very beginning. We have conducted a number of strikes against ISIL targets in Syria over the past 24 hours, including just an hour ago, and these strikes will continue.

В данном примере объектом запугивания является Исламское Государство Ирака и Леванта. Джон Керри перечисляет шаги, которые были и будут предприняты для борьбы с ИГИЛ в Сирии (ongoing air operations, strikes against ISIL targets), а также демонстрирует военный потенциал США.

Secondly, by imposing a new ban on the trade in smuggled Syrian antiquities, the resolution both cuts off a source of ISIL revenue and helps to protect an irreplaceable cultural heritage of the region and the world.

В этом примере постоянный представитель США при ООН Саманта Пауэр вновь извещает реципиента о мерах, предпринятых для того, чтобы предотвратить деятельность ИГИЛ (imposing a new ban on the trade in smuggled Syrian antiquities). Оратор также говорит о том, каким образом данные меры смогут улучшить сложившуюся ситуацию.

Коммуникативная тактика осуждения предполагает высказывание оратором негативного мнения относительно каких-либо идей, мнений, действий или решений объекта запугивания.

Используя тактику осуждения, оратор, как правило, отождествляет себя с группой людей (we, The United States, the Council, etc.), что позволяет ему выразить таким образом общее мнение и избежать субъективности оценивания.

К лексическим маркерам тактики осуждения относятся такие лексемы с негативной коннотацией, как reject, condemn, criticize, disapprove, dispraise, oppose, judge, deplore, accuse, etc.

Коммуникативная тактика осуждения может быть продемонстрирована следующим примером:

We strongly condemn any action that seeks to undermine the territorial integrity of the Bosnian State.

В данном примере заместитель постоянного представителя США при ООН Дэвид Прессман использует лексический маркер тактики осуждения condemn в сочетании с наречием strongly, усиливающим его значение.

Рассмотрим ещё один пример тактики осуждения из речи Джона Керри:

Al-Assad will never be accepted by those whom he has harmed; it will never be possible for him to become a legitimate leader in future or to lead a reconciliation or unification of the country.

В качестве лексического маркера данной тактики оратор использует лексему *asserit* в страдательном залоге в сочетании с наречием *never*, что позволяет ему выразить осуждение от лица пострадавших, в число которых сам оратор не входит. Такой коммуникативный ход используется не случайно – он применяется для создания образа жертвы (*those whom he has harmed*), что позволяет не только запугать того, кому адресовано данное коммуникативное сообщение, но и настроить против него общественность.

В отличие от коммуникативной тактики ответных действий, тактика осуждения служит в качестве предупреждения для объекта запугивания. Оратор говорит о своих серьезных намерениях, пытается запугать, но не поясняет, какие именно меры будут предприняты в случае невыполнения воли оратора.

Под **коммуникативной тактикой угрозы** мы понимаем высказанное в словесной форме намерение нанести вред общественным или личным интересам, обещание причинить неприятность, неудобство.

Тактике угрозы свойственны такие лексические маркеры, как *hold accountable, pay the price, put to justice, receive punishment, etc.*

Приведем пример использования коммуникативной тактики угрозы:

Al-Assad, those around him and any individuals overseeing or complicit in the commission of serious crimes in Syria must know that they will ultimately be held accountable.

В данном примере Саманта Пауэр использует лексический маркер *be held accountable*. Использование оратором страдательного залога позволяет не упоминать исполнителя действия, не показывать собственную причастность к угрозе. В начале высказывания оратор называет тех, кому обращается с угрозой (*Al-Assad, those around him and any individuals overseeing or complicit in the commission of serious crimes in Syria*), и только потом формулирует саму угрозу.

This cannot continue, and those who frustrate peace must begin to pay the price. That is why today's action by the Council is so important.

Во втором примере мы опять можем наблюдать использование лексического маркера *pay the price*. При использовании тактики угрозы, оратор намеренно не упоминает себя. Для того чтобы угроза звучала менее категорично, оратор не называет имена тех, кому она адресована, но создает собирательный образ преступника (*those who frustrate peace*).

Как и коммуникативная тактика осуждения, тактика угрозы не свидетельствует о намерении совершить какие-либо конкретные действия, она лишь выражает умысел оратора.

Стратегия запугивания используется довольно редко и с осторожностью, что объясняется эксплицитностью данной стратегии. Ораторы, как правило, отдают предпочтение имплицитным способам речевого воздействия, например, стратегии дискредитации. Тем не менее, стратегия запугивания и входящие в ее состав тактики являются ярким примером речевого воздействия в политическом дискурсе.

Библиографический список

1. И с с е р с О. С. *Коммуникативные стратегии и тактики русской речи*. М.: Издательство ЛКИ, 2008.
2. В л а с я н Г. Р. *Природа речевого воздействия* // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 16. – 2007. – №20 (98).
3. П а р ш и н а О. Н. *Российская политическая речь: теория и практика*. М.: Книжный дом «Либроком», 2012.

ТВОРЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ

В рамках дисциплины «Практический курс межкультурной коммуникации» среди студентов 4-го курса немецкого отделения переводческого факультета НГЛУ был проведен конкурс на лучшее эссе на тему «Was feiern die Russen am 4. November?» - «Что празднуют русские 4-го ноября?»

Праздник 4-го ноября, День народного единства, который в 2005 году вместо 7-го ноября (День Октябрьской революции) был объявлен в России государственным национальным праздником, совсем не новый, как думают некоторые. Эта дата отмечалась уже в царской России.

В начале ноября 1612 года русские войска под предводительством нижегородцев – купца Козьмы Минина и князя Дмитрия Пожарского – освободили Москву от польско-литовских захватчиков. В память о победе 4 ноября 1612 года царь Алексей Михайлович объявил его государственным праздником всея Руси. В народе этот праздник назывался Праздником Казанской Божьей Матери, так как дружины Минина и Пожарского в бой за свободу православной Руси шли с Чудотворной иконой Казанской Божьей Матери.

В феврале 1818 года в честь победы русского народа и освобождения России от польско-литовских захватчиков на Красной площади в Москве был воздвигнут памятник Минину и Пожарскому как символ единства всех сословий и народов нашей страны. А 4-го ноября 2005 года точная копия этого памятника была установлена в Нижнем Новгороде, на родине ополчения, у подножия нижегородского Кремля рядом с церковью Иоанна Крестителя, у входа в которую в лихую годину Козьма Минин выступил со своим «Воззванием к народу».

Сегодня этот день – 4-е ноября - объединяет два праздника: религиозный и государственный и символизирует стремление многонациональной России к Единству, Дружбе между народами и Мир, символизирует связь нашей Истории, Настоящего и веры в Будущее.

Для публикации в данном сборнике в разделе «Переводческая мастерская» предложены эссе четырех победителей этого конкурса:

Любови Евтиной, Ксении Качановой, Анны Кузьминой, Анны Тимофеевой.

*Руководитель проекта – канд. филол. наук, доцент
кафедры теории и практики
немецкого языка и перевода Л.А. Аверкина*

Was feiern die Russen am 4. November

Für die meisten Ausländer bleibt es noch unbekannt, was die Russen am 4. November feiern. Dieses Fest gilt als Symbol der Einheit des russischen Volkes und hat eine lange Vorgeschichte.

Die Ereignisse, an die man sich am 4. November in Russland erinnert, sind von einer besonderen Bedeutung für unsere „goldene Stadt unter dem blauen Himmel“, wie der bekannte russische Sänger Boris Grebenschtschikow Nischni Nowgorod in seinem Lied nannte, denn die Befreier Russlands kamen aus unserer Heimstadt. 1611/12 entwickelte sich zuerst in Nischni Nowgorod und dann in Moskau ein Volksaufstand, der aus Truppen von Bürgern und Bauern aus Zentral- und Nordrussland bestand. Das Ziel dieser zahlreichen Mengen von Menschen war Kampf gegen die polnische Intervention. Am 22. Oktober eroberte der Volksaufstand unter der Leitung von Kaufmann Kusma Minin und Fürsten Dmitri Poscharski im Sturm Kitai-Gorod (Moskau). Als die Anführer des Volksaufstandes gemeinsam mit Moskauer Bürgern Moskau von Okkupanten befreit haben, zog der Fürst Poscharski in die Lehmstadt mit der wundertätigen Kasaner Ikone der Gottesmutter ein und schwor, einen Tempel zur Erinnerung an diesen Sieg zu bauen. In den 1630er Jahren wurde an der nördlichen Seite des Roten Platzes in Moskau die Kasaner Kathedrale gebaut, die heutzutage sogar außerhalb Russland als eines der bekanntesten Kirchengebäude gilt. Im Jahre 1649 ordnete der damalige Zar Russlands Alexei Michailowitsch, den Gedenktag der Gottesmutter von Kasan nicht nur im Sommer, sondern auch am 22. Oktober zu feiern. Später entstand durch eine Reform des julianischen Kalenders der gregorianische Kalender. Man begann, den Gedenktag der Kasaner Gottesmutter am 4. November nach dem Gregorianischen Kalender zu feiern.

Ja, das Fest ist in Tradition tief verwurzelt. Aber man muss keinesfalls denken, dass dieses Datum mit der Wirklichkeit nichts zu tun hat. In den hellen Blumen der Ehrenschnitten, die auf den Himmel in ganz verschiedenen Teilen unseres Riesensandes blühen, spiegelt sich das Gefühl der Beteiligung an der gemeinsamen Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft wieder. Obwohl wir für immer die Geschichte unserer heroischen Heimat im Gedächtnis behalten, brauchen wir solche Feiertage wie der 4. November, denn sie dienen der Erinnerung und einigen uns noch mehr.

Ksenija Katschanova, Gruppe 401

Was feiern die Russen am 4. November?

Wir alle wissen, feiert jedes Land den Tag der Einheit, weil das ein sehr wichtiges Ereignis im Leben des Volkes ist. Der Tag der deutschen Einheit ist z.B. ein nationaler Feiertag, der von großer Bedeutung für die Deutschen ist. Bei

uns in Russland gibt es auch einen solchen Tag und zwar den Tag der Einheit des Volkes, der gerade am 4. November gefeiert wird.

Als gesetzlicher Feiertag wurde er erst 2005 eingeführt als Ersatz für den 7. November, an dem bis dahin der Jahrestag der Oktoberrevolution gefeiert wurde. Dieser Feiertag, der 4. November, existierte aber auch schon früher im zaristischen Russland und wurde der Befreiung Russlands von der polnisch-litauischen Besetzung gewidmet. In diesem Zusammenhang muss ich natürlich die Nationalhelden Russlands Dmitri Poscharski und Kusma Minin erwähnen.

Ein russischer Kaufmann Kusma Minin aus Nischni Nowgorod zusammen mit dem Fürsten Dmitri Poscharski waren Anführer des russischen Volksaufstandes gegen die polnisch-litauische Besetzung während der Zeit der Wirren Anfang des 17. Jahrhunderts. Sie haben die polnisch-litauischen Truppen im Jahre 1612 aus Moskau vertrieben und auf solche Weise das ganze Land gerettet.

Zum Andenken an diesen Sieg erklärte Zar Alexei I. diesen Tag zum Staatsfeiertag in ganz Russland. Früher hieß diese Feier Tag der Gottesmutter-von-Kasan-Ikone, weil Minin und Poscharski diese Ikone während des Kampfes vor sich trugen. Heute wird dieser Feiertag als Tag der Einheit des Volkes bezeichnet. So vereinigt man an diesem Tag zwei Feiern: religiöse - Tag der Gottesmutter-von-Kasan-Ikone und staatliche - Tag der Einheit des Volkes.

„Die Hauptidee des Tages der Nationalen Einheit ist es, Menschen zum Wohle ihres Landes zu vereinen“, so unser Präsident Wladimir Putin. Seit 2005 wird dieser Tag im großen Stil gefeiert. Es gibt viele Gedenkkundgebungen im ganzen Land. Zudem werden die Blumen zu den Denkmälern für Minin und Poscharski niedergelegt. Die Menschen gedenken ihrer Helden, die zur Rettung des ganzen Landes beigetragen haben.

Anna Kuzmina, Gruppe 402

TAG DER EINHEIT DES VOLKES

Der Tag der Deutschen Einheit erinnert Deutschen an die Wiedervereinigung am 3. Oktober 1990. Am 22. Januar ist der Tag der Einheit der Ukraine. Am 1. Mai feiern Kasachen Solidaritätstag oder Tag der Einheit des Volkes. Für jedes Land bedeutet ein solches Fest etwas Besonderes. So ist es auch in unserem Land.

Am 4. November feiert Russland die Befreiung Moskaus von der polnisch-litauischen Besetzung im Jahr 1612. Dieser Feiertag hat sich zu einer guten Tradition als Symbol des Friedens und der Einheit in dem Staat etabliert.

Anfang des 17. Jahrhunderts wurde unser Land von überaus schweren Unruhen heimgesucht. In die Geschichte Russlands ist diese Periode als Zeit der Wirren eingegangen. Die regierende Dynastie der Rurikiden sei unterbunden worden, die Macht der Bojarenklans erstarkte, im Lande herrschten Chaos und

Zerrüttung. Die Bewegung von Kusma Minin, dem russischen Kaufmann aus Nishnij Nowgorod, und Dmitri Poscharski, dem Fürsten aus der russischen Dynastie der Rurikiden, hat nicht nur verschiedene Stände, sondern auch Menschen unterschiedlicher Glaubensbekenntnisse, verschiedener Völker zusammengeschlossen, die den Wunsch hatten, die Ordnung wiederherzustellen.

Am 20. Februar 1818 wurde das Denkmal in Moskau eingeweiht und es erinnert uns an die Anführer des Volksaufstandes gegen die polnische Intervention 1611 und ihren Sieg über die Polen 1612. Dieses Denkmal befindet sich vor der Basilius-Kathedrale auf dem Roten Platz in Moskau.

Am 4. November 2005 wurde in Nishnij Nowgorod eine kleinere Kopie des Minin-und-Poscharski-Denkmal aufgestellt. Dieses „Schwesterdenkmal“ steht vor dem Nischegoroder Kreml, neben der Kirche Johannes des Täuflers, von deren Ausgang aus Kusma Minin 1611 das Volk zur Verteidigung Moskaus gegen die Polen aufrief.

Am Tag der Volkseinheit bekräftigen Russlands Bürger erneut, dass wir auf die Einheit, den Frieden zwischen den Nationalitäten und die Ordnung in der Gesellschaft größeren Wert legen als auf Wirren. Denn wir sind ein einheitliches Volk mit gemeinsamen Wurzeln und gemeinsamer Zukunft. Meiner Meinung nach soll ein solches Fest in jedem Land existieren, damit jedes Volk seine Einheit fühlt.

Anna Timofeewa, Gruppe 401

Was feiern die Russen am 4. November

Die Feier wurde erst vor kurzem eingeführt. Wir feiern dieses Fest seit 2005. Als ich in Deutschland war, wurde mir mal die Frage gestellt: „Was feiert ihr denn am 4. November?“ Das Interesse der Deutschen an die Russen war immer da, und das ist kein Wunder, dass Schlagzeilen in den deutschen Zeitungen oft Ereignisse in Russland angingen. Am 4. November 2014 hatte „Die Welt“ auf der ersten Seite einen Artikel veröffentlicht, wo auf dem großformatigen Foto eine russische Frau im bunten Kopftuch tanzte, am Hintergrund verlief eine feierliche Demonstration. Die Schlagzeilen lauteten etwa: „Die Russen feiern einen von Putin eingeführten Fest“. Es ging dort um die Situation wegen der Ukraine-Krise in Russland. Kein Wort über die Einheit der Völker. Das ist, was die Russen an dem Tag eigentlich feiern. Heutzutage ist die Vermittlung des friedlichen Bildes Russlands von großer Bedeutung geworden. Und wenn der Fokus verschoben wird, dann müssen wir uns daran erinnern, dass es nicht von Putin eingeführtes Fest gefeiert wird, sondern das Fest der Einheit der Völker, weil Russland immer ein Land war, wo viele Nationalitäten friedlich zusammenlebten, und das Fest wird an dem Tag gefeiert, als sie alle zusammen gegen Interventen aufgestanden sind.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Аверьянова К.Ю.</i> (Нижний Новгород). Сравнительный анализ особенностей туристического дискурса в русском и французском языках	3
<i>Азарян С.В.</i> (Тверь). Переводы и переводчики: их творческие методы.....	7
<i>Александрова А.В.</i> (Нижний Новгород). Проблемы перевода текстов космической тематики с немецкого языка на русский.....	12
<i>Алексеева Д.А.</i> (Саратов). Метафоризация лексики финансовой сферы в английском и русском языках.....	16
<i>Арестова А.А.</i> (Волгоград). ТМ-системы как средства оптимизации перевода.....	20
<i>Белин В.Я.</i> (Нижний Новгород). Качество перевода специальных текстов (на примере России, Германии, Франции и Японии).....	24
<i>Беловолова О.Ю.</i> (Нижний Новгород). Коммуникативный эффект рекламно-информационных текстов в переводе носителей переводящего языка.....	27
<i>Борисова А.С.</i> (Нижний Новгород). Проблема соотношения и восприятия литературного языка и его национального варианта (на примере австрийского немецкого).....	31
<i>Буданова А.В.</i> (Йошкар-Ола). Аксиологический аспект лингвистики как средство познания ценностной картины мира.....	35
<i>Быковская Ю.Р.</i> (Севастополь). К вопросу о переводе поэтического произведения (на материале стихотворения Г.Гейне «Ein Fichyenbaum...» и его переводов на английский и русский языки).....	39
<i>Вантеев А.С.</i> (Нижний Новгород). Сравнение понятия «лингвистическая безопасность» во французском и русском языках.....	49
<i>Верховская О.А.</i> (Коломна). Проблемы передачи языковых особенностей инаугурационной речи американских президентов при переводе.....	54

Власян Н.Р. (Челябинск). Нарушение принципа кооперации Г.П.Грайса в англоязычном разговорном дискурсе (на материале английского художественного диалога).....	64
Волкова Н.В. (Уфа). Метафорика нетривиального значения английских и русских глаголов видения.....	69
Воробьева А.А. (Нижний Новгород). Основные подходы к определению содержания переводческого анализа текста/ситуации.....	73
Евтина Л.Е. (Нижний Новгород). Специфика перевода немецких реалий на русский язык в художественно-публицистических текстах.....	78
Зайцева А.А. (Тверь). Типология комментария культурных реалий в переводе художественных текстов.....	83
Казакова В.Р. (Коломна). Политическая корректность и перевод: сладкая ложь?.....	86
Ковалёва А.Ю. (Нижний Новгород). Трудности перевода научно-популярных статей о коммуникации животных.....	93
Кузьмина А.В. (Нижний Новгород). Специфика перевода текстов-рекомендаций по теме «Здоровый образ жизни».....	98
Лешканова Е.О. (Нижний Новгород). Лингвистическая безопасность во Франции и Канаде: борьба с англицизмами.....	102
Матвеев И.А. (Тверь). Постер как значимый фактор в переводе названий кинофильмов: постановка проблемы.....	110
Мигашкина О.Д. (Челябинск). Сравнительный анализ методов использования корпусов в переводе текстов СМИ.....	115
Мурзина Т.А. (Челябинск). Понятие перевода-редактирования (transediting) и его основные приемы.....	121

Мяжкова В.А. (Севастополь). К вопросу о переводе поэтического произведения (на материале стихотворения М.Цветаевой «Откуда такая нежность?») и его переводов на английский язык).....	129
Мяльдзин А.Р. (Коломна). Особенности перевода профессионализмов в музыкальном дискурсе.....	139
Никогосян В.А. (Коломна). Способы перевода английских рекламных слоганов на русский язык.....	145
Парфенова Т.Н. (Нижний Новгород). Проблемы перевода текстов академической тематики, регулирующих жизнь иностранных студентов.....	150
Полторакова Н.В. (Коломна). Трудности перевода технических текстов (на примере информационных компьютерных текстов).....	154
Преснякова Д.А. (Нижний Новгород). Проблема переводимости (лингвокультурологический аспект).....	162
Пиеничная С.В. (Нижний Новгород). Речевая агрессия: как действовать переводчику?.....	166
Сахратова Э.И. (Казань). Особенности научно-технического и научно-популярного переводов.....	171
Семикова А.Ю. (Нижний Новгород). О сложности текста оригинала как переводоведческой категории.....	176
Сергеева С.А. (Йошкар-Ола). Реализация метафорических моделей концепта «Семья» в пословичных картинах мира французского языка и американского варианта английского языка.....	179
Соколова А.Ю. (Тольятти). Конструирование англо-русского тезауруса юридических терминов в лингвистике.....	183
Соловьева И.С. (Нижний Новгород). Переводчик – гарант лингвистической безопасности?	188

Солодянкина Т.Д. (Ни́жний Но́вгород). Лингвокультурные факторы перевода юридических текстов.....	195
Удре К.А. (Ни́жний Но́вгород). Прагматические аспекты устного перевода.....	199
Фенина Ю.В. (Тверь). Эффект реальности в литературе. Перевод реалий, служащих созданию эффекта реальности (на материале произведений Ф.Бегбедера «Каникулы в коме» и «Рассказики под экстази»).....	203
Филилеева Е.А. (Ни́жний Но́вгород). Единый язык науки.....	207
Чернявский С.А. (Воронеж). Выбор переводческих стратегий и фактор адресата при переводе философских текстов.....	212
Чистякова Я.С. (Челябинск). Прагматические особенности перевода прозвищ людей (на материале медийных текстов).....	216
Шестопал А.Ю. (Ни́жний Но́вгород). Языковое манипулирование и язык вражды (на примере освещения конфликта на Украине в российских, украинских и немецкоязычных СМИ и социальных сетях)....	225
Шпакова Т.С. (Воронеж). Когезия в аспекте перевода (на материале перевода англоязычных союзов со значением уступки).....	231
Штонда Ю.А. (Воронеж). Аллюзивные библеизмы в текстах проповедей митрополита Антония Сурожского и способы их перевода на немецкий и английский языки.....	237
Шушарина В.А. (Челябинск). Реализация стратегии запугивания в американском политическом дискурсе.....	243
Творческая мастерская	244

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА И ПЕРЕВОДА В ТРУДАХ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Сборник научных трудов

Выпуск 15

Отв. редактор: канд. филол. наук Вадим Витальевич Сдобников

Печатается в авторской редакции

Лицензия ПД № 18-0062 от 20.12.2000

Подписано в печать 25.11.2015. Формат 60x90^{1/16}. Цена договорная

Печ. л. 16,1. Тираж 150 экз. Заказ

Типография «НРЛ»

Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, 60